

**ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ**

ВЕСТНИК

**КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0142-0843

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ
сериясы
№ 3(63)/2011
Серия **ИСТОРИЯ.**
ФИЛОСОФИЯ

Шілде–тамыз–қыркүйек
1996 жылдан бастап шығады
Жылына 4 рет шығады

Июль–август–сентябрь
Издается с 1996 года
Выходит 4 раза в год

Собственник РГКП **Карагандинский государственный университет
имени Е.А.Букетова**

Бас редакторы — Главный редактор

Е.К.КУБЕЕВ,

академик МАН ВШ, д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора

Х.Б.Омаров, д-р техн. наук

Ответственный секретарь

Г.Ю.Аманбаева, д-р филол. наук

Серияның редакция алқасы — Редакционная коллегия серии

Б.Е.Колумбаев,	редактор д-р филос. наук;
Ж.С.Сыздыкова,	д-р ист. наук;
К.С.Алдажуманов,	д-р ист. наук;
В.В.Евдокимов,	д-р ист. наук;
Р.М.Жумашев,	д-р ист. наук;
З.Г.Сактаганова,	д-р ист. наук;
В.В.Козина,	д-р ист. наук;
Б.Г.Нуржанов,	д-р филос. наук;
С.Б.Булекбаев,	д-р филос. наук;
В.С.Батулин,	д-р филос. наук;
Л.К.Шотбакова,	канд. ист. наук;
Р.Ш.Сабирова,	канд. психол. наук;
З.Х.Валитова,	канд. ист. наук;
Г.М.Смагулова,	канд. ист. наук;
А.Н.Муканова,	ответственный секретарь канд. ист. наук

Редакторы *Ж.Т.Нұрмұханова*
Редактор *И.Д.Рожнова*
Техн. редактор *А.М.Будник*

Издательство Карагандинского
государственного университета
им. Е.А.Букетова
100012, г. Караганда,
ул. Гоголя, 38,
тел.: (7212) 51-38-20
e-mail: izd_kargu@mail.ru

Басуға 21.09.2011 ж. қол қойылды.
Пішімі 60×84 1/8.
Офсеттік қағазы.
Көлемі 9,25 б.т.
Таралымы 300 дана.
Бағасы келісім бойынша.
Тапсырыс № 667.

Подписано в печать 21.09.2011 г.
Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная.
Объем 9,25 п.л. Тираж 300 экз.
Цена договорная. Заказ № 667.

Отпечатано в типографии
издательства КарГУ
им. Е.А.Букетова

Адрес редакции: 100028, г. Караганда, ул. Университетская, 28

Тел.: (7212) 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz Сайт: <http://www.ksu.kz>

© Карагандинский государственный университет, 2011

Зарегистрирован Министерством культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан.
Регистрационное свидетельство № 1131–Ж от 10.03.2000 г.

МАЗМҰНЫ

ТАРИХ

<i>Сактағанова З.Ф., Суінова А.С.</i> Қазақстанның БІнтымақтастық Ислам Ұйымына төрағалық етуі: тарихы мен болашағы.....	3
<i>Бондарцова Т.М.</i> Қазақстан Республикасы халқының ұлттық және сандық құрамы мәселесі жөнінде	11
<i>Адыгезалов З.Н.</i> Қазіргі замандағы Әзербайжан Республикасының сыртқы саясатының басымдылықтары.....	18
<i>Баланецкий О.Ф., Зуева Л.И.</i> Мектептегі тарихи білімнің мәселелері, тестілеу және ҰБТ-ге дайындық жөнінде.....	24

ФИЛОСОФИЯ

<i>Джалилов Қ.Ш., Солощенко П.П.</i> Жауапкершілік этикасы қазіргі заманғы ғылыми әрекеттің императиві ретінде	30
<i>Рынковой И.В.</i> Діни сананың гносеологиялық аспектілері.....	36
<i>Разумов В.И., Сизиков В.П.</i> Динамикалық ақпараттық жүйелер теориясы тұрғысынан тарихи процестің қоғамға әсері	42
<i>Шуматов Э.Г., Феталиева Н.Ю.</i> Ф.В.Й.Шеллингтің «Трансценденталды идеализм жүйесіндегі» интеллигенция әрекетінің формалары ретіндегі Мен-кеңістік және Мен-уақыт	50

ЖАС ҒАЛЫМДАР МІНБЕСІ

<i>Сейид Р.М.</i> Жастар нашақорлығы ғаламдық қауіп ретінде: мәселені талдаудың әлеуметтік аспектісі (Иран Ислам Республикасындағы Решт қ. жағдайларды зерттеу материалдары бойынша).....	62
<i>Медведовская В.Ф.</i> Отбасының өмірлік циклі: жүйелік-категориалдық талдау	68

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР.....	74
---------------------------------	----

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Saktaганова Z.G., Suinova A.S.</i> Kazakhstan's Chairmanship of the OIC: the History and prospects	3
<i>Бондарцова Т.М.</i> К проблеме численного и национального состава Республики Казахстан	11
<i>Адыгезалов З.Н.</i> Приоритеты внешней политики Азербайджанской Республики в современный период	18
<i>Баланецкий О.Ф., Зуева Л.И.</i> О проблемах школьного исторического образования, тестирования и подготовке к ЕНТ	24

ФИЛОСОФИЯ

<i>Джалилов К.Ш., Солощенко П.П.</i> Этика ответственности как императив современной научной деятельности.....	30
<i>Рынковой И.В.</i> Гносеологические аспекты религиозного сознания.....	36
<i>Разумов В.И., Сизиков В.П.</i> Влияние исторического процесса на общество с позиций теории динамических информационных систем ...	42
<i>Шуматов Э.Г., Феталиева Н.Ю.</i> Я-пространство и Я-время как формы деятельности интеллигенции в «Системе трансцендентального идеализма» Ф.В.Й. Шеллинга.	50

Трибуна молодых ученых

<i>Сейид Р.М.</i> Наркомания молодежи как глобальная угроза: социологический аспект анализа проблемы (по материалам исследования ситуации в г. Решт Исламской Республики Иран).....	62
<i>Медведовская В.Ф.</i> Жизненный цикл семьи: системно-категориальный анализ.....	68

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	74
--------------------------	----

УДК 316.47: 28 (574)

Z.G.Saktaganova, A.S.Suinova

Karaganda State University of E.A.Buketov

Kazakhstan's Chairmanship of the OIC: the History and prospects

In article the history of origin and development of idea of «Pan-Islamism» on territories of Saudi Arabia and its distribution for country limits reveals and all over the world. Authors investigate attempts of the Arabian states to extend idea of association on the basis of Islamic solidarity through the international organizations. One of such effective associations for today is the Organization of «Islamic conference». In article preventive acts and settlement of organization in the Middle East conflicts, the place and role of Organization of «Islamic conference» in international relations and possible prospects of Chairmanship of the Republic of Kazakhstan in the Meeting of Ministers of Foreign Affairs of the Organization of «Islamic conference» in 2011 are analyzed.

Keywords: Kazakhstan, Republic of Kazakhstan, Saudi Arabia, Arabian states, Middle East, Islamic conference, society, dynamics, development, historical.

The vast majority of Eastern religion plays a significant role, religious organizations, in some cases are more effective than secular political parties, the mechanism of influencing the behavior of the masses. An important and powerful tool is the Mosque, its practical ability to work with people. Activation of religious trends in the spread of Islam, their latent influence on the system of international relations set in the late 1960–1970-ies in the theoretical, political and practical terms, the problem of an Islamic alternative world order.

The religious factor in a political life of the zone of spreading Islam has acquired a global character because of its broad social base, transnational, polycentric, large financial resources of Muslim oil-producing states.

In historical literature there is still no consensus about the origins of «founder» pan-Islamic movement. Most common concept that the founder of Pan-Islamism is Sayyid Jamal al-Din al-Afghani (1839–1897), who advanced the idea of «religious-political alliance of Muslim nations» [1; 475]. There is a number of authors who argue that the idea of pan-Islamism was born in the years 1883–1884 in Africa, where the League was established under the name «Ittihad-Islamiya» (Unity of Muslim League). The initiator of the League called on Sheikh Omer Adzhel ruby-Mahdi (a Frenchman, an Algerian-born). According to these authors, the League was the result of the capture of African territories by Europeans [2; 85]. All theorists of Pan-Islamism is defined as «the unity of the Muslim world in one powerful grouping (education), whose aim is the embodiment of the principles of the Koran» [3; 12].

Under colonial rule of the imperialist states pan-Islamic slogans used by the liberation movements of the colonies in their struggle for independence. However, during the acute religious clashes in Syria in 1960 «began to dominate the national and not religious basis of Arab unity» [3; 13]. Turkish Sultan Abdul Hamid, after the Turkish revolution of 1908 rejected the concept of pan-Islamism and began turkization of population in the Arab governorates — the administrative units of the Ottoman Empire.

After World War I in the zone of the spread of Islam has changed dramatically, which created the pre-conditions for the emergence of alternative pan-Islamism trends: the growth of regional nationalism, the emergence of the concept of pan-Arabism.

Movement, aiming at strengthening Islamic solidarity in opposition to growing influence of Western countries in Asia, began to emerge in 1920 in the development of anti-imperialist sentiment in the Middle East. In 1926 these ideas were developed in the activities of Abdul Aziz Ibn Saud — the founder of Saudi Arabia — Mecca organized in the first World Muslim Congress, which was attended by representatives of most Muslim countries, as well as countries with strong Muslim community (including and representatives of the USSR). The event, officially aimed at fighting the European colonization, was to strengthen the regime of Ibn Saud, demonstrating broad support for his policies on the part of followers of Islam [4]. Despite the relative narrowness of the objectives of Congress, he was instrumental in the acquisition of Islamic leaders the experience needed to establish meaningful contact with their peers and neighbors, as well as for joint solutions to common problems in the sphere of interaction with Western countries. Consolidation of the Islamic world contributed to carry out similar activities in 1931 (Jerusalem), 1949 (Karachi), 1962 (Baghdad).

In 1962, in Mecca in Saudi initiative League of the Islamic world was established — an international organization of Islamic states along religious lines. Charter Organization proclaimed goals such as strengthening Islamic solidarity, the dissemination of ideas of Islam, maintaining constant contact with leading religious figures and scholars, establishing and developing close relations with the followers of Islam living in non-Muslim countries, as well as «support for a holy war of Muslims, wherever she did appeared» [4].

The League has not been clearly structured. This organization tries to respond to major regional and global challenges the integrity of the Islamic world, but has not sought to develop mechanisms to address common to all Muslim countries, the problems of economic and social nature that predetermined its weakness and relative inefficiency by reducing the activity of the League of the Islamic world to the proclamation of political declarations rather general nature.

Thus, during the period 1920–1960-ies of the Islamic community has failed to establish an effective mechanism of intergovernmental cooperation to jointly address the problems faced by Muslim countries after independence. During this period, long-term development of solidarity of the Islamic countries on the basis of religion was considered the leaders of several countries as a convenient tool for strengthening the regimes, and raising his own prestige in the Middle East regional political arena and on the world scene as a whole. Experience of cooperation of states allowed forming a sufficient basis for the development of constructive cooperation between the adherents of Islam in the future.

In 1962, unknown persons set fire to the sacred for all Muslims to the mosque of Al-Aqsa Mosque in Jerusalem. This event shook the entire Islamic World; none of the terrorist organization has claimed responsibility for actions. In September of that year at the initiative of Saudi King Faisal, in Rabat (Morocco) gathered Chapter 26 Muslim states. Condemning the attack on the mosque and shrine, they decided to create a new structure, the main objectives of which were to be the support of Islam throughout the world, the joint protection of the rights and interests of the people of Palestine and the Muslim Ummah as a whole.

Past experience has allowed leaders of Muslim countries to create in 1969 the Organization of Islamic Conference, which became the main body of interstate cooperation within the Islamic world. Despite the fact that the main impetus to the creation of the OIC was the burning of a mosque in Jerusalem and the defeat of Arab armies in the Six Day War with Israel, the main objectives of the organization were far greater military cooperation and joint defense. The Charter of this organization has been made to goals related to strengthening the solidarity of the Islamic world, the strengthening of cooperation of Muslim countries in economic, political, social and cultural spheres, to coordinate their actions in the international arena, the protection of independence and national rights of all Islamic peoples, etc. etc. [5].

The Charter of the OIC indicated principles of interaction between members of the organization designed to promote the realization of the objectives listed above: the principle of equality of all States members of the organization, respect, independence and territorial integrity of member countries of the Conference, the rejection of the use or threat of force in resolving various issues arising in relations among Islamic countries. It should be noted that the structure of the OIC was originally built with a specific political culture in the Islamic world, as well as taking into account their political regimes. Under the Charter of the OIC the supreme body of this organization is the Conference of the monarchs, heads of State and Government, held every three years.

Analysis of the published documents of the structural unit suggests the declarative nature of the Conference of the monarchs, heads of states and governments. Participants in the sessions of the Conference to discuss the most important strategic issues of international security, economic and cultural development, limiting the adoption of declarations that do not contain any recommendations for solving the problems encountered [6; 3]. The solution to the critical development issues and cooperation in the Islamic world passed the

Conference of Foreign Ministers of the Organization, which aims to make responsible decisions concerning the general line of policy of the OIC, tracking the implementation of decisions and verify their effectiveness, the discussion of financial issues, as well as coordination action by countries of the Organization, in accordance with its objectives and principles. Such distribution functions, in our opinion, because the initiators of the Islamic Conference have tried to «insure» that organization of the contradictions between authoritarian charismatic leaders of Islamic (especially Arab) countries in the development process of their cooperation. The order to address critical policy issues the foreign ministers, who are mostly educated, highly skilled, experienced diplomats and politicians, reduced the possibility of reducing the discussion of these issues for the competition claims and ambitions of individual leaders of Muslim states to dominate in the Islamic world. Another feature of the structure of the Organization of Islamic Conference is an abundance of ad hoc committees and institutions, both temporary and permanent, which led, as a rule, heads of states of the Organization. As the structural units of this kind is necessary to note the Committee on Jerusalem, which plays a major role in determining the policies of the OIC in respect of the Middle East conflict, the Standing Finance Committee, which determines monetary policy of the Organization and provides funding for its activities, as well as the Islamic Committee on Economic, Social and Cultural issues.

At the different times within the Islamic Conference several foundations, centers were established and agencies designed to coordinate the activities of governmental, public and private organizations in the Islamic world in various fields (transport, research, etc.), as accumulate funds for their development (Islamic Solidarity Fund, International Centre for Islamic Education, Islamic Council of Civil Aviation, etc.) as well

Speaking about the structure of the OIC, must also be noted that in late 1980 and early 1990's under it appeared division characteristic of international associations such as integration, designed to strengthen the coordination of member countries of the Conference in a particular area. K units of this kind include the Council of Ministers of the Interior, whose main function is to develop cooperative measures to reduce the social base of terrorism, development and implementation of pan-Arab security strategy, as well as the Parliamentary Union of OIC, designed to strengthen the unity of the Islamic world in constant change occurring in the world arena. Today, the Organization of Islamic Conference is the largest and most influential Muslim official of an international intergovernmental organization. It currently brings together 57 countries with a population of over 1.4 billion people. Total OIC member countries are the second after the United Nations institutional organization in the world [3; 27].

The activities of the OIC have been recognized by the UN. Thus, the OIC has been invited to participate in the sessions and work of the General Assembly as an observer. One important aspect of cooperation between the two organizations is joint peacekeeping efforts. In this connection the question arises about the status of the OIC as an organization. OIC can not be attributed to regional organizations, as well as under article 52 of the UN Charter, regional organizations should meet the following requirements: to be established on the basis of regional agreements «to resolve such matters relating to the maintenance of international peace and security as are appropriate for regional action, provided that such arrangements or agencies and their activities are consistent with the purposes and principles of the Organization».

Moreover, the activities of the OIC, particularly in the areas of support and assistance to Muslim minorities in non-Islamic countries that are religiously justified form of interference in the internal affairs of other states. Regionalism of membership in the OIC does not comply with the requirements of the UN Charter, as the OIC includes zones spread of Islam from Malaysia in the east to Morocco in the west, from Malawi in the south to Kazakhstan in the north of this zone. Finally, it is impossible to deal with the problems of maintaining international peace and security in a closed organization based on religious grounds [7; 6].

OIC can not be attributed to the specialized agencies, as according to Article 57 of the Charter of the UN specialized agencies are, «established by intergovernmental agreement and having wide international responsibilities, as defined in their basic instruments, in the areas of economic, social, cultural, educational, health and other» in relationship with the UN in accordance with the provisions of article 63 [5].

Objectives of OIC cover areas the maintenance of international peace and security, cooperation between Member States in scientific, cultural, social, economic and other fields and coordination in the name of liberation and the preservation of the integrity of the holy places, supporting the struggle of the Palestinian people and assist him in the name of his return rights and the liberation of its territory, supporting the struggle of all Muslim peoples to preserve their dignity and national rights [5].

In an extensive annual directory «International Organizations» OIC is placed in the «C» — intercontinental organization. This group of organizations formed by the following criteria:

- International intergovernmental and nongovernmental organizations, whose activities are not aimed at the economic benefit;

- The organization's activities go beyond a certain continental regions;
- Part of an organization consists of members not less than ten countries;
- Part of an organization is at least one state of another continent [8; 5].

In practice, international organizations emerge as a permanent mechanism for international contacts, when all previous forms — bilateral relations, multilateral conferences — can not meet the objective needs of development of international relations in general or in specific areas. With regard to the history of the OIC Organization of the Islamic solidarity «was not a reflection of the «Islamic integration», and was conceived as a tool to strengthen pan-Islamism in contemporary conditions of relevant international legal registration of the founding documents.

In Kazakhstan, in our absolute conviction that Islam, or some other religion does not dominate any ideology, no politics or in everyday life. Islam in Kazakhstan rooted much later than in Central Asia. The spread of Islam was the result of the Arab conquests of VII — beginning of VIII century that did not become a «point of reference» full-fledged entry into the Islamic world. Waves of nomads, bring with them their pagan beliefs, were not allowed this process to complete. As a result, the Kazakh steppes remained the «periphery of Islam». The Kazakhs Islam combined with the pre-Islamic beliefs — Tengrianism, shamanism, the worship of the spirit of the earth — Ana Gers and others. Everyday life of Kazakhs characterized by a lack of rigor in compliance with Shariat. Kazakhs throughout its history did not show any religious fervor. Until 1990, the Muslim community in Kazakhstan obeys the Spiritual Administration of Muslims, located in Tashkent, [9; 9] in Kazakhstan, a temperate Sunni Islam. Kazakhs have always been alien to the politicization of Islam, opposition to secular government and religious elites, intolerance of other faiths, religious bigotry, or the value of a theocratic state.

For nearly two decades of reform in Kazakhstan there were significant quantitative and qualitative changes in the religious life of the population. At present, the number of Muslim religious organizations in the country is 1313, there are over 5,000 mosques. According to the Spiritual Administration of Muslims in the republic there are about 11 million Muslims, representing 24 nationalities [10]. Statistics shows that since independent Kazakhstan has increased the number of adherents of Islam and some political scientists are concerned about how fundamentally it can take root in our country. But perhaps one of the major reasons that the spread of Islamic fundamentalism does not threaten Kazakhstan seriously — especially the historical development and as consequence of this lack of a broad social base.

The Charter of the OIC have a few points on which Kazakhstan could apply for entry into the organization:

- «The percentage of Muslims and the total population of the state, as well as the percentage of Muslims and followers of other faiths in the state, etc.

- Content of the Constitution of the State regulations on whether Islam is the official religion;
- Degree of application of Islamic shariat state (discussed whether shariat as a source of law)» [5].

Kazakhstan became a full member of the OIC in 1995, thanks to correspond to the first paragraph of the Charter of the OIC, the second among Central Asian states of Tajikistan, after which came on Dec. 1, 1992 [11]. It is clear that this was due to the emergence and formation of foreign policy of our republic. In contrast, the percentage of Muslim population in the Republic of Kazakhstan for the period, accounting for about 60 percent, the same rate in Tajikistan is 95 percent [12]. This, of course, will allow Tajikistan to quickly determine their foreign policy orientation in the past enter into this organization. The main reasons can be designated for investment in a period of political instability in Tajikistan by the «brothers in faith, experiencing at that moment a huge influx of petrodollars».

Interaction of Kazakhstan with the OIC took a passive character until 2006 (the share of foreign trade between the ROK and the OIC does not exceed 10 per cent) [7; 6]. To promote cooperation between the OIC member states has been developed OIC Ten-year action plan for 2006–2016, aimed at strengthening economic diversification and integration.

At the end of March 2010 the Republic of Kazakhstan established its Permanent Mission to the Organization of Islamic Conference. His discovery is aimed at strengthening cooperation between our countries with powerful international union.

07/09 June 2011 scheduled for VII World Islamic Economic Forum (VIEF) in Astana with participation of business circles of the Muslim world. Topic VII Forum — «Globalization: the relationship, competition and cooperation for the mobilization of Muslim and non-Muslim countries towards greater economic inde-

pendence through open channels of multilateral relations and strategic cooperation». Will be organized into several sessions, which will discuss issues of Islamic banking, the development of financial infrastructure, the industry «halal», alternative energy sources and other forum will serve as a better understanding of the socio-economic problems of the OIC countries and to develop constructive ways of its development [13].

Kazakhstan, intends to actively engage the Islamic capital in the transformation of the national economy, has deeper and more fully absorb these specific rules to take full advantage of this powerful building. Due to the rapid development of the halal industry in Kazakhstan in November 2009 established technical committee «halal» certificates for production of the products 15 enterprises of the country [7; 6]. It is expected that in addition to companies specializing in the production of halal food products, their development in the country will also halal cosmetics, pharmaceuticals and halal so on.

Given that the country is gaining momentum speculative capital, is constantly provoking inflationary proclivities, it is likely beneficial impact of Islamic principles on the ethics of domestic business.

Asian Development Bank (ADB) and Islamic Development Bank (IDB) agreed to set up Asia's first multi-Islamic Foundation for Infrastructure, whose size will be 500 million. This fund will make equity investments in 12 borrowing countries in both banks, such as Afghanistan, Azerbaijan, Bangladesh, Indonesia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Malaysia, Maldives, Pakistan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. All these projects are in early stages of development [7; 7].

Currently, under Kazakh law, the right to issue securities sukuk has Islamic financial institutions, subsidiaries of the National Welfare Fund «SK» and the holding structure KazAgro. It is expected that by 2020 the share of Islamic financing in the aggregate amount of investments into Kazakhstan's economy will reach 12 percent. The country launched the first Islamic Halal insurance company «Takafu» [7; 7].

Thus, the infrastructure of the financial and banking cooperation is expanding, which obviously serve as a multifold increase in investment of the OIC in the Kazakh economy. Maintaining the status quo in Kazakhstan as a recognized authoritative leader of Central Asian countries and no less credible OSCE participating will be the main task of the country during the transfer of Turkey's friendly to Kazakhstan President chairs the OIC Foreign Ministers in the summer of 2011. What are the prospects for the presidency? What positive and negative consequences may be for Kazakhstan in the framework of the presidency? And how effective will the Middle East issue a decision within the framework of our country in the OIC?

Considering all the features of this organization, it should be noted that Kazakhstan will have a difficult period in his role as chairman: in contrast to «secular» OSCE and OIC includes states that are traditionally Muslim, or have a predominantly Muslim population. Therefore, all questions relating to religion, the issues related to Islam, stand in the forefront of his decision. For the OIC issue that is religious in nature, are of fundamental importance: first, it is the need to solve the Palestinian question and, secondly, that the definition of the status of Muslims the third holiest site — the Al Aqsa Mosque (Dome of the Rock) in Jerusalem, and thirdly, strengthening the role OIC in world politics by expanding the number of participants in the organization. If the first two positions are not in doubt, the third position in our view represents a kind of complexity, as the performance evaluation of the OIC quite controversial. There are several opinions on this matter.

For example, the chairman of Russia's Islamic Committee Geydar Jemal, commenting on the prospects of the OIC, said that its activities can not be called effective, as the steps made by the leaders of the participating organizations are anti-Islamic in nature, and the leaders themselves are shown in its place the Western community in order to control Islamic factor in their respective territories. Moreover, Jemal believes that... «all these bureaucratic regimes, not excluding the Saudi, are protіvіgіys of the Western community, and the main difference between them lies in the fact that some are focused on the United States, and others — in the post-colonial Britain, a common market and maybe in continental Europe» [14].

Not fundamentally different position of the heads of the Union of Muslims of Kazakhstan Murat Telibekov who in his interview described the activities of the OIC: «The reason, above all, the Islamic community, unwillingness and inability of Muslims to defend their own interests. The most striking example — Palestine. Dwarf Hamas and Hezbollah have a far greater impact on the Middle East peace process, than a giant monster of the OIC. Perhaps, the OIC is doing well in the cultural field? But here we see the depressing infantilism. The largest Muslim mass media to Al Zhazira «or» Al Arabiya «created not with the assistance of the Muslim integrals, but rather the contrary» — he said [15].

It's hard not to agree with the leading Islamic figures, but it is hoped that Kazakhstan is still able to change the stereotype of the OIC.

Ambassador at Large of the MFA Dulat Bakishev noted that the recent OSCE summit in Astana, will provide an excellent opportunity to draw international attention to the problems of Central Asia. As regards cooperation with the OIC, it helps to solve the specific political, economic, cultural problem. In particular, the organization has assisted Kazakhstan in obtaining equipment for medical, educational institutions, the reconstruction of roads. The OIC Kazakhstan focuses on the economic component. Intensification of trade and economic cooperation with Muslim countries and economic institutions of the OIC, including the Islamic Development Bank, a fully fit in with the policy of intensification of the economy of Kazakhstan [16].

Baghdad Amreyev believes that the status of the chairman of Kazakhstan provides a unique opportunity to contribute to the solution of some problems of global and common Muslim character. In this context, the objectives of the chairmanship of Kazakhstan at the global level are a contribution to strengthening international and regional security, promotion of global inter-civilization dialogue, a peaceful and constructive interaction between Islam and the West, countering Islam phobia in the world, strengthening the nuclear non-proliferation, etc. As national goals, among them are the effective chairmanship of the OIC, the nomination of our country as leaders in the Islamic world, strengthening the role of Kazakhstan as a mediator in resolving problematic issues in relations between the Muslim world and the West, as well as expanding trade and economic and investment cooperation with Muslim community, to develop cooperation in the field of science and technology, environment, strengthening cultural and humanitarian cooperation [13].

Such are the prospects for Kazakhstan's chairmanship of the OIC, according to leading public figures.

So, what problems might face Kazakhstan for the presidency of the organization? In our view, for Kazakhstan, it will attempt to preserve the dominant priorities of Kazakhstan between the parties-members of OIC and foreign «players» of the OIC. Reasons for these assumptions are many:

First, Kazakhstan will not have to lose the balance of equilibrium, which he acquired during his chairmanship of the OSCE. In other words, to work in such an authoritative body like the OSCE did not turned out to be inconclusive.

Secondly, as a chairman to preserve the integrity and unity of its members through their mutual rapprochement.

Thirdly, Kazakhstan must promote the conservation status of a benevolent state, positioning itself as a center «of the Congress of World and Traditional Religions».

Fourth, as a member of the OIC Kazakhstan will be required to adhere to the agreements of the Bureau for a boycott of Israel, established on the basis of the OIC, in principle, for Kazakhstan is not possible. We can assume that dissociation from the OIC until recently could be caused by warm relations with Israel.

Given the precedent of deaths of civilians caused by the shooting of 31 May 2010 by Israeli soldiers delegates peaceful «Freedom Flotilla» in neutral waters of the Mediterranean trying to humanitarian aid to Palestine, has led to the demise of the political image of Israel in the eyes of the world. Kazakhstan could not extract political advantage in addressing convergence with the countries of the OIC on the eve of its presidency of the organization. Kazakhstan needs to solve a very difficult problem — to restore friendly relations between Turkey (where the President of Kazakhstan has become an influential personality) and Israel that after the tragedy of humanitarian convoy to solve virtually impossible.

There is one more obstacle in addressing this complex issue Kazakhstan — voiced in May 2010 in the media (on a running line republican television agency «Khabar»), an official statement of the Minister of Foreign Affairs of the State of Israel, Avigdor Lieberman, that the Kazakhstani military cargo plane, the detainee Thai security forces at the airport, was intended for the Palestinian radical movement Hamas and the moderate Islamist movement «Hezbollah» [17]. In turn, the MFA not way has not reacted to the statement by Israeli Foreign Ministry. Given that Kazakhstan is a republic with a predominantly Muslim population, this fact can affect and trust relationships of Israel to Kazakhstan.

According to researcher Sultangaliev Magzum, which in one of his articles on the official Kazakh edition wrote that the majority of the axial flow problems in world politics are concentrated in the Middle East. Processes, occurring there, are directly related to questions of the Afghan-Pakistani stability, having high impact on security in Central Asia and the Caspian Sea [18].

This thesis can only add that the question of one of the participants in the OIC — Islamic Republic of Iran — also remains open: an open confrontation between Israel and Iran, Russia's refusal to sell Iran S-300, U.S. opposition to a peaceful «nuclear program» of Iran, Saudi competition Arabia and Iran, and much more to be resolved within the framework of Kazakhstan's chairmanship of the OIC.

In this case, we can only hope for the best: it seems that the format of the upcoming meeting of OIC Foreign Ministers in Astana, Kazakhstan will still make a conceptual contribution to the building of modern

architecture Eurasian security, as well as run the rapprochement with Turkey, Israel and the Arab states, eliminates the causes of threatening security vacuum in the region of the Middle East.

«We are facing two major challenges. First — learn to confront religious fundamentalism as a political ideology without demonizing Islam as a religion. The second task — to establish between Western and Muslim world is an open and honest dialogue. Kazakhstan's chairmanship in the Organization of Islamic Conference would serve these noble goals», — says N.A.Nazarbayev said in an interview with TV channel Euro news [19].

The President noted that Kazakhstan's independence has gained a unique experience of peaceful and tolerant coexistence of a huge variety of ethnicities and faiths. «Such an absolute advantage turns our country into one of the most suitable sites for dialog between the West and East, Europe and the Muslim world», — says N.A.Nazarbayev [19].

N.A.Nazarbayev sure that one of the main problems of World politics remains difficult relations of the Muslim world with the world. Astana already has substantial experience in similar work, gained in the convening of the three Congresses of Leaders of World and Traditional Religions. Communication complexity can be expressed in mutual suspicion and recrimination in the expansion — the political and ideological. «Ultimately, all translates into political and military conflicts. The Muslim world in the eyes of the Western community is associated primarily with its radical part, and causes fear. The most important thing — understanding the causes, suggest practical ways to overcome these difficulties», — the President [19].

According to Prime Minister Karim Masimov, now the Ministry of Foreign Affairs is working on a new concept that will be proposed by Kazakhstan on the issue of stabilizing the situation in the Islamic world, including the analysis of the situation in North Africa and to further cooperation between developed and developing peace, between the Christian and the Islamic world [20].

Thus, summing up the results, we can say that the development of the structure of this suggests that in future the OIC can escalate into full-fledged integration association. It is likely that this trend of events is possible if the leadership of the OIC will be able to creatively rethink the experience of other regional and trans-regional integration groupings, adapting it to political traditions and political culture of the Islamic world.

We dare to suggest that the organization «doomed» to ensure that plays a prominent role in contemporary international relations as well as increasing political participation of Islamic countries, increasing the threat of «Islamic extremism» and religious and political currents of Islamic-minded direction of the development of new independent Muslim states, and much more will depend in particular on what stance they take against an international organization that claims to be to become a center of political life of the Islamic world. In turn, support these political forces can provide the OIC, at least a temporary peak of its value in the international arena and increase its influence on world political processes.

Reference

- 1 *Ishanov S.M.* Russian Muslims and the revolution 1917–1918. — М.: Издат. дом «Наука», 2003. — 530 p.
- 2 *The political life of Russian Muslims / Ferrone J.* — Oxford: Oxford press, 1987. — 130 p.
- 3 *Zhdanov N.V.* The Islamic concept of world order. — М.: Издат. дом «Наука», 2003. — 513 p.
- 4 *Tazhin M.* Kazakhstan and the OIC: a paradigm of tolerance [Электронный ресурс] // <http://www.kazpravda.kz/c/1216413865> (дата обращения 19.05.2011)
- 5 About OIC [Электронный ресурс] // <http://www.oic-oci.org/home.asp> (дата обращения 16.04.2011)
- 6 Documents of the OIC. XXVIII Conference of Foreign Ministers of OIC Member States. Resolution number 28/28-Z. — AS-1; VI Conference of Heads of State and Government of OIC member states. — Dakar, 9–11 dec. 1991. — P.87 [Электронный ресурс] // http://www.oic-oci.org/page_detail.asp? p_id=168 (дата обращения 16.04.2011)
- 7 *Alsharov R.* Kazakhstan — OIC: status and prospects for cooperation // *Kazakhstan True.* — 2010. — December. — P. 6–7.
- 8 *Directory of «International organizations» // Michael G.Schechter* — М.: Science, 2003. — 575 p.
- 9 *Polonskaya L.R.* Modern Muslim ideological trends // *Islam: Challenges ideology, law, politics and economics.* — М.: Издат. дом «Гамма», 1990. — 255 p.
- 10 Republic of Kazakhstan: Census [Электронный ресурс] // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Казахстан> (дата обращения 16.04.2011)
- 11 Tajikistan: international organizations [Электронный ресурс] // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Таджикистан> (дата обращения 16.04.2011)
- 12 Census. The Republic of Kazakhstan, the Republic of Tajikistan [Электронный ресурс] // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись> (дата обращения 16.04.2011)

13 *Amreyev B.* Interests in Kazakhstan affect any war [Электронный ресурс] // [www.geopolitika.ru/ interviews](http://www.geopolitika.ru/interviews) (дата обращения 17.05.2011)

14 Interview of the President of Russia's Islamic Committee G.Jemal told RIA News. — February, 2011 [Электронный ресурс] // www.rianews.ru (дата обращения 17.05.2011)

15 Interview of Murat Telibekov correspondent of IA REGNUM. — March, 2011 [Электронный ресурс] // www.regnum.com (дата обращения 18.05.2011)

16 Statement by Ambassador at Large of the MFA Dulat Bakishev [Электронный ресурс] // www.mfa.kz/788.act022 (дата обращения 18.05.2011)

17 Arrested in Thailand, IL-76 was carrying weapons for Hamas and Hezbollah [Электронный ресурс] // <http://vesti.kz/asia/50126/> (information on 12.05.2010 year)

18 *Sultangaliyev M.A.* Middle East. Prevent a catastrophe // *Kazakhstan True*. — 16 June, 2010. — № 149 (26210). — P.4–6.

19 *Nazarbayev N.A.* Asian vector of Kazakh politics. Февраль, 2011 [Электронный ресурс] // www.euronews.com (information on 15.02.2011 year)

20 Interview of Masimov K. on radio station Ekho of Moscow. February, 2011 [Электронный ресурс] // www.exomoscw.ru (information on 12.02.2011 year)

З.Ф.Сақтағанова, А.С.Сүінова

Қазақстанның Ынтымақтастық Ислам Ұйымына төрағалық етуі: тарихы мен болашағы

Мақалада Сауд Аравиясы территориясында «панисламизм» идеясының пайда болып, дамуы және елдің сыртқы аймағына таралуының мәні ашылады. Авторлар араб мемлекетінің халықаралық қатынастар арқылы исламдық тұтастық негізінде бірігу идеясын таратуына әрекеттенуін зерттеген. Бүгінгі күні осындай тұрақты ұйымдардың бірі — «Ынтымақтастық Ислам Ұйымы» (БИҰ). Бұл Ұйымның Таяу Шығыс қақтығыстарын қадағалау қызметі, Ынтымақтастық Ислам Ұйымы халықаралық аренадағы орны мен рөлі, сонымен қатар Қазақстан Республикасының Сыртқы істер министрлігінің Кеңесінде БИҰ 2011 жылы төрағалық етудегі мүмкіншіліктерінің болашағы талданған.

З.Г.Сактаганова, А.С.Суинова

Председательствование Казахстана в ОИК: история и перспективы

В статье раскрывается история зарождения и развития идеи «панисламизма» на территории Саудовской Аравии и распространения ее за пределы страны. Авторами исследованы попытки арабских государств распространить идею объединения на основе исламской солидарности через международные организации. Одним из таких действенных объединений на сегодняшний день является «Исламская Организация Сотрудничества» (ИОС). В статье анализируются деятельность организации по урегулированию ближневосточных конфликтов, место и роль ИОС на международной арене, а также возможные перспективы председательствования Республики Казахстан в Совещании министров иностранных дел ИОС в 2011 г.

Т.М.Бондарцова

*Карагандинский государственный индустриальный университет, Темиртау***К проблеме численного и национального состава Республики Казахстан**

Статья посвящена проблеме выявления и исследования основных тенденции в численном и национальном составе населения Республики Казахстан за годы независимости. На основе итогов общенациональных переписей 1999 и 2009 гг., промежуточных данных Агентства РК по статистике проведен сравнительный анализ изменений в численности населения и его этнического среза, показана органическая взаимосвязь данных процессов с историческими особенностями развития страны. Кратко охарактеризованы основные пути руководства страны по прогнозируемому численному росту и стабильному национальному составу. Обоснованы значимость данной проблемы в контексте реализации важнейших социально-политических и экономических программ Республики Казахстан.

Ключевые слова: население, численность населения, демографическая политика, рождаемость, старение населения, миграционные процессы, прогнозируемая численность, национальный состав, способность населения к воспроизводству, экономическое развитие, социально-политическое развитие.

Численность населения, его воспроизводство — важнейшая проблема демографической политики, характерная и весьма острая сегодня для многих стран мира. Объяснение тому — снижение рождаемости на фоне старения населения, особенно в высокоразвитых странах, мощные миграционные процессы и многие другие причины. А вместе с тем стабильный прогнозируемый численный и национальный состав, способность населения к воспроизводству — это базовые составляющие успехов экономического и социально-политического развития любого государства.

В первом разделе долгосрочной Стратегии «Казахстан–2030» Президентом РК Н.А. Назарбаевым выделены ресурсы, на которые страна будет опираться в своем продвижении вперед — природные запасы сырья, обширные земельные угодья, геополитическое расположение. Но главным, ведущим фактором названы люди — «их воля, энергия, настойчивость, знания» [1; 11].

Изменения численного и национального состава населения характерны для всех стран, и процессы эти объективны, обусловлены множеством факторов. Попытавшись назвать страну, которая вообще не сталкивалась бы с трудностями в данном контексте, мы сможем, в конечном итоге, констатировать лишь разницу в степени остроты данной проблемы для того или иного государства. Республика Казахстан относится к числу стран, неоднократно переживших сложные периоды, связанные с изменением численного и национального состава населения.

Одним из таких этапов в истории Казахстана являются 90-е годы XX – начало XXI вв. Распад огромной страны — Советского Союза — наряду с другими негативными факторами имел и такие, как изменение, ломка процессов численности населения, падение рождаемости на большей части постсоветского пространства. Например, в 1991 г. в России проживало 148,3 млн., а сейчас, несмотря на большой приток мигрантов из ближнего зарубежья, — около 143 млн. человек (по предварительным данным переписи 2010 г.). Но самые существенные колебания в численном и национальном составе населения в рамках СНГ после 1991 г. испытала наша республика. Хотелось бы заострить внимание на таком факте: явления дестабилизации в численности населения уходят своими корнями в глубокое прошлое. Крупнейшие вливания людских потоков в Казахстан шли во время переселенческой аграрной политики царизма, в годы массовых политических репрессий, в период Великой Отечественной войны, целинной эпопеи, индустриального бума 50–60-х годов. Ученые останавливаются на цифре в 2 млн. прибывших в казахские степи только в досоветский период и более того — в эпоху социализма [2;118]. Пережил Казахстан и тяжелые этапы истории, когда численность населения, в первую очередь коренного, резко сокращалась. Это и 1916 г., когда около 300 тысяч коренных жителей из южных и юго-восточных районов перекочевали в Китай, и годы коллективизации, когда более 2 млн. человек погибли от голода, и другие сложные периоды истории [3;276, 4;177].

Ученые-обществоведы единодушны в том, что контрастные колебания в численности населения, выпавшие на долю Казахстана, — существенный негативный фактор, проецирующийся объективно на многие сферы, и особенно на проблему этнического самосохранения и развития казахского этноса.

Хотелось бы привести несколько цифр, подтверждающих исторический факт резких колебаний в численности казахов относительно других этносов за период пребывания как в составе Российской империи, так и в составе СССР. По переписи царской России 1897 г. доля русского переселенческого населения в Степном крае возросла за короткий срок до 20 %, а казахов — уменьшилась до 77 %. В рамках СССР процент коренного этноса в Казахстане составлял в 1926 г. 61,3 %, в 1959 г. — 29, 1971 г. — 32,6, 1979 г. — 36, 1989 г. — 40,1 [3;399. 5;29–31. 6;84].

Накануне обретения независимости численность населения Казахской ССР составляла:

- на начало 1989 г. — 16 млн. 200 тыс. человек (по данным Всеобщей переписи в СССР);
- на 1.01.1990 г. ~ 16 млн. 700 тыс. жителей (по данным Статистического управления СССР);
- середина 1991 г. ~ 17 млн. 200 тыс. человек [6;83].

По I переписи населения независимого Казахстана 1999 г. (28.02–4.03) общая численность населения в нашей республике составила 14 млн. 953,1 тыс. человек, сокращение относительно предыдущей переписи — более чем на 13 %. Национальный же спектр был представлен 130 национальностями [7;426–439, 8;3–6]. Остановимся кратко на этническом составе населения и истории его формирования.

Самыми многочисленными этносами республики являлись казахи — 7 млн. 985 тыс., или 53,4 %, и русские — 4 млн. 479,6 [6; 426–439]. Вторая по численности (после русской) диаспора в полиэтническом Казахстане — украинская — 547 тысяч человек. Ее формирование своими корнями уходит еще в дореволюционное время, существенное пополнение произошло накануне Великой Отечественной войны (депортация западных украинцев, белорусов, поляков), а также, особенно, в годы целинной эпопеи.

После национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г. большое количество узбеков осталось жить в Сырдарьинской губернии (ныне часть её районов входит в Южно-Казахстанскую и Жамбылскую области). После русских и украинцев узбеки составили третью по численности диаспору Казахстана — 370663 чел.

В 1926 г. (по данным Всесоюзной переписи) в Казахстане проживали 42 корейца. В результате их массового переселения в Казахстан в 1938–1942 гг. корейская диаспора на 1999 г. составляла 99657 человек и остается самой стабильной по численности на протяжении нескольких десятков лет. Переселение дальневосточных корейцев осуществлялось в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1937 г. «в целях пресечения проникновения японского шпионажа в край». Это было началом масштабной кампании признания врагами не отдельных классов или элементов, а целых народов, обвиненных в потенциальном шпионаже.

Одной из самых мощных диаспор в республике в конце 1980-х гг. являлась немецкая — около 1 млн. человек. В конце 90-х годов немцев проживало в нашей стране ~ 350 тыс., значительная часть из них — в Карагандинской и Акмолинской областях. Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья существовала в составе РСФСР с 19 декабря 1924 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» названная выше автономная государственность упразднена, а все жители ее подлежали депортации по причине, опять же, потенциальных «тысяч диверсантов и шпионов».

В Казахстане представлены практически все многочисленные народности Кавказа: азербайджанцы — 78295; чеченцы — 31799; ингуши — 16893; армяне — 14758 и т.д. Хотелось бы отметить, что депортация всех представителей чеченской и ингушской национальностей Чечено-Ингушской АССР проводилась в рамках операции «Чечевица» с 23 февраля по 7 марта 1944 г. по решению высшего советского руководства. Около 85 % от общей численности ингушей и чеченцев были выселены в Казахстан, остальные — в другие восточные районы.

Наша республика, волею судеб и истории, стала родиной и для многих других народов — татар, курдов, болгар, латышей, литовцев, поляков, греков, а также многих древнейших народов, государственность которых осталась в далеком историческом прошлом. Ассирийцев проживало у нас на 1999 г. всего 472 человека, и они очень бережно хранят память о своем великом народе и его традициях. Проживают также абазинцы и белуджи, вепцы и гагаузы, долганы и ливы, нганасаны и орочи, цахуры и юкагиры. И хотя численность их колеблется от нескольких сот до нескольких единиц, они вносят уникальный вклад в многонациональную культуру Казахстана.

В целом относительно численного и национального состава населения по итогам переписи 1999 г. хотелось бы констатировать следующие основополагающие моменты (тенденции):

- в оформлении национального состава основной тенденцией становится рост коренного этноса и значительное уменьшение таких крупных диаспор, как русская, немецкая, украинская, белорусская, частично — татарская. Несколько выросла численность узбеков и уйгур, без изменений сохранилась корейская диаспора. Существенное смещение акцентов в численном и национальном срезе связано, несомненно, с множеством факторов и мотивов по возвращению больших групп населения на этническую родину. Но общее, что их объединяет, — это конкретные исторические события (нередко далекого прошлого), напрямую влиявшие в свое время на процессы формирования численного и национального состава Казахстана;
- существенное уменьшение численности населения РК после 1991 г. произошло в первую очередь в силу мощных миграционных процессов, обусловленных распадом огромного государства и историческими особенностями его развития. Отрицательное сальдо внешней миграции населения за этот период составило 1 млн. 969,6 тыс. человек [9;83]. Несомненно, сыграло свою роль падение рождаемости и увеличение смертности в 90-е годы XX в. [5;83–91]. Пик кризиса в демографической ситуации в нашей республике, прежде всего в плане воспроизводства населения, приходится на 1993–1997 гг. Многие ученые давали прогнозы, что к 2003 г. возможен «демографический крест», т.е. превышение смертности над рождаемостью;

Численность населения республики имела тенденцию к снижению, вплоть до середины 2002 г. В конце 2002 г. в нашей республике, впервые с 1995 г., число жителей (с учетом миграции) не уменьшилось, а увеличилось на 15,9 тыс. человек и составило на 1 ноября 14835,7 тыс. человек. Годами закрепления положительных показателей по естественному приросту населения стали 2003–2005 гг. Так, общая численность на 1 декабря 2005 г. составила 15 млн. 205,1 тыс. человек. По сравнению с январем 2005 г. она увеличилась на 130,3 тысячи. Естественный прирост из этих 130 тысяч составил 112376 человек [6;93]. В настоящее время ученые констатируют наличие положительной тенденции в демографической ситуации, в частности, в воспроизводстве населения.

В контексте проблемы роста и механизма стабилизации численного потенциала государства целесообразно акцентировать внимание на следующем. Во всем мире эта задача решается двумя способами: внутренними (увеличение рождаемости, рост продолжительности жизни) и внешними — привлечение мигрантов. Вопрос соотношения этих важнейших составляющих в целом и конкретно на различных этапах развития стран — предмет отдельных серьезных исследований. Можно лишь констатировать бесспорный факт приоритетности пути увеличения численности граждан за счет естественного прироста, как имеющего меньшие риски, точнее прогнозируемого и менее болезненного в плане адаптационных моментов.

Национальный срез в промежутке между I и II переписями населения может быть представлен обобщенными данными Агентства РК по статистике на 1 января 2005 г. [10;29] (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Национальный состав Республики Казахстан по состоянию на 1 января 2005 г.

Отдельные национальности	Население, тыс., человек			Удельный вес соответствующих национальностей в общей численности населения, (%)		
	По данным переписи		На 1 января 2005 г.	1989 г.	1999 г.	2005 г.
	1989 г.	1999 г.				
Все население	16199	14953	15075	100,0	100,0	100,0
Казахи	6497	7985	8725	40,1	53,4	57,9
Русские	6062	4480	4024	37,4	30,0	26,7
Украинцы	876	547	459	5,4	3,7	3,0
Узбеки	331	371	419	2,0	2,5	2,8
Татары	321	249	231	2,0	1,7	1,5
Уйгуры	182	210	226	1,1	1,4	1,5
Немцы	947	353	228	5,8	2,4	1,5
Корейцы	101	100	101	0,6	0,7	0,7
Белорусы	178	112	94	1,1	0,7	0,6
Азербайджанцы	89	78	86	0,5	0,5	0,6
Турки	49	76	84	0,3	0,5	0,6
Другие	566	392	398	3,5	2,6	2,6

Национальный состав по Карагандинской области и Темиртау (также на 1.01.2005 г.) выглядит следующим образом [6; 86]:

по области:

казахи — 551536, или 41 %,

русские — 553058, или 42 %,

украинцы — 67496, или 5 %,

Другие национальности — 159612, или 12 %;

по Темиртау всего из них: 169102 человека,

русские — 111840, или 66 %,

казахи — 25374, или 15 %,

украинцы — 10740, или 6 %,

другие национальности — 21148, или 13 %.

Обращаясь к анализу проблемы численного и национального состава нашей республики, хотелось бы выделить еще такие аспекты: во-первых, неравномерность расселения коренного этноса по областям и, во-вторых, достаточно глубокий перепад в численности жителей по областям. Лидерами по численности казахов в массе населения остаются Кызылординская, Атырауская, Мангистауская области — до 90 % и выше. Наименьшее же количество коренных жителей проживает в Костанайской, Северо-Казахстанской, Карагандинской областях — 32–42 % от общей численности населения. В территориальном аспекте самой густонаселенной является Южно-Казахстанская область, занимающая предпоследнее место по площади. На сегодняшний день здесь проживает самое большое количество жителей относительно других областей — свыше 2,4 млн. человек. В качестве аргументации обозначенных выше аспектов можно привести таблицу 2 [6;5].

В целом по численности населения наша республика занимала в мире на 2005–2008 гг. 49–50-е места, а казахский этнос — 68–70-е из 2000 этносов мира. Общая численность казахов в мире ~ 14–14,5 млн. человек [2;119].

Следует отметить, что соотношение казахов, проживающих на территории РК и за ее пределами, — еще одна специфическая особенность исследуемой проблемы. Сведения по количеству этнических казахов за рубежом и распределению диаспор по странам сегодня несколько расходятся. Доктор исторических наук В.В.Козина приводит цифру в 3,5 млн. казахов, проживающих за пределами нашей республики [5;80]. По статданным Комитета по языкам общая численность казахов за рубежом на тот же 2006 г. ~ 4 млн. человек. Диаспоры есть в 40 странах, а самые многочисленные — в Узбекистане, Китае, России. По данным же доктора политических наук, ученого-демографа М.Татимова за пределами нашего государства проживают от 4,5 млн. до 5 млн. казахов. Расхождение в данных цифрах связано: а) с процессами репатриации (нередко учет жителей осуществляется дважды); б) с методикой исчисления. Доктор М.Б.Татимов, например, — сторонник использования максимального варианта подсчета, включающего всех переходных маргиналов и метисов, других ассимилированных личностей, которые так или иначе связаны с казахским происхождением [11;89].

Т а б л и ц а 2

Численный состав Республики Казахстан

Регион	Площадь, тыс. кв. км (2002 г.)	Население, тыс. чел.		% казахов в общей численности населения (на 1 июля 2005 г.)	Общий прирост (убыль) в год на 1000 человек на 1 июля 2005 г.
		(На 1.01.1999 год)	(На 1 июля 2005 г.)		
1	2	3	4	5	6
Акмолинская	146,2	835,7	746,1	42	-1,1
Актюбинская	300,6	682,8	683,6	76	+5,0
Алматинская	223,9	1559,6	1598,7	62	+8,9
Атырауская	118,6	439,9	468,2	90,6	+4,7

1	2	3	4	5	6
Восточно-Казахстанская	283,3	1530,8	1437,5	52	-4,6
Жамбылская	144,3	983,9	997,7	68	+5,6
Западно-Казахстанская	151,3	617,7	608,0	68,6	+1,5
Карагандинская	428,0	1411,7	1332,9	41,3	+1,2
Костанайская	196	1019,6	906,0	34	-1,4
Кызылординская	226,0	596,3	615,2	95	+3,1
Мангистауская	165,6	316,8	367,6	83,5	+5,9
Павлодарская	124,8	805,9	742,9	44	-0,9
Северо-Казахстанская	98	725,9	664,6	32	-1,3
Южно-Казахстанская	117,3	1976,7	2213,9	69	+20,3
г. Астана	0,7	319,3	539,9	57	+10,6
г. Алматы	0,3	1130,1	1224,0	45	+14,5
Республика Казахстан	~2724,9	14952,7	15146,8	~58,1	+72,0

Возвращение этнических казахов из-за рубежа является важным источником роста численности населения в республике. Но в силу ряда причин в первые годы независимости многие репатрианты вторично покидали историческую родину. Так, с 1981 г. по апрель 2001 г. прибыло в Казахстан более 260 тыс. человек, из них не прижились и вернулись назад 75 тыс. [6; 87].

Решение по квотам для репатриантов принимается непосредственно Президентом РК. Квоты приема оралманов за прошедшие годы не были одинаковыми:

- 1993 г. — 10 тыс. семей;
- 1994 г. — 7 тыс. семей;
- 1995 г. — 5 тыс. семей;
- 1996 г. — 4 тыс. семей;
- 1997 г. — 2,2 тыс. семей;
- 1998 г. — 3 тыс. семей;
- 1999–2000 гг. — по 500 семей;
- 2001–2003 гг. — по 600 семей;

С 2004 г. — квота увеличивается до 10-тысячного рубежа.

Следует отметить, что квоты ежегодно перевыполнялись, т.е. фактически прибывало репатриантов гораздо больше — в 1999 г., например, в 5,3 раза, в 2000 г. — в 11 раз, в 2001 г. — в 15 раз, в 2005 г. вернулось 35 тыс. семей вместо 15 тыс. по квоте [6;87]. По прибытии в Казахстан глава семьи репатриантов получает единовременное пособие в размере 15-кратного месячного расчетного показателя, а на каждого члена семьи выдается пособие в размере 10-кратного МРП. На приобретение жилья из республиканского бюджета выделяются средства в размере 100-кратного МРП на каждого члена семьи. Дальнейшие позитивные перемены, касающиеся проблемы полноценной адаптации репатриантов на новом месте, начнут осуществляться с 2012 г., в соответствии с Указом Президента РК Н.А.Назарбаева. Первоочередными мерами в данном контексте станут повышение и дифференциация пособий (в зависимости от выбора района проживания) имеющим статус оралмана, расширение льгот, повышение эффективности мер по ускоренному оформлению гражданства и трудоустройства, дальнейшее постепенное увеличение квот по их приему.

Следует отметить, что общие данные о численности репатриантов в РК также не всегда совпадают. Это связано прежде всего с тем, что возвращение этнических казахов на родину идет как регулируемым целенаправленным способом (через квоты), так и стихийно, неорганизованно. Цифра, которая не оспаривается на сегодняшний день — это не менее 0,8 млн. оралманов укоренились на своей исторической родине за годы суверенного развития республики.

С 25 февраля по 6 марта 2009 г. в Казахстане состоялась вторая Всеобщая перепись населения. С учетом скорректированных данных Общенациональной переписи численность населения Казахстана на 1 октября 2010 г. составила 16 млн. 372 тыс. человек. За межпереписной период количество жителей РК увеличилось на 1 млн. 27 тысяч человек [12]. Основные источники роста: повышение рождаемости и продолжительности жизни; сокращение числа покидающих пределы страны; увеличение потока этнических казахов из-за рубежа.

Что касается национального среза итогов переписи 2009 г., то здесь однозначно нашла свое закрепление тенденция к росту численности казахов, составляющих 65 % или более 10 млн. чел., от всего населения (рост в процентах к 1999 г. — 26 %).

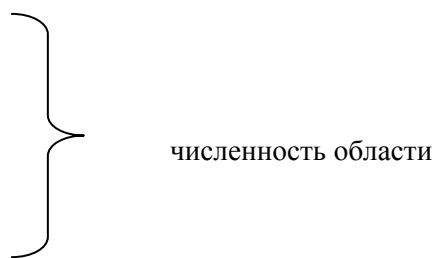
Диаспоры, численность которых существенно уменьшилась по сравнению с Первой переписью, следующие:

- русская — на 15,3 % (3 млн. 793,8 тыс. человек),
- украинская — на 39,1 % (333 тыс. человек),
- немецкая — на 49,5 % (178,4 тыс. человек).

По некоторым другим крупным диаспорам наблюдается рост численности узбекской — 457 тыс., уйгурской — 224,7 тыс. [12].

Следует отметить, что существенные изменения в национальном составе характерны для всех регионов и областей страны. Так, в Карагандинской области национальный состав представлен в настоящее время следующим образом [13]:

- казахи — 46,9 %,
- русские — 39 %,
- украинцы — 3,7 %,
- татары — 2,4 %,
- немцы — 2,4 1 млн. 341,7 тыс. чел.,
- белорусы — 1 %,
- корейцы — 1 %,
- другие национальности — 7,3 %.

В Темиртау общая численность жителей составляет 178193 человек, из них казахов 42176, или 23,6 %.

На 1 же января 2011 г. численность жителей Республики по сведениям Агентства РК по статистике составила 16 млн. 433,8 тысяч человек, а на конец марта этого года превысила 16,5 млн.

Всесторонний анализ составляющих численного потенциала страны, источников его роста, специфики формирования национального среза является сегодня предметом исследования ученых-обществоведов, соответствующих государственных органов и служб. В рамках данной статьи хотелось бы в целом отметить, что, несомненно, ведущим фактором в стабилизации процессов численности населения, его воспроизводства является эффективность комплексных мер социальной политики. Весьма важным, рубежным является в этом аспекте Послание Президента РК Н.А.Назарбаева народу Казахстана 2008 г. «Рост благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики», которое по праву называют еще Демографической программой. В нем сделан существенный акцент на материальные стимулы в рождаемости, на качество медицинского обслуживания детства и материнства, на поощрение многодетных матерей и т.д. В ноябре 2008 г. в «Закон о государственных наградах РК» в числе других изменений и дополнений внесено и такое: отныне высшая награда «Алтын Алқа» («Золотая подвеска») вручается матерям, родившим и воспитавшим (до годовалого возраста) не 10, а 7 детей. А «Күміс Алқа» («Серебряная подвеска») — соответственно за рождение 4, а не 7 детей. Эта концепция всесторонней заботы поддержки детству и материнству получила закрепление в последующих Посланиях Президента страны народу Казахстана и программах по их реализации. В обращении к народу Казахстана в январе 2011 г. «Построим будущее вместе!» Нурсултан Абишевич в рамках Стратегического плана на ближайшее десятилетие одной из приоритетных целей обозначил приближение численности населения к 18 миллионам. А главными составляющими реализации таковой задачи должны стать увеличение рождаемости на 25 %, снижение смертности на 11 % и в итоге — увеличение естественного прироста населения в 1,7 раза [14;3].

Глубокий анализ тенденций в численном и национальном составе населения, их прогнозирования есть важнейшая предпосылка и условие стабильного развития нашего государства, успешной разработки и претворения в жизнь крупнейших социально-политических и экономических программ и концепций — занятости населения, борьбы с безработицей и бедностью, регулирования внутренней и внешней миграции, целевой программы возвращения этнических казахов на Родину, развития языков и культур, образовательных программ и множества других.

Список литературы

- 1 Назарбаев Н.А. Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента страны народу Казахстана. — Алматы: ИД «Credo». — 67 с.
- 2 Бондарцова Т.М. Единство судьбы (к проблеме национальных отношений в Республике Казахстан) // Республика Казахстан: политическая модернизация: Сб. ст. — Алматы: Издат. дом «Таймас», 2008. — 192 с.

- 3 История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). — Алматы: Дәуір, 1993. — 416 с.
- 4 Кан Г.В. История Казахстана: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — Алматы: ТОО «Алматы кітап», 2005. — 224 с.
- 5 Козина В.В. Демографическая история Казахстана (конец XIX – начало XXI вв.): Учеб. пособие. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. — 130 с.
- 6 Бондарцова Т.М. Казахстан в условиях независимости: Пособие по истории Казахстана. — Алматы: Таймас, 2006. — 119 с.
- 7 Итоги переписи 1999 года в РК // Стат. ежегодник Казахстана. — Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2001. — 572 с.
- 8 Первая общенациональная перепись независимого Казахстана // Аргументы и факты в Казахстане. — 2001. — № 50. — С. 3–6.
- 9 Демографическая ситуация в Республике Казахстан за годы независимости // Экономика и статистика. — 2001. — № 4. — С. 83–88.
- 10 Национальный состав в Республике Казахстан. Данные Агентства РК по статистике // Аргументы и факты в Казахстане. — 2005. — № 39. — С. 29–30.
- 11 Сколько казахов за рубежом? // Мысль. — 2006. — № 2. — С. 89–92.
- 12 Итоги национальной переписи населения в Республике Казахстан 2009 года // «Наш мир». — 2010. — 11 дек. [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: [www.zakon.kz / 161881](http://www.zakon.kz/161881) — podvedeny itogi nacionalnoi perepisi (дата обращения 10.04.2011).
- 13 Этнический состав Карагандинской области [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: <http://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/societ/5050079/> (дата обращения 10.04.2011).
- 14 Построим будущее вместе! Послание Президента РК Нурсултана Назарбаева народу Казахстана // Мысль. — 2001. — № 3. — С. 2–10.

Т.М.Бондарцова

Қазақстан Республикасы халқының ұлттық және сандық құрамы мәселесі жөнінде

Мақала Қазақстан Республикасындағы тәуелсіздік жылдарындағы ұлттың және ұлттық сандық құрамы өзгерістерін анықтап, зерттеуге арналған. 1999–2009 жылдар аралығында жалпы ұлттық санақ пен ҚР Агенттігінің аралық статистикалық мәліметтеріне сүйене отырып, халық саны мен оның этникалық құрамына салыстырмалы талдау жасалды, осы үрдістердің елдің дамуындағы тарихи ерекшеліктерімен байланысты екеніне көп көңіл аударылды. Ұлт құрамының тұрақтылығы мен сандық жағынан өсуін басшылық етудің негізгі жолдары сипатталды. ҚР саяси-әлеуметтік және экономикалық бағдарламаларын жүзеге асырудағы осы мәселенің маңыздылығы негізделді.

T.M.Bondartsova

The problem of size and ethnic composition of the Republic of Kazakhstan

The article is dedicated to the issue of revelation and research of main tendencies in national and Republic of Kazakhstan population staff during the independence years. Based on the national census of 1999 up to 2009 results as well as on intermediate data of Kazakhstan statistics agencies, the comparative analysis of changes in the population numbers and its ethnic staff is carried out, the organic link of this process to the historic features of the country development is described. The main ways of the state management of the numbers increase and national staff prediction are characterized briefly. Basis of this issue significance is given in the presence of social, political and economical programs of Kazakhstan.

З.Н.Адыгезалов

Институт истории им. А.А.Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, Баку

Приоритеты внешней политики Азербайджанской Республики в современный период

В статье отмечено, что современная внешняя политика Азербайджана ориентирована на достижение плодотворного двустороннего и многостороннего сотрудничества страны с соседями по региону и мировым сообществом в целом на основе сбалансированного подхода с целью обеспечения национальной безопасности и суверенного будущего. Показано, что основными факторами, влияющими на внешнюю политику страны, являются процессы глобализации, геополитическое положение Азербайджана, наличие стратегических природных ресурсов. Автором сделан вывод, что Азербайджан, оставаясь надежным региональным партнером, считает основным приоритетом современной внешней политики интеграцию страны в евроатлантическое пространство.

Ключевые слова: современный период, внешняя политика Азербайджана, интеграция, международное цивилизационное пространство, международные процессы, политическая стабилизация, трансформации, постсоветская политическая система, евроатлантическое пространство, демократизация общества.

Современная внешняя политика Азербайджана как независимого государства связана, в первую очередь, с определением стратегических приоритетов, способствующих интеграции в международное цивилизационное пространство. Формирование подобной системы приоритетов является, по существу, долгосрочным историческим процессом. Объясняется это тем, что определение указанных приоритетов всегда является результатом непростого выбора политической элиты при необходимой поддержке большинства политически активного населения из нескольких сценариев возможного будущего. Повышение степени ответственности за принятые решения связано как со сложностью происходящих международных процессов, так и с продолжающимися процессами политической стабилизации внутри самой страны в условиях трансформации постсоветской политической системы. Сразу после обретения независимости важным направлением в формирующемся общем курсе внешней политики нашего государства стало сотрудничество Азербайджана со странами Западной Европы. Выбор в качестве стратегического приоритета интеграции республики в евроатлантическое пространство был сделан исходя из признания таких основополагающих показателей успешности самостоятельного государственного развития, как демократизация общества, неотчуждаемость прав человека, стабильное экономическое развитие в условиях свободного рынка, международное сотрудничество и национальная безопасность. Основа данного внешнеполитического курса была заложена признанным политическим лидером страны в непростой период начала независимости — президентом Г.А.Алиевым. И нынешнее руководство страны подтверждает приверженность основам этой внешней политики, уже доказавшей свою состоятельность за прошедшее двадцатилетие. Для более успешного ее проведения требуется осуществлять постоянный политологический мониторинг, в котором должны присутствовать как постоянный анализ стремительно меняющейся современной политической ситуации, так и внимательное изучение исторических путей формирования внешнеполитических отношений Азербайджана с мировым сообществом, с учетом всего многообразия конкретных исторических событий многовековой истории азербайджанской государственности.

На современном этапе глобализации, когда система международных отношений вступает в новый этап своего развития, каждая страна, желающая стать их полноправным участником, должна иметь определенную концептуальную основу своей внешней политики. Во внешней политике той или иной страны, ее построении и претворении в жизнь ведущую роль играют несколько факторов. Мы остановимся на тех политических приоритетах, которые определяют внешнюю политику Азербайджана.

Долговременная внешнеполитическая стратегия связана с конкретными условиями, включающими в себя временные, пространственные и социальные факторы, и поэтому является закономерным результатом реализации программы текущей внешней политики, на основании которой определяются будущие приоритеты. Фактически приоритеты во внешней политике являются составной частью долговременной внешнеполитической деятельности государства, точнее, той части этой дея-

тельности, которая наиболее четко прослеживается и определяется в существующих временных и пространственных координатах. При этом приоритеты внешней политики того или иного государства вырабатываются с учетом общественного мнения, сформированного на основе необходимых интересов государственных структур, требований и пожеланий институтов гражданского общества. В конечном итоге, весь спектр взглядов социума должен быть структурирован в программу необходимых политических действий, координацию и реализацию которой на национальном уровне должно осуществлять государство посредством своих институтов [1; 237].

В целом следует отметить, что внешнеполитические приоритеты не остаются постоянным и стабильным показателем. Процессы, происходящие в мировой политике, изменения в межгосударственных отношениях на региональном уровне, ряд других факторов способствуют трансформации этих приоритетов, потере одним из них или несколькими своей актуальности, возникновению новых приоритетных задач. Опыт и практика внешнеполитической деятельности государств мира показывают, что большинство из них определяет свои приоритеты в рамках своих стратегических программ развития, которые редко сохраняют долгосрочную стабильность. В соответствии с целями и задачами внешнеполитической деятельности приоритеты принято разделять на устойчивые и изменчивые группы. Группа устойчивых приоритетов формируется по мере подтверждения их конкретными правовыми актами, среди которых прежде всего следует назвать такие важные стратегические документы, как Концепция национальной безопасности, Концепция внешней политики, Военная доктрина. Поэтому при выяснении внешнеполитических приоритетов того или иного государства необходимо, в первую очередь, использовать указанные источники. Что же касается группы изменяющихся приоритетов, то она формируется исходя из задач текущего момента, при сохранении общей внешнеполитической доктрины.

Президент Азербайджанской Республики Г.А.Алиев после прихода к власти в 1993 г. столкнулся с одной из сложнейших проблем — противоречивым и неустойчивым характером внешнеполитических отношений государства на региональном уровне и неопределенными перспективами на мировой внешнеполитической арене. Следствием его напряженной работы как общенационального лидера по разрешению данной ситуации стала подготовка внешнеполитической концепции, полностью соответствующей государственным интересам суверенного Азербайджана и одновременно уделяющей особое внимание делу установления мировой и региональной безопасности на основе демократических ценностей и соблюдения норм международного права, в том числе на основе уважения к государственному суверенитету и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других государств. Благодаря выработке четкой и ясной позиции во внешнеполитической деятельности Азербайджан занял достойное место в современной системе международных отношений [2; 15–16].

Азербайджан, основываясь на заявленных принципах и выступая с позиции долговременных национальных интересов, преследует в своей внешней политике такие стратегические, жизненно значимые цели, как преодоление рисков и угроз в отношении независимости республики, ее территориальной целостности, недопущение эскалации агрессии, прежде всего в отношениях с Арменией. Во внешней политике азербайджанского государства принимаются во внимание все изменения, происходящие в мире. Политическая элита государства согласна с тем, что в современных условиях многополярного мира невозможно проведение в жизнь политической стратегии, основанной на односторонности внешней политики. Современная внешняя политика, желающая быть адекватной и реалистичной, должна быть целостной системой, в совокупности охватывающей всю сложность международных отношений [3; 159]. На региональном уровне одними из основных приоритетов внешней политики Азербайджана являются восстановление стабильности и спокойствия в регионе, реализация обширных транспортных проектов, проектов сотрудничества со странами бассейна Каспийского моря. При этом готовность Азербайджана к конструктивному диалогу по вопросам экономического развития подтверждается активным привлечением иностранных инвестиций в различные проекты в целях развития промышленности страны. Таким образом, Азербайджан, избравший демократический путь развития, стремится наиболее полно претворить в жизнь общую цель по строительству и укреплению равноправных и взаимовыгодных отношений на основе двусторонних и многосторонних связей как с соседями по региону, так и со всеми потенциальными партнерами в мировом масштабе.

Большое значение для определения приоритетов внешней политики имеет членство Азербайджана в целом ряде авторитетных международных организаций, среди которых Организация Объединенных Наций, Организация Сотрудничества и Безопасности в Европе, Совет Европы, Исламская Организация Сотрудничества, Союз Независимых Государств.

Будучи полноправным членом Совета Европы (став им 25 января 2001 г.), Азербайджан придает особое значение укреплению и развитию своих международных связей на принципах соблюдения прав человека, демократизации социальных процессов, равноправного партнерства по всем вопросам, взаимной помощи в решении глобальных проблем, неукоснительного следования взятым обязательствам. Шаги, которые делает правительство Азербайджана в европейское пространство, полностью отвечают избранным приоритетам внешней политики. Современные условия предоставляют уникальную возможность по созданию структур европейской безопасности и всеобщего благоденствия на основе равноправного партнерства и сотрудничества.

Это еще раз подтвердил саммит ОБСЕ, состоявшийся 1–2 декабря 2010 г. в столице Казахстана Астане, в котором приняла участие и делегация Азербайджанской Республики во главе с президентом И.Г.Алиевым. В целом в работе саммита приняли участие главы государств и правительств, делегации 56 стран-членов и 12 стран-партнеров ОБСЕ, а также представители международных организаций. Открывая саммит, Президент Казахстана Н.А.Назарбаев подчеркнул тот факт, что сегодня мир перешел в новый формат безопасности. В своих выступлениях главы государств и правительств других стран отметили важность расширения сферы деятельности ОБСЕ, активизации усилий этой международной организации в обеспечении мира и безопасности в Европе, защиты прав человека, борьбы с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, мирного урегулирования конфликтов в рамках принципа территориальной целостности государств. В выступлении президента Азербайджана И.Г.Алиева особое внимание было уделено вопросам безопасности в регионе. Продолжающийся вооруженный конфликт между Арменией и Азербайджаном представляет собой основную угрозу международному и региональному миру и стабильности. Азербайджан всегда был и остается приверженцем мирных переговоров и все еще надеется, что эти переговоры принесут результат. Решение конфликта должно основываться только на уважении норм и принципов международного права, выполнении резолюций Совета Безопасности ООН, решений ОБСЕ, резолюций Европейского Парламента, Совета Европы и других международных организаций [4].

С целью укрепления внешнеполитического курса, ориентированного на приверженность демократическим ценностям, руководство Азербайджана стремится постоянно действовать в направлении сотрудничества с НАТО и Европейским Союзом и считает такое сотрудничество необходимым условием защиты своих национальных интересов. Выработка данного внешнеполитического курса Азербайджанской Республики, отвечающего национальным интересам страны, его реализация, определение соответствующих приоритетов внешней политики в немалой степени связаны с именем признанного общенационального лидера Г.А.Алиева. Именно его последовательная позиция сторонника государственных интересов, способность соответствовать логике перемен в мировой политике и политическое умение правильно оценивать сущность стоящих перед страной проблем дали возможность определения верных подходов в деле строительства международных отношений. Именно в период его президентства достойное участие Азербайджана в системе международных отношений и признание значимости внешнеполитической позиции нашего государства способствовали тому, что страна определила круг своих интересов в их геополитическом контексте и сумела предложить необходимые действия для согласования интересов международного сообщества в регионе [3; 241]. Сегодня, при сохранении общей стратегии избранного с первых шагов независимости внешнеполитического курса, внешнюю политику Азербайджана определяют несколько направлений дипломатической деятельности, носящей комплексный и многоплановый характер.

Говоря о современных приоритетах во внешней политике Азербайджана, необходимо, прежде всего, обратить внимание на актуальность решения следующих задач: защита государственной независимости; восстановление территориальной целостности страны, нарушенной вследствие агрессии Армении; налаживание стабильных отношений в региональной и международной сферах; создание благоприятной внешнеполитической обстановки для обеспечения политической, финансовой и технической поддержки проводимых в стране преобразований; интеграция в международное сообщество на основе признания равноправных отношений. Необходимо отметить, что указанные задачи не всегда ставились во главу угла внешней политики страны. Особенно это относится к периоду распада Советского Союза, когда пришедшие к власти молодые демократические силы, пытаясь ориентироваться на свои политические амбиции, фактически привели внешнюю политику в состояние деструкции. Сегодня же Азербайджан, благодаря взвешенной и продуманной внешней политике, достиг в своем развитии такого уровня, когда страна, будучи признана полноправным участником международных отношений, уже сказала свое слово в деле укрепления международной безопасности и стала

одним из лидеров на региональном уровне. Все это является результатом многолетних усилий по реализации поставленных внешнеполитических целей, опирающихся на стабильную внутривнутриполитическую обстановку.

При этом ведущим внешнеполитическим приоритетом страны остается скорейшее восстановление территориальной целостности Азербайджана вследствие урегулирования армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта. Правовые и политические основы решения конфликта основываются на международных правовых нормах и принципах, отраженных в соответствующих документах и постановлениях Совета Безопасности ООН, Совета Европы и ОБСЕ и предусматривают исключительно мирный путь. Азербайджан твердо стоит на позиции урегулирования конфликта мирным путем и проводит работу со своими внешнеполитическими партнерами, международными и региональными организациями на основе принципа справедливого и устойчивого решения конфликта в соответствии с международными правовыми нормами. Тем не менее успешное завершение мирного процесса зависит от активной деятельности всех стран, входящих в ОБСЕ, и в особенности от стран, участвующих в работе Минской группы ОБСЕ, от конструктивной позиции Армении, которая также должна следовать указанным принципам.

Подтверждением демократического миролюбивого внешнеполитического курса Азербайджана является присоединение страны к международным договоренностям о нераспространении ядерного оружия и создании безъядерной зоны на Южном Кавказе. Азербайджан принимает активное участие в борьбе с терроризмом. Страна присоединилась ко всем международным документам по борьбе с терроризмом, активно обменивается в данной сфере информацией, готовит соответствующие доклады. Миротворческие силы Азербайджана, наряду с воинскими частями других стран, принимают участие в миротворческих операциях в Косово, Ираке и Афганистане. Помощь азербайджанского правительства Афганистану по восстановлению страны после военной разрухи ориентирована на нуждающиеся слои населения. Азербайджан прилагает активные усилия в направлении воспрепятствования распространению оружия массового поражения, опираясь на сотрудничество с другими странами в рамках соглашения «О нераспространении оружия массового поражения».

Среди современных внешнеполитических приоритетов страны существенное место занимает интеграция в евроатлантические структуры и институты. После приобретения независимости Азербайджан активно интегрируется в европейские институты, внося свой вклад в европейскую архитектуру безопасности. Такой стратегический выбор ведущего государства в регионе способствует усилению взаимосвязей между Южным Кавказом и Европой, что особо значимо для формирования общих ценностных оснований в деле интеграции. Стратегические позиции Азербайджана, расположенного на пересечении Европы и Азии, усилили интерес к нему со стороны европейских государств и желание развивать политические и экономические отношения. В качестве надежного геополитического партнера Азербайджан тесно связан со стратегическими интересами стран евроатлантического альянса [5; 18]. Президент Азербайджанской Республики своим распоряжением «О создании Государственной Комиссии по интеграции в Европу» от 1 июня 2005 г. поставил перед государством цель — осуществление масштабной интеграции в евроатлантическое пространство, в особенности в Евросоюз. В распоряжении предполагается создание рабочих групп с целью обеспечения эффективных результатов и координации необходимой деятельности, охватывающей различные сферы сотрудничества. Интеграция Азербайджана в евроатлантическое пространство в основном охватывает три ключевых вектора: экономическое сотрудничество, международная безопасность, демократизация социальных институтов. Интеграция в экономической сфере прежде всего предполагает налаживание взаимовыгодного сотрудничества на основе экономических принципов Евросоюза. Отношения Азербайджана с Евросоюзом развиваются в рамках программ «Техническая поддержка стран СНГ» (TACIS), «Транспортный коридор Европа-Кавказ-Азия» (TRACECA) и др. Создаются благоприятные рамки для экономического сотрудничества и вложения инвестиций, для оказания помощи в развитии и становлении демократических традиций, политического диалога на основе Соглашения 1999 г. по сотрудничеству и взаимопомощи. Азербайджан включен Евросоюзом в принятую в 2004 г. «Новую политику партнерства». А сотрудничество с нашей страной в области политических институциональных реформ, вступление в политический диалог в рамках «Плана действия между Европейским Союзом и Азербайджаном», принятого в 2006 г., создали основу для перехода на качественно новую ступень развития этих отношений.

По словам академика Р.Мехтиева, здесь четко прослеживается определенная внешнеполитическая стратегия «евроцентризма», определяющая «позиции Азербайджана как участника процесса

формирования архитектуры европейской безопасности, его активного участия в решении европейских проблем» [6; 362]. Азербайджанская Республика сотрудничает с НАТО в деле разрешения конфликтов и преодоления нестабильности и угроз в Европе, будучи уверенной в необходимости создания системы безопасности в Европе и регионе на основе принципа солидарной ответственности, без противоречащих ему географических и политических пристрастий. Азербайджанская Республика в полной мере использует возможные пути партнерства с НАТО в рамках Евроатлантического Совета партнерства и Программы НАТО «Партнерство во имя мира». С этой точки зрения План действий НАТО по индивидуальному партнерству является важным средством для усиления сотрудничества в ближайшей и средней перспективе [7].

Таким образом, можно констатировать, что начало XXI в. стало временем укрепления внешне-политических позиций Азербайджана на международной арене на основе долгосрочных приоритетов отстаивания своих национальных интересов в процессе равноправного сотрудничества с заинтересованными странами. Азербайджан проводит активную внешнюю политику на принципах ответственности и открытости. В 2010 г. можно отметить реализацию таких важных международных проектов, как подписание Договора о стратегическом партнерстве и взаимной помощи с Турцией, урегулирование проблем, имевшихся с этой дружественной державой в энергетической области, подписание Договора о границе с Россией. В конструктивной атмосфере и продуктивно прошел в Баку саммит глав прикаспийских государств. Эти достижения подтверждают плодотворность выбранного Г.А.Алиевым во второй половине 90-х годов XX в. внешнеполитического курса, направленного на развитие и укрепление связей Азербайджана по всему периметру границ, а также со всеми ведущими мировыми центрами. Поэтому на сегодняшний день Азербайджан обладает репутацией надежного регионального партнера как для ближайших соседей, так и для стран евроатлантического альянса. Динамично развиваются отношения с Казахстаном и Туркменистаном. Удалось не допустить ухудшения и снижения уровня азербайджано-иранских отношений. Продолжается конструктивный, заинтересованный диалог со странами Евросоюза и США.

К сожалению, прорыва в урегулировании армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта в 2010 г. не произошло. Однако стремление Азербайджана к достижению мира и согласия в регионе создает все необходимые предпосылки для поиска приемлемого выхода из этого давнего состояния международной напряженности. Благодаря посреднической миротворческой деятельности ведущих мировых держав складывается благоприятная для Азербайджана позиция по урегулированию армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта. Необходимые политические заявления были сделаны Европейским парламентом, на саммите НАТО в Лиссабоне, Бундестагом Германии, Сенатом Италии. Наконец, заявление по нагорно-карабахскому конфликту в формате 3+2, которое было принято в Астане в ходе саммита ОБСЕ главами делегаций стран-сопредседателей. Присоединившись к нему, президенты Армении и Азербайджана подтвердили согласие на урегулирование конфликта в соответствии с заявлениями президентов США, Франции и России, сделанными в Аквиле и Мускоке. Для Азербайджана принципиально важно, что в этих заявлениях ничего не говорится о возможности отделения Нагорного Карабаха от Азербайджана, тогда как требования освобождения оккупированных территорий и возвращения перемещенных лиц и беженцев сформулированы вполне однозначно.

В целом внешняя политика Азербайджана остается адекватной международным условиям и, главное, строится в соответствии с национальными интересами и имеющимися возможностями страны. При этом приоритетным направлением внешнеполитической деятельности Азербайджана можно признать дальнейшую евроинтеграцию страны. В контексте этих усилий будут продолжены переговоры о вступлении Азербайджана в ВТО. Без решения этого вопроса ассоциированное членство в Евросоюзе, предполагающее свободу перемещения товаров, капиталов и рабочей силы, труднодостижимо.

Что касается вызовов, с которыми Азербайджан может столкнуться в ближайшее время, то здесь, в первую очередь, нужно отметить напряженность и неопределенность в связи с ядерной программой соседнего Ирана, а также возможное затягивание ситуации с урегулированием нагорно-карабахского конфликта. Риски и потенциально опасные сценарии развития по обоим этим проблемам туго переплетаются. В этих условиях наращивание собственного оборонного потенциала позволит Азербайджану чувствовать себя более уверенно при возникновении неожиданных обострений международной обстановки. Важно максимально задействовать механизмы стратегического партнерства с США, странами Евросоюза, Турцией. Необходимо продолжать поддерживать на высоком

уровне диалог с Россией, Казахстаном и другими соседними странами с тем, чтобы минимизировать риски и продвинуть решение вопросов, приоритетных для нашей страны. В первую очередь это касается проблематики нагорно-карабахского конфликта и раздела Каспия.

Список литературы

- 1 Современные международные отношения и внешняя политика / Под общ. ред. А.М.Гасанова; Науч. ред. С.М.Гандилов, А.В.Мехтиев. — Баку: Азербайджан, 2005. — 752 с.
- 2 *Махмудов Я.М., Шукюров К.* Азербайджан: международные отношения и история дипломатии. Международные договоры и другие внешние политические акты: В 4 т. — Т. 1. — Баку: Изд-во «Институт истории им. А.А.Бакиханова», 2009. — 512 с.
- 3 *Пириев А.* Политическая стратегия и национальная безопасность. — Баку: Тахсил МПЛ, 2005. — 564 с.
- 4 Алиев Ильхам принял участие в саммите ОБСЕ в Астане [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: [//www.president.az](http://www.president.az). (дата обращения 26.04.2011).
- 5 *Ахмедов Э.* Новый этап интеграции Азербайджана в евроатлантические институты сотрудничества и безопасности // Государственное управление: теория и практика. — 2007 — № 1 (17) — С. 17–24.
- 6 *Мехтиев Р.* Дорога, ведущая к независимости, государственности, национальному самосознанию. — Баку: XXI-Дом новых публикаций, 2007. — 672 с.
- 7 Концепция национальной безопасности Азербайджана в Астане [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: www.preslib.az. (дата обращения 26.04.2011).

З.Н.Адыгезалов

Қазіргі замандағы Әзербайжан Республикасының сыртқы саясатының басымдылықтары

Әзербайжанның қазіргі заманғы сыртқы саясаты болашақтың тәуелсіздігі мен ұлттық қауіпсіздігін қамтамасыз ету мақсатында жалпы тепе-тең тәсілдің негізінде әлемдік бірлестіктер мен аймақтар мен елдің жемісті екі жақты және көп қырлы ынтымақтастығына қол жеткізуге бағытталған. Елдің сыртқы саясатына әсер ететін негізгі факторларға ғаламдандыру процесі, Әзербайжанның геосаяси жағдайлары, стратегиялық табиғи ресурстардың болуы жатады. Әзербайжан берік аймақтық серіктес ретінде қала отырып, қазіргі заманғы сыртқы саясаттың басымдылығы ретінде елдің еуроатлантикалық кеңістікке енуін санайды.

Z.N.Adygezalov

Foreign policy priorities of the Republic of Azerbaijan in the modern period

Modern external politicians of Azerbaijan it is focused on achievement of fruitful bilateral and multilateral cooperation of the country with neighbors in region and the world community as a whole on the basis of the balanced approach for the purpose of maintenance of national safety and the sovereign future. The major factors influencing foreign policy of the country, globalization processes, geopolitical position of Azerbaijan, presence of strategic natural resources are. Azerbaijan, remaining the reliable regional partner, considers as the basic priority of modern foreign policy integration of the country into the Euroatlantic space.

О.Ф.Баланецкий¹, Л.И.Зуева²

¹Гимназия № 38, Караганда;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

О проблемах школьного исторического образования, тестировании и подготовке к ЕНТ

В статье исследовано состояние школьного исторического образования в Республике Казахстан. Много внимания уделено противоречиям в организации учебного процесса по истории. Рассмотрены проблемы содержательного компонента школьных учебников нового поколения. Отмечено, что одним из основных вопросов стала проблема оценки качества знаний по истории в рамках ЕНТ. В качестве решения этой проблемы предложены вариант подготовки к ЕНТ и учебные пособия для старшеклассников, которые получили на республиканском уровне высокую оценку. Обоснованы методические требования к проверке знаний с учетом особенностей учеников и полноты содержания проверяемых вопросов. Показано, что тестовые задания постепенно усложняются, в результате чего происходят дальнейшая конкретизация и прочное усвоение учебных знаний по отечественной истории.

Ключевые слова: образование, школьное историческое образование, тестирование, подготовка к ЕНТ, ученик, самообразование, самоорганизация, эффективность школьного исторического образования, информационный потенциал, оценка качества знаний.

Расширение глобального информационного поля и фантастическая скорость обновления информации предъявляют особые требования к современному ученику. Способность к восприятию и переработке информации в самых разнообразных формах, к самообразованию и самоорганизации позволяет повысить эффективность школьного исторического образования как процесса формирования информационного потенциала. Все указанные обстоятельства определили выбор темы исследования. Для решения данной проблемы мы поставили перед собой следующую целевую установку: охарактеризовать состояние школьного исторического образования в Республике Казахстан и проблему оценки качества знаний по истории в рамках ЕНТ.

Конец XX в. был ознаменован тем, что во всем мире велся поиск школы мирового класса. Образовательные системы в современных условиях ищут факторы, которые гарантировали бы эффективность школ в рамках всей системы, были бы связаны с высококачественным школьным обучением. При этом остается устойчивой тенденция усиления роли государства в управлении образованием *через создание норм и контроля* за результатами работы системы.

Важным аспектом решения задачи обеспечения высокого уровня, наряду с применением технологий обучения, созданием материальной базы и т.д., является разработка стандартов содержания и качества образования, т.е. разработка государственных требований к базовому содержанию образования, обязательного для всех учащихся, а также *способов контроля успешности их усвоения*.

И судя по всему, школьное историческое образование в Республике Казахстан находится в глубоком и тяжелом кризисе — тотальном и системном. Годы бездумного реформирования привели к тому, что школьному учителю работать становится все труднее. Главная причина затянувшегося кризиса — плохие учебники. Учебники истории у нас критиковали Президент, министры, учителя, общественность, но ситуация мало меняется к лучшему.

Учебник, как известно, — это важнейший компонент образовательной системы и главный инструмент организации учебной деятельности на уроке, способствующий социализации личности ученика. А что мы имеем в реальности? Неинтересные, сложные, перенасыщенные информацией, не учитывающие возрастных особенностей учеников книги. Авторы учебников боролись с европоцентризмом, но при этом история Востока подана так, что плакать хочется.

Из современных школьных учебников совсем исчезла *философия истории*. История стала нарративной, описательной. Подается масса фактов, часто несущественных, не укладывающихся ни в какие философско-исторические схемы. Нет описания крупномасштабных процессов. Составить целостное системное представление об исторических процессах почти невозможно.

Учебник истории, как известно, — инструмент формирования нации, о чем так много говорят представители власти. Но создается впечатление, что за последние 20 лет выросли поколения ман-

куртов. То, что история Казахстана как наука находится в стадии становления — вовсе не повод ослабиться и писать все, что вздумается. Наоборот, это причина быть осторожнее в суждениях и писать осмотрительнее. Даже в наш информационный век и время стремительного развития Интернета школа по-прежнему нуждается в хорошем учебнике. По словам К.Д.Ушинского, хороший учебник делает даже среднего учителя лучше, а плохой — снижает потенциал даже самого хорошего учителя.

В «старорежимные» советские времена история была одним из самых любимых предметов в школе. И это несмотря на принцип партийности, классовый подход, идеологизацию и атеизм. Хотя мониторинга никто не проводил, создается впечатление, что уровень исторических знаний учеников в советское время был значительно выше. А сегодня история — это предмет, который ученики стараются быстрее сдать и забыть.

В мае этого года нам пришлось работать с медалистами города. Что любопытно — из 70 человек ни один не выбрал пятым свободным предметом историю, и никто из них не шел на исторический факультет. Сегодня дефицит уже не только историков в школах города, а хороших школьных историков. На исторический факультет идут, как правило, не самые сильные ученики. Часто это вообще случайные люди, которым больше некуда идти. После вуза в школы учителями истории придут, как правило, опять же, не самые сильные студенты выпуска. Причем, если талантливые молодые специалисты и работают в школе, то с каждым годом таковых становится все меньше. Как правило, они покидают школу в первые 1–3 года работы. ИПК также не справляется со своими задачами. В итоге мы имеем падение уровня квалификации учителей истории. Получается замкнутый порочный круг, точнее, нисходящая спираль.

С целью повышения мотивации учащихся и учителей в хороших результатах обучения, совершенствования содержания образования, улучшения технологии обучения в последнее время в учебной деятельности школьных учителей, и в частности истории, весьма активно применяется тестирование как наиболее удобная форма контроля. Тесты, как правило, строятся на репродуктивной основе и ставят своей целью выявить степень усвоения школьниками фактического материала.

История педагогического тестирования охватывает период более ста сорока лет. Считают, что первые педагогические тесты были составлены в 1864 г. англичанином Д.Фишером, который применил их в школе Гринвичского госпиталя. Некоторые специалисты связывают рождение тестовых форм контроля знаний с именем американского психолога и педагога С.Пресси и его сотрудников. С.Пресси подсчитал, что для оценки знаний учащихся в течение учебного года ему приходится затрачивать более тысячи часов. Он задался целью сократить время и труд на проставление оценок. Выход был найден в создании простейших технологических устройств, программой для которых были тестовые задания. С тех пор тестирование с целью проверки школьной успеваемости получило широкое распространение в Америке, Франции, Англии. В США, например, с 1947 г. действует «служба тестирования в образовании», созданная американским Советом по образованию. Широкое распространение получило тестирование в Германии, Польше, Болгарии, Венгрии и других странах. Однако не все так просто обстоит с потребностью в объективной информации, которую может дать тестирование. Необходимость в такой информации испытывают не только ученики и руководители образовательных учреждений, но и учитель — для самооценки достижений учеников, с целью корректировки педагогических воздействий. Однако для достаточно большой группы педагогических работников и родителей объективная управленческая информация представляется как негативное явление. Появление и использование в практике работы образования объективной информации порождает целый ряд проблем, к решению которых не готовы не только отдельные педагоги, но и вся система образования в целом.

Большинство учёных, занимающихся вопросами тестового контроля знаний учащихся, считает, что тесты индивидуализируют процесс обучения, улучшают самоконтроль учащихся, превращаясь при этом из метода учёта в метод обучения. Поэтому они являются не только средством установления обратной связи, но и средством закрепления, повторения, систематизации и контроля знаний [1].

Уже в течение нескольких лет (с 1996 г.) при приёме в вузы Республики Казахстан используется технология комплексного тестирования, которая позволила решать задачи максимальной объективности в оценке знаний абитуриентов и социальной справедливости в вопросах присуждения государственных образовательных грантов. Эта технология была использована при проведении единого национального тестирования (ЕНТ), введенного в республике с 2004 г., предусматривающего совмещение итоговой государственной аттестации выпускников организаций среднего общего образования и вступительных экзаменов в колледжи и вузы. Введение ЕНТ позволяет объективно оценивать дея-

тельность организаций образования, определять их реальный рейтинг, усиливает внимание общественности к проблемам среднего общего образования, определяет направления совершенствования содержания образования, улучшения качества учебных программ, учебников, технологии обучения, подготовки учителей. В школах республики стал широко использоваться тестовый контроль [2].

Так что же такое проведение экзаменов методом тестирования? С точки зрения педагогики тестирование — это обычный научный метод исследования одного или нескольких эмпирически различаемых признаков личности, цель которого — определить относительную степень выраженности индивидуального признака на основании максимального использования количественных показателей. «Тест — это кратковременное, технически сравнительно просто обставленное испытание, проводимое в равных для всех испытуемых условиях и имеющее вид такого задания, решение которого поддается количественному учету и служит показателем степени развития к данному моменту известной функции у данного испытуемого» [3]. Контроль с применением тестов обычно называют *тестированием*. В сфере образования тестирование — это *метод педагогической диагностики*, с помощью которого проверяются успеваемость и подготовленность. Тест — это тонкое оружие. Требуются высокая научная квалификация, огромный кропотливый труд как для разработки теста, так и для правильной интерпретации тестовых показателей.

Технология комплексного тестирования основана на автоматической обработке результатов с использованием ЭВМ и без вмешательства проверяющего. *Сам процесс сдачи экзамена не требует от тестируемого дополнительных знаний сверх школьной программы.*

Тестирование — форма контроля, предъявляющая единые требования к учащимся. Оно проводится на основе совокупности тестовых заданий с предлагаемыми ответами (из которых один правильный (эталон)), составленных в соответствии с программой общеобразовательных предметов, утвержденных МОН РК. Их содержание не может выходить за рамки указанных программ. Цель проведения тестирования — повысить объективность оценки уровня знаний учащихся.

Особенность этого метода заключается в том, что с помощью большого количества тестовых вопросов определяется уровень некоторого признака личности за короткий промежуток времени, при минимальном расходе средств. Проводится для учащихся всего потока в одно время, даёт более полную картину об уровне подготовки учащихся, так как тестирование охватывает весь программный материал, позволяет дать не зависящую от субъекта (учителя) объективную оценку знаний на основе суммарного балла, набранного за правильные ответы; имеет меньшую психологическую нагрузку на учащихся; позволяет в автоматическом режиме провести обработку полученных оценок, осуществить анализ успеваемости учащихся и качества тестовых заданий по индексам трудности и вариабельности.

Обоснование выбора предложенной формы тестирования объясняется интенсификацией учебного процесса и экономией учебного времени, при которой обеспечивается разумное и экономное использования сил и возможностей учащихся и преподавателей, быстрый контроль знаний учащихся [4].

Преимущества тестов

1. Результаты определения знаний и умений, полученные с помощью тестовой методики, у разных экзаменаторов (учителей) совпадают и не зависят от их субъективного мнения. При проведении и анализе работ возможность посторонних влияний, не связанных с содержанием проверяемых знаний на их оценку, сведена к минимуму. В интересах объективности учета условия проведения работы и обработки тестовых данных можно строго нормировать. Форма тестов, их заполнение, легкость подсчета правильных ответов при использовании ЭВМ тоже влияют на их объективность.

2. Хорошо составленные тесты действительно или показательны, т.е. они направлены на проверку усвоения существенных, основных фактов, понятий, умений, а также на понимание идей, лежащих в основе исторических процессов, причинно-следственных связей. Кроме уровня знаний и умений, тесты помогут быстро выявить пробелы в знаниях, ошибки, трудности; их можно использовать для индивидуального подхода к учащимся.

3. Тест считается надёжным, если два его эквивалентных варианта в одних и тех же группах показывают высокую корреляцию — 77 % и выше, а также когда при повторном проведении теста в той же группе преподаватели получают близкие результаты. Надёжность теста повышается с увеличением количества задач.

4. Важнейшее преимущество применения тестов при проверке результатов обучения — это экономия времени. Тесты освобождают учащихся от трудоёмкой письменной работы, облегчают труд

учителя при проверке контрольных заданий и их оценке. При выполнении тестовых заданий школьники мало пишут, но зато много думают, анализируют, сравнивают, делают обобщения.

Тесты можно применять не только для определения успешности обучения, но и при усвоении нового материала, как тренировочные или тесты-упражнения. В таких случаях учащиеся сами выявляют и тут же исправляют ошибки, узнают свои достижения. Количественная характеристика результатов работы даёт детям возможность видеть продвижение в учёбе.

Вместе с тем тесты имеют и существенные недостатки. Основной из них: с помощью тестов трудно выявить умение связно излагать мысли, логически рассуждать, так как они выявляют главным образом результаты, а не ход работы. По результатам такого тестирования трудно определить, кто перед нами — человек с феноменальной памятью, своего рода живая энциклопедия, или же юное дарование с большими интеллектуальными возможностями, способное к решению сложных, неоднозначных проблем, требующих творческого, неординарного подхода. Определенную опасность представляет собой простое заучивание правильных ответов, «зубрежка тестов», когда ученики не могут объяснить свой выбор. Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что тесты необходимо применять в сочетании с другими формами и методами учёта знаний и умений школьников: устной, практической, традиционной письменной проверкой.

Одним из парадоксов современного образования является то, что историческое образование — это одно, а эффективная подготовка к ЕНТ — совсем другое. Одному из авторов статьи (О.Ф. Баланецкому), много лет работающему в школе, не раз приходилось слышать от учеников, набравших на ЕНТ 23–25 баллов, что целостного представления об истории у них нет.

Особенность школьного исторического образования — *дискретный, прерывистый характер учебного материала.* Ученик изучает материал 6-го класса, а в 7-м начинает изучать совершенно новый материал. Повтор не предусматривается, он и не нужен, потому что изучается новый период. Связь между курсами объективно слабая. В физике, математике, химии существует *объективная преемственность учебного материала.* Ученик, не усвоивший материал 6-го класса, не сможет эффективно учиться дальше. В нашем случае можно начать учить историю Казахстана с 8-го класса и быть при этом отличником. Из-за слабой преемственности курсов ученик к выпускному, 11-му классу мало что может вспомнить из курса, например, 6-го класса, даже если он при этом учился на «5». В этом никто не виноват, это объективная реальность нашего предмета.

Есть еще одна трудность, но уже субъективного характера. Дело в том, что *вопросы на ЕНТ берут из учебников 6–9, а не 10–11 классов.* Причем некоторые факты и положения из учебников 10–11 классов входят в противоречие с уже изученным историческим материалом в 6–9 классах. Это сбивает с толку детей, усложняет работу учителям. В выпускном классе детей надо готовить к ЕНТ, но при этом надо проходить совершенно конкретную программу 11-го класса, которую никто не отменял. Однако на подготовку к ЕНТ часов просто не заложено.

Еще одна проблема заключается в том, что 10–11 классы делятся по направлениям — естественно-математические и общественно-гуманитарные. У выпускников математического класса предусматривается 1 час истории Казахстана в неделю, в гуманитарном — 2 часа. При этом ЕНТ — общее для всех. Кроме того, в 11-м классе естественно-математического направления изучается курс «Человек и общество» (ЧИО), экзамен по которому нигде не предусмотрен. Но зато предусмотрено 2 часа в неделю на изучение самого школьного курса. Поэтому многие учителя вообще предпочитают не изучать учебники истории Казахстана 10–11 класса, начиная готовить детей к ЕНТ. Причем для этого в 11 классе у курса ЧИО забирают 1 час на подготовку к ЕНТ.

Хотелось бы заметить, что мы вовсе не против ЕНТ, но плохие учебники и перечисленные проблемы организации ЕНТ существенно сужают его возможности и потенциал.

Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, нами был создан учебно-методический комплекс для подготовки к ЕНТ и ПГК по истории Казахстана, состоящий из трех пособий (составитель — О.Ф. Баланецкий).

Первое пособие — «История Казахстана. В помощь абитуриенту по учебникам нового поколения» [5]. Это текст, представляющий собой модифицированные вопросы ЕНТ. Вопрос и только *правильный ответ* в тестовом задании объединяются в одну единицу информации. Полученная информация компонуется в связный текст и распределяется в хронологическом порядке по эпохам. Для облегчения понимания текста в небольшом количестве добавляется дополнительная информация.

Второе пособие — «2000 вопросов по истории Казахстана» — это проверочные тестовые задания *по темам* [6]. Прочитав какую-либо тему в первом пособии, ученик может проверить себя по

второму пособию с тестовыми заданиями. Он может работать с пособием самостоятельно или его может проверить по данному пособию учитель. Темы в пособиях соответствуют друг другу и совпадают. В конце каждой темы помещены таблицы ответов на тестовые задания.

Для облегчения работы учителя составляем *Лист контроля* изучения тем по истории Казахстана. Вертикальная колонка в листе — список класса, по горизонтали указан график изучения тем в учебном году. 2000 вопросов надо изучить за 9 месяцев учебного года. Чтобы подойти к ЕНТ хорошо подготовленным, ученику нужно учить примерно по 50–60 вопросов в неделю. Таким образом, создаются *индивидуальные образовательные маршруты учеников*. Процесс изучения тем становится прозрачным и отслеживается самим учеником, учителем, администрацией школы и родителями. Лист контроля позволяет сделать подготовку к ЕНТ осмысленной и организованной. Положительный момент *изучения учебного материала по темам* очевиден — последовательное методичное изучение базы вопросов на ЕНТ.

Однако у этого метода есть и недостатки. Дело в том, что темы по новой и новейшей истории учащиеся начнут изучать только во второй половине учебного года. А на промежуточных тестированиях варианты, как известно, включают 25 вопросов *из всего курса* истории Казахстана. И результаты, разумеется, получаются пока не самые лучшие.

Для устранения этого недостатка предназначено третье пособие — «70 вариантов по истории Казахстана» [7]. В нем собраны тестовые задания за три последних года. Особенность пособия заключается в том, что *устранены все повторяющиеся тесты*. Как известно, на промежуточных тестированиях ученики за счет повторов тестов могут набрать лишних 3–4 балла. Подготовка по этому пособию усложняет подготовительный процесс, но позволяет повысить балл на ЕНТ. В конце каждого варианта помещены ответы на вопросы. Соблюдено соотношение количества вопросов по эпохам (древний Казахстан, средневековый Казахстан и т.д.). Как и в случае со вторым пособием, ученик может работать с ним самостоятельно. Отвечая на вопросы тестов по вариантам, он может узнать, какое количество баллов набирает в данный момент. Изучение базы вопросов на ЕНТ своеобразным перекрестным путем, через изучение тем и вариантов, позволяет эффективно готовиться к ЕНТ. К минимуму сводится случайность во время проведения тестирования (повезет или не повезет с вопросами). По сути, мы получаем *разработанную систему подготовки к ЕНТ*. Эта методика подготовки к тестированию позволяет учителю истории выстроить график промежуточных и ожидаемых результатов каждого ученика. Ожидается (и практика это подтверждает), что от месяца к месяцу средний балл промежуточных тестирований будет расти. Через каждые 4–5 занятий у учеников накапливаются вопросы, и учитель может провести консультацию или прочитать обзорную лекцию с разъяснением отдельных проблем учебного материала.

Таким образом, произошедший пересмотр содержания школьного исторического образования, освобождение его от всего устаревшего, от сложившихся стереотипов привели к существенным изменениям в методике преподавания истории. Эти изменения затронули весь учебный процесс и способствовали тому, что в школах республики идет активный поиск путей, стимулирующих самостоятельность учеников в рамках оптимизации процесса обучения.

Лишь с учетом познавательных возможностей учащихся и их интереса к предмету возможны отбор содержания исторического материала, плодотворная совместная деятельность учителя и школьников на уроках истории.

Тестовые задания предоставляют учителю возможность методически грамотно работать с учебниками истории, реализовать на практике методические подходы к отбору содержания учебного материала, определять уровень знаний и умений учащихся и намечать задачи по их дальнейшему формированию или корректировке.

Список литературы

- 1 Воскерчьян С.И. Об использовании метода тестов при учете успеваемости школьников. — М.: Педагогика, 1983. — 165 с.
- 2 Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2005–2010 гг. // Казахстанская правда. — 16 окт. — 2004. — С. 3–4.
- 3 Бернштейн М.С. К методике составления и проверки тестов. — М.: Просвещение, 1968. — 165 с.
- 4 Майоров А.Н. Теория и практика создания тестов для системы образования. — М.: Педагогика, 2002. — 78 с.
- 5 Баланецкий О.Ф. История Казахстана. В помощь абитуриенту по учебникам нового поколения. — Караганда: ИПК, 2008. — 64 с.

6 *Баланецкий О.Ф.* 2000 вопросов по истории Казахстана. — Караганда: ИПК, 2008. — 68 с.

7 *Баланецкий О.Ф.* 70 вариантов по истории Казахстана. — Караганда: ИПК, 2010. — 60 с.

О.Ф.Баланецкий, Л.И.Зуева

Мектептегі тарихи білімнің мәселелері, тестілеу және ҰБТ-ге дайындық жөнінде

Мақалада Қазақстан Республикасы мектептеріндегі тарихи білімнің жағдайы зерттелген. Тарих пәні бойынша оқу үрдісін ұйымдастырудың қарама-қайшылықтарына көп назар аударылған. Жаңа ұрпақтың мектеп оқулықтары мазмұнын құраушы бөліктер мәселелері қарастырылған. Ал негізгі сұрақтардың бірі — Ұлттық бірыңғай тестілеудегі (ҰБТ) тарихи білімнің сапасы мәселесі. Мәселені шешу тұрғысынан, мектеп оқытушысы ҰБТ-ге дайындықты ұйымдастырудың өзі жасаған нұсқасын және республикалық деңгейде жоғары бағаға ие болған жоғарғы сынып оқушыларына арналған әдістемелік құралын ұсынады. Педагог білімді тексеруге қойылған әдістемелік талаптарды оқушылардың ерекшеліктерін және тексеруге арналған сұрақтар мазмұны толықтығын ескере отырып құрған. Тестік тапсырмалар біртіндеп күрделенген, қорытындысында Отан тарихы бойынша меңгеру керек білім нақтыланып қабылданады.

O.F.Balanetchi, L.I.Zueva

On the problems of school history teaching, testing and preparation for UNT

In article is considered of the school history formation in the Republic of Kazakhstan. Much attention are spared contradiction in the organizations of the scholastic process on histories. The considered problems of the profound component school textbook new generation. One of the main questions became the problem of the estimation quality knowledges on histories within the framework of UNT (united national testing). As decisions of this problem, school teacher offers its variant of preparation to UNT and designed by him scholastic allowances for pupil in his senior year, who have got on republican level high estimation. Teacher justifies methodological requirements for verification of knowledge allowing for the students and completeness of verifiable questions. Test mission are gradually more complex, in resulting more concrete definition and strong uptake of educational knowledge of national history.

К.Ш.Джалилов¹, П.П.Солощенко²

¹Карагандинский государственный технический университет;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Этика ответственности как императив современной научной деятельности

В статье рассмотрены философские аспекты обоснования смысла научной деятельности в условиях социальных трансформаций эпохи глобальной неустойчивости. Поставлены под сомнение традиционные для техногенной цивилизации ценности науки и научно-технического прогресса. Проанализированы основные философские концепции научной деятельности в контексте проблемы человеческих коммуникаций, преодоления отчуждения человека от им же порожденных социальных структур. Отмечено, что выход из ситуации кризиса состоит в придании научной деятельности гуманистического измерения. В качестве одного из аспектов этого положения сформулирована проблема нового облика науки, ориентирующегося на этику ответственности, ее нравственные требования.

Ключевые слова: современный мир, общесоциальный статус науки, культурный статус науки, социогуманитарные исследования, социальная практика, модернизация научной деятельности, сциентизм, антисциентизм, человеческие чувства, межличностные отношения.

В условиях постоянно возрастающего значения научной деятельности в современном мире дискуссии об общесоциальном и культурном статусе науки, а также об этических факторах научной деятельности не только продолжают оставаться в центре внимания социогуманитарных исследований, но и получают новые импульсы со стороны социальной практики, требующей от науки оптимального сочетания трансцендентных прорывов к новым знаниям о действительности с ответственностью ученых за гуманитарную эффективность полученных результатов и доступность их для большинства людей в планетарном масштабе. Жесткое противостояние сциентизма и антисциентизма, сопровождавшее данную дискуссию на протяжении всего XX столетия, особенно его второй половины, примечательно тем, что аргументы сторон так и не достигли цели — убедить оппонентов в правильности своей позиции и выйти на новый этап модернизации научной деятельности в интересах всего человечества. Антисциентисты уверены, что вторжение науки во все сферы человеческой жизни делает ее бездуховной, лишенной высших, не поддающихся расчетам и вычислениям смыслов, что разрушает жизненный мир подлинности человеческих чувств и межличностных отношений. В результате возникает неподлинный мир, который сливается со сферой производства и необходимостью постоянного удовлетворения все возрастающих вещистских потребностей. Все многообразие проявлений человеческого в человеке сводится лишь к одному технократическому параметру. А возникающие, как следствие непрерывно ускоряющегося научно-технического прогресса, перегрузки и перенапряжения, которые выпадают на долю современного человека, не только являются симптомами болезненного состояния общества, но и формируют частичного, «одномерного человека» (Г.Маркузе), страдающего «профессиональным кретинизмом» (К.Маркс). Сциентисты, напротив, видят в науке рациональное ядро всех сфер человеческой жизни, благодаря которому жизнь индивидуума и социума может и должна стать организованной, управляемой и успешной. Наука, являясь производительной силой общества, обладает и безграничными познавательными возможностями, и значительным потенциалом в деле преобразования не удовлетворяющих человека состояний окружающего мира. Общее возрастание стандартов качества жизни для всего планетарного сообщества показывает, что науке

под силу решать все острые проблемы цивилизационного развития человечества. В итоге дилемма сциентизм — антисциентизм предстает как извечная проблема культурного и социального выбора. Однако современная философская мысль тяготеет к преодолению этих полярных мировоззренческих позиций, выдвигая в качестве принципиального положения тезис о двойственности характеристики науки [1; 141, 142].

С одной стороны, наука функционирует как результат деятельности ученых. Поэтому, не поняв закономерностей этой деятельности, невозможно полностью разобраться в закономерностях развития науки. Но, с другой стороны, сами ученые как профессионалы сформированы наукой, ее условиями и требованиями. Поэтому с неменьшим основанием можно утверждать и то, что, не поняв закономерностей функционирования науки, невозможно понять поведения ученых. Определенные формы деятельности, поведение людей науки являются и условием функционирования науки как социального института и, одновременно, его следствием. Наука, таким образом, определяется в системе социальных отношений не как совокупность действий отдельных ученых и научных сообществ, одобряемых в рамках того или иного варианта конвенционализма, а как результат их взаимодействия в интересах всего общества. Именно такой подход лег в основу основных философских концепций научной деятельности, в которых этико-гуманистические ориентиры обосновываются как исходные пункты в определении стратегии научной деятельности.

Автор феноменологической концепции Э.Гуссерль трактует науку как сознание в его смыслах. Единственный доступ к смыслам дает анализ сознания, которое интенционально (направлено на познаваемый объект) и конституируется как единство сочетаний многообразия переживаний с присутствующими ему инвариантами, постигаемыми в акте интеллектуальной интуиции. Следуя этим путем, наука открывает смысл в объективной действительности. В мире, воспринимаемом сознанием, деятельность которого укоренена в повседневном опыте и определяется характеристиками жизненного мира человека, «принципиально осуществима универсальная индуктивность (усмотрение в отдельных актах сознания идеального)» [2; 158]. Если это отрицать, то невозможно объяснить и саму возможность научных утверждений, и способ обоснования их достоверности. Согласно Гуссерлю, идеальные предметности нельзя обнаружить в реальных телах на опыте, в эксперименте, в практическом производстве, они обнаруживаются непосредственно только благодаря идеализирующей духовной деятельности, выделению инвариантного начала во всех мыслимых вариациях пространственно-временных форм реальности. Найденное в процессе деятельности сознания объективно-идеальное обладает безусловной всеобщностью для всех людей, воспроизводится в межсубъектном смысле [3; 243]. Таким образом, научная деятельность связывает между собой два основных уровня действительности — уровень первоочевидностей (исходных впечатлений от познаваемых объектов) и уровень идеальных очевидностей (смыслов, конституируемых сознанием). Именно в таком качестве наука включена в жизненный мир человека. Отсутствие постоянной корреляции между жизненным миром человека, миром первоочередностей, и миром идеальных сущностей знаменует собой, по Гуссерлю, кризис техногенной цивилизации. Не сама научная деятельность несет опасность для человека, а игнорирование человеком подлинного статуса науки. Научная деятельность — это не только мир объективно-идеальных сущностей, но и пути их достижения, способность науки соответствовать запросам жизненного мира. Забвение последнего делает науку абстрактном математизации, формализации, технизации. Но такая наука несостоятельна и бессильна перед вызовами времени.

Онтологическая концепция М.Хайдеггера интерпретирует науку как теорию действительного, которая требует противостояния предмета субъекту и субъекта предмету [4; 58–59]. В ходе этого противостояния вырабатывается метод, в котором главное внимание обращается на то, как вещи ведут себя в порядке правил, общей схемы. Поэтому научная деятельность — это конструирование и навязывание существу схемы предметного противостояния, рассмотрения, согласно методу, картины мира как совокупности представлений. По Хайдеггеру, в античности и средневековье не было науки, поскольку люди принимали сущее во всей его открытости и противоречивости, а не представляли его себе, и мир не становился картиной. Наука, возникшая в Новое время и ставшая серьезной силой в современном мире, действует грубо и прямолинейно, довольствуется обычным и средним, будучи не в состоянии понять неповторимое и редкостное, обедняет мир, редуцируя бытие к предметности, бессильна перед событием как единичным [4; 248–250]. Выход из этой печальной ситуации М.Хайдеггер видит в творческом осмыслении перспектив научной деятельности каждым из ее участников, в наполнении научной деятельности жизненным смыслом. «Хотя науки на своих путях и своими средствами как раз никогда не могут проникнуть в существо науки, все же каждый исследователь и предпо-

даватель, каждый человек, занятый той или иной наукой, как мыслящее существо способен двигаться на разных уровнях осмысления и поддерживать его» [4; 252].

С позиций герменевтической концепции научная деятельность не может считаться продуктивной, если она не включает в себя герменевтический компонент — первостепенное внимание к человеческой коммуникации, реализующейся в среде языка; движение в герменевтическом круге как интерпретация, позволяющая расширить горизонты понимания; диалектика вопросов и ответов, реализуемая в диалоге; единство понимания и его применения на практике [5; 616–624]. Результат любой научной деятельности — это своеобразный текст, который нуждается в интерпретации и понимании. Любая наука создается людьми и для людей, а значит, понимание — неустранимый момент научной деятельности. Используя герменевтический потенциал интерпретации, мы в состоянии наладить диалог между учеными и не-учеными, благодаря которому состоится расширение горизонтов науки, станет возможным критическое отношение как к неконструктивным призывам отказаться от науки, так и к абсолютизации ее когнитивных претензий.

Критическая концепция франкфуртской школы усматривает главную проблему отрицательного отношения к науке в современном обществе в стремлении научного сообщества освободить науку от ценностей, окончательно разорвать связь между самой наукой и тем, чем она не является [6; 81–85]. Но тем самым наука самоустраняется от своей важнейшей задачи — укрепления социального прогресса путем публичного употребления разума. Наука призвана освободить человека от угроз со стороны любых форм тоталитаризма: политического, технологического, информационного и т.д. Наука формирует основы компетентности, коммуникативной рациональности [7; 63]. Для представителей франкфуртской школы научная деятельность — это способность критически относиться к действительности и учиться на опыте, что формирует идеальное коммуникативное сообщество, разрешающее свои проблемы через налаженную коммуникативную рефлексию и постепенно приближающееся к истине.

Как мы видим, основные философские концепции научной деятельности ясно обозначают ключевое противоречие в современном состоянии — неспособность ученых быть критичными по отношению к самой науке, проявляющаяся в отсутствии среди критериев значимости научного исследования требования коллективной и индивидуальной ответственности ученых за последствия внедрения научных разработок в окружающую среду, социальную организацию, телесно-духовное пространство человека. Полностью положившись на веру во всемогущество науки и ее методов, ученые допустили превращение всего мира только в объект, притом воспроизводимый и прогнозируемый по шаблонам самой науки. Отношение к миру только как к объекту обернулось неконтролируемым производом бесконечных экспериментов с непредсказуемыми последствиями (вспомним хотя бы о «неизвестном» происхождении ВИЧ-инфекции), «терроризмом лабораторий» (Х.Ортега-и-Гассет) (здесь можно упомянуть о пандемии «свиного гриппа», обогатившей фармацевтические кампании с их научно-исследовательскими подразделениями). Все это заставляет поставить принципиальный вопрос о дальнейшем развертывании научной деятельности на основе этики ответственности.

Безусловно, обоснование необходимости отношений науки и этики, а также прояснение характера этих отношений имеют давнюю традицию. Занимаясь научным исследованием, ученый не может отбросить свои родовые, общечеловеческие качества, оценочные способности и нравственные установки. В результате в научную деятельность неизбежно вносятся этические проблемы. При этом решение этических вопросов, возникающих в ходе научной деятельности, зависит, с одной стороны, от тех обычных человеческих качеств ученого, которые не прекращают своего существования в моменты занятий наукой, а с другой — от того исторически сложившегося набора моральных норм, который действует в рамках научного сообщества. Нормы выражаются в форме позволений, запрещений, предписаний, предпочтений и т.п. Эти императивы, передаваемые наставлением и примером и подкрепленные санкциями, составляют «этос науки» — основу профессиональной этики ученых. Научный этос, определяя, в первую очередь, условия получения достоверного знания методологически безупречным образом, в то же время обязывает ученого к определенному поведению не только потому, что оно эффективно в научных процедурах, но и потому, что в правила этого поведения верят и признают их обязательными с нравственной точки зрения.

Наиболее известный вариант нормативного этоса науки был разработан в 40-е годы XX в. американским социологом Р.Мертонем. В его концепции основу нормативного этоса науки составляют четыре императива. Императив «универсализма» порождается внеличным характером научного знания. Утверждения науки универсальны в том смысле, что их истинность не зависит от того, кем

они высказаны. Под универсализмом понимается независимость результатов научной деятельности от личностных характеристик ученого, поэтому ограничение продвижения в науке на основании чего-то иного, кроме недостатка научной компетентности, — прямой ущерб развитию знания. Универсализм обуславливает интернациональный и демократичный характер науки. Императив «коллективизма» предписывает ученому незамедлительно передавать полученные результаты в общее пользование, сообщать о своих открытиях всем ученым без ограничений. Научные открытия являются продуктом социального сотрудничества ученых и принадлежат всему научному сообществу. Императив «бескорыстности» требует от ученого руководствоваться в своей деятельности исключительно стремлением к отысканию истины, не приспособлявая научную мысль к получению личной выгоды. Императив «организованного скептицизма» не допускает принятия любого научного положения без тщательной, всесторонней проверки. Данный императив предписывает ученому подвергать обоснованному сомнению как свои, так и чужие открытия и выступать с публичной критикой любой работы, если он обнаружил ее ошибочность [8; 132, 133].

Идеи Р.Мертон позволили по-новому взглянуть на проблему научной этики, обратить внимание не только на результаты научной деятельности, но и на условия, влияющие на получение этих результатов. Однако в общем концепция Р.Мертон не вышла за пределы интересов самой науки: этические нормы должны обеспечивать получение научных знаний, создавать условия для их непрерывного роста. То есть ученый несет ответственность за результаты своей научной деятельности, но только в рамках правил, установленных самой этой деятельностью, все более превращая науку в бесконечный процесс кумуляции научного продукта, созданного учеными по единым и полезным для их деятельности нормам. Считая традиции науки предельно устойчивыми в силу ее абсолютизированной рациональности, Р.Мертон не рассматривал нормы научной деятельности как нуждающиеся в постоянном обсуждении на предмет их соответствия вызовам времени, не прогнозировал необходимости придания им гибкости и способности к самообновлению на основе включения в сферу научных интересов всей целостности бытия и душевно-духовной уникальности мироздания. А именно это и требуется в условиях, когда наука перестает соответствовать своим претензиям на успешное решение проблем цивилизации, более того, когда разрыв между мощью научного знания и способностью человечества распоряжаться этим знанием на благо жизни достиг критической отметки, на которую указывают перманентные экологические и техногенные катастрофы настоящего времени. Поэтому и продолжается поиск иных этических регулятивов научной деятельности. Этим целям отвечает принципиальное положение о том, что чисто научный прогресс не в силах сам по себе способствовать установлению между людьми согласия, без которого невозможно достижение более или менее устойчивого благополучия в социальных отношениях. Значит, необходим выход науки за пределы нашего времени, участие самих ученых в обосновании и утверждении новой этики ответственности [9; 163–164].

Именно на этом настаивал выдающийся гуманист XX в. А.Швейцер, предлагая свою этику «благоговоения перед жизнью», в которой всякое истинное познание переходит в переживание и заставляет человека мыслить и удивляться красоте многообразия проявлений живого. «Сегодня кажется не совсем нормальным признавать в качестве требования разумной этики внимательное отношение ко всему живому, вплоть до низших форм проявления жизни. Но когда-нибудь будут удивляться, что людям потребовалось так много времени, чтобы признать несовместимым с этикой бессмысленное причинение вреда жизни. Этика есть безграничная ответственность за все, что живет» [10; 315]. При этом в этических конфликтах человек может принять только самостоятельное решение. «Никто не может за него сказать, где каждый раз проходит крайняя граница настойчивости в сохранении и развитии жизни. Только он один может судить об этом, руководствуясь чувством высочайшей ответственности за судьбу другой жизни» [10; 316].

Этика ответственности становится настоятельной потребностью с позиций достижения лучшего будущего. Характер научной деятельности ученых вынуждает занять их определенную этическую позицию, основой которой являются, в первую очередь, благосостояние людей, их здоровье и безопасность. Фундаментальная задача обеспечения улучшения всего комплекса жизненно важных для человека отношений в принципе не может быть решена без ученых, без использования той могущественной силы науки, которую они в состоянии задействовать, в интересах развития личности и повышения качества социальной организации. Этика ответственности, становясь краеугольным камнем научного гуманизма, руководствуется теми ценностями, которые актуальны для всего общества, но вместе с тем она дает возможность ученым усовершенствовать уже имеющиеся ценностные ориенти-

ры научного поиска и создать рационально обоснованную теоретическую основу для выдвижения новых гуманистических ориентиров научной деятельности. Об этом свидетельствует появление на исходе XX столетия целого комплекса направлений прикладной этики, в которых этические требования к конкретным наукам опираются на детально разработанные научные программы [11; 70–71].

Подлинный долг науки состоит в том, чтобы постоянно уделять внимание обновлению эпистемологических требований с целью выработки таких условий научной деятельности, в которой нормой станет осознание ответственности ученого за возможное возникновение потенциально опасных ситуаций, своевременное информирование о возможных последствиях и постоянный поиск мер, предотвращающих опасности, особенно возникающие по недомыслию самого человека. Благодаря своему этическому потенциалу наука в состоянии преодолевать свою объективистскую ограниченность и с помощью своих специфических методов оказывать помощь в разрешении кризисных ситуаций другим областям деятельности.

Ответственность ученых предполагает их активное участие в решении назревших проблем цивилизации, но не выведением этих проблем за пределы общечеловеческого дискурса в область «научной индифферентности», а внесением в их решение основополагающих принципов научной деятельности — объективности, доказательности, критичности. Важно учитывать, что деятельность современного ученого не замыкается в рамках специальных исследований. Она включает и преподавание, и обработку информации, и популяризацию достижений науки. Нередко ученый выступает в роли консультанта или эксперта по вопросам своей специальности, имеющим социальную значимость. Такое расширение культурной функциональности ученого — закономерное следствие усложнения процесса интеграции науки в систему социальных отношений. Поэтому и в самом научном сообществе происходят существенные сдвиги, связанные с расширением границ социальной ответственности ученых. С одной стороны, сквозь призму этики ответственности рассматриваются не только последствия применения достижений науки в практике, ее готовящиеся или уже осуществившиеся проекты, но и сами процессы исследования, внутренний мир научной деятельности. С другой стороны, изменяется понимание статуса субъекта социальной ответственности науки. Акцент переносится с общего, а потому абстрактного образа науки, на отдельные научные дисциплины, проблемные области, исследовательские коллективы, а с возрастанием глобальной неустойчивости — на конкретного ученого. «Все отчетливее проявляется понимание того непреложного факта, что если не будет в геометрической прогрессии возрастать социальная ответственность ученых, роль нравственного, этического начала в науке, то человечество, да и сама наука, не смогут развиваться даже в прогрессии арифметической» [12; 163].

Таким образом, современная философская мысль аргументирует в качестве радикальной стратегии самоизменения научной деятельности соединение поиска истины с расширением этических регулятивов научного поиска, согласование идеи о самоценности истины с идеями о нравственности как необходимой предпосылки истины. Вызревающая на этой почве постнеклассическая рациональность предлагает стимулы для роста новых ценностей и мировоззренческих ориентаций, которые открывают новые перспективы для диалога научных и вненаучных форм культуры. Сегодня от научной деятельности все больше начинают требовать не просто технологических приложений, но и того, чтобы ее результаты позволяли удовлетворять вполне конкретные запросы общества и потребности человека. Растущая практическая эффективность научной деятельности в тех областях, которые ближе всего к повседневным нуждам и интересам рядового человека, становится серьезным фактором, ускоряющим развитие науки и технологий. В этом контексте вопрос о взаимоотношениях науки и общества приобретает новые очертания: теперь становится ясно, что проблема возникновения опасений по поводу безопасности научных исследований кроется не в отсутствии научной компетентности у простых людей, а в том, что наука и базирующиеся на ее основе новые технологии ставят перед лицом человека новые трудности, новые проблемы. На смену сложившейся на базе безапелляционного признания превосходства науки над другими формами познания, модели коммуникации науки и общества, в рамках которой главной проблемой считается несостоятельность населения в понимании деятельности научного сообщества, приходит другая модель, которая подчеркивает необходимость диалога между ученым и гражданином и самого серьезного отношения к знаниям и верованиям различных слоев социума [13; 52–53].

В целом же можно сказать, что одной из наиболее значимых отличительных характеристик современной научной деятельности становится изменяющееся место в ней того, что относится к нравственной проблематике. На протяжении долгого времени наука отстаивала идеалы беспристрастно-

сти, свободы от нравственных ценностей — как гаранта получения достоверных знаний. Сегодня ситуация существенно усложнилась: речь вовсе не идет об отказе от этих идеалов, тем не менее нравственное измерение начинает восприниматься как существенная характеристика и изучаемой наукой реальности, и самого научного познания. В.С.Степин, в частности, говорит о том, что трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеучными ценностями общесоциального характера. «Научное познание начинает рассматриваться в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества, детерминируемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками» [14; 164].

Готовность современного ученого соответствовать в своей деятельности нравственным требованиям этики ответственности должна становиться личным убеждением уже на этапе получения профессионального образования [15; 166]. Для этого необходимо задаваться не только традиционными для науки вопросами о способах получения объективных знаний о мире и методах технического овладения миром, но и спрашивать себя о том, хотим ли мы этого, должны ли мы это делать, имеет ли это, в конечном счете, какой-нибудь смысл. А это уже может рассматриваться как актуальная задача для всего социума — выработать новую концепцию познания, генерирующую такие качества индивида, как когнитивная уникальность, самосознание, самоорганизация, способность работать в условиях неопределенности, отдавая себе отчет о конечном смысле собственной деятельности.

Список литературы

- 1 Порус В. Этика науки в структуре философии науки // Высшее образование в России. — 2007. — № 8. — С. 137–147.
- 2 Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Вопросы философии. — 1972. — № 7. — С. 136–176.
- 3 Гуссерль Э. Начало геометрии: Пер. с фр. и нем. — М.: Ad Marginem, 1996. — 267 с.
- 4 Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. В.В.Бибихина — М.: Республика, 1993. — 447 с.
- 5 Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Опыт философской герменевтики: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1988. — 700 с.
- 6 Адорно Т. К логике социальных наук // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76–86.
- 7 Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С. 53–67.
- 8 Мирская Е.З. Этические регулятивы функционирования науки // Вопросы философии. — 1975. — № 3. — С. 131–138.
- 9 Бандурина И.А. Этика науки и этика ученого // Высшее образование в России. — 2010. — № 5. — С. 161–164.
- 10 Швейцер А. Культура и этика: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1973. — 343 с.
- 11 Войскунский А.Е., Дорохова О.А. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы // Вопросы философии. — 2010. — № 5. — С. 69–83.
- 12 Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии. — М.: Политиздат, 1986. — 399 с.
- 13 Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. — 2010. — № 8. — С. 45–57.
- 14 Степин В.С. Научная рациональность в гуманистическом измерении // О человеческом в человеке / Под общ. ред. И.Т.Фролова. — М.: Политиздат, 1991. — С. 138–166.
- 15 Бандурина И.А. Об ответственности современного ученого // Высшее образование в России. — 2008. — № 6. — С. 165–168.

К.Ш.Джалилов, П.П.Солощенко

Жауапкершілік этикасы қазіргі заманғы ғылыми әрекеттің императиві ретінде

Мақалада ғаламдық тұрақсыздық дәуірінің әлеуметтік өзгерістер жағдайындағы ғылыми қызметі мәнін негіздеудің философиялық аспектілері қарастырылады. Қазіргі уақытта ғылым мен ғылыми-техникалық прогрестегі техногенді өркениет үшін дәстүрлі құндылықтарға күмән тууда. Адамзаттық коммуникация мәселесі контекстіндегі ғылыми қызметтің негізгі философиялық тұжырымдамалары, адамның өзі тудырған әлеуметтік құрылымдардан өзінің жатсынуы мәселелері талданады. Осындай жағдайдан шығу үшін ғылыми қызметке гуманистік өлшемдер беруіміз керек. Бұл ұсыныстың аспектілерінің бірі ретінде жауапкершілік этикасына, оның адамгершілік талаптарына бағыт-бағдар беретін ғылымның жаңа кейіпі мәселесі қалыптасады.

K.S.Jalilov, P.P.Soloschenko

The ethics of responsibility as an imperative of modern scientific activity

In article philosophical aspects of a substantiation of sense of scientific activity in the conditions of social transformations of an epoch of global instability are considered. Values of a science traditional for a technogenic civilization and scientific and technical progress are called into question. The basic philosophical concepts of scientific activity in a context of a problem of human communications, over comings of alienation of the person from it of the generated social structures are analyzed. The crisis way out consists in giving of scientific activity of humanistic measurement. As one of aspects of this position the problem of new shape of the science which are guided by ethics of responsibility, its moral requirements are formulated.

УДК 130.122

И.В.Рынковой

Православный Свято-Тихоновский государственный университет, Москва, Россия

Гносеологические аспекты религиозного сознания

Статья посвящена проблеме религиозного сознания. Автором затронута актуальная проблема взаимоотношения веры и знания. Показано, что путь веры есть особенный способ познания, включающий сверхрациональный тип знания, который превышает человеческий разум и является свидетельством приобщения к реальности более высокой, чем телесный мир. Основное внимание уделено проблеме восстановления гармонии и взаимосвязи между религиозным, философским и научным видением мира, где обязательным условием является признание существования трансцендентного начала, не доступного разуму. Исследование подвижнической практики понято автором как необходимая задача, ведущая к созиданию личности и являющаяся высшей целью, ориентируясь на которую человек вступает в область преображенного бытия.

Ключевые слова: философия, разум, познания, культурные традиции, духовные традиции, научный разум, логический анализ, западноевропейская гносеология, рационально-логическое познание, мышление.

Ответы на вопросы о том, как осмыслить полноту разума, полноту познания, во многом определялись теми культурными и духовными традициями, в рамках которых развивалась та или иная философия.

Начиная со времен античности, основной проблемой философии является проблема специфики научного разума как способности к чисто логическому анализу. На протяжении многих веков (вплоть до конца XIX в.) господствующая линия западноевропейской гносеологии обращала внимание в основном на рационально-логическую сторону познания. Однако еще в XVII в. Б.Паскаль пытался направить философский взгляд на «разум сердца».

Перед нами два различных образа познания бытия. Первый путь к познанию выражается в том, что познавательная способность человеческого духа, направленная вовне, встречаясь с бесчисленным разнообразием явлений, видов, форм, бесконечным дроблением всего происходящего, умом настоль-

чиво ищет единства, прибегает к синтезу, порой искусственному. И то единство, которое достигается на этом пути, не всегда отражает реальное и объективно существующее, но является лишь формой отвлеченного мышления.

Иной путь к познанию о бытии лежит через обращение человеческого духа внутрь себя и затем к Творцу, и тем самым ум отходит от бесконечной множественности и раздробленности явлений мира, где, по словам И.В.Киреевского, отдельные силы «сливаются в одно живое и цельное зрение ума» [1; 249]. Задача обретения целостности, уцеломудрения ума выступает здесь не только как интеллектуальная задача, но еще больше как духовно-мистическая практика, где исследователь должен обладать особой чуткостью к тому, что принадлежит к области духа.

Стремление к Истине является характерной чертой человеческой духовной природы. При этом философское познание необходимо для человека, так как оно учит истинно мыслить и стремиться к высшим понятиям. «Стремление к Абсолютному, — пишет проф. П.А.Милославский, — обусловливается природным стремлением человека к высшим идеалам существования и знания сравнительно с тем, что есть и что известно в любое данное время... в том числе к лучшему, наибольшему и самому достоверному знанию» [2; 425].

В настоящее время внимание философии все более занимает проблема взаимосвязи между философским, научным и религиозным видением мира. Как наука, философия (от греч. «*philia*» — любовь и «*sophia*» — мудрость) имеет своим предметом умственное исследование начал и оснований, законов и целей, порядка и связи всего видимого и невидимого, чувственного и сверхчувственного, а также исследование и определение законов и целей и всего бытия вообще, умственной и нравственной жизни и деятельности человека в особенности.

Но в то же время многие современные философы нередко высказывают мнение о несуществовании общепринятого определения философии, равно как и общепринятого представления о ее предмете, поскольку само признание той или иной теории или методологии является философской процедурой и осуществляется на основе той или иной системы философских представлений.

Со времени Сократа для древних мыслителей наука и философия были существенно различны: одна давала человеку знание, другая делала его мудрецом. Конечно же, они понимали, что человек может служить предметом всестороннего научного изучения, даже сами производили такие попытки, но все-таки решение загадки о человеке выносили за пределы науки. И если наука на основании всех своих опытов могла приходить только к установлению положения доктрины Пифагора: *παντων χρηματων μετρον ανθρωπο* («человек есть мера всех вещей»), то в учении Платона философия *a priori* выходила из другого положения: *παντων χρηματων μετρον θεο* («мера всех вещей есть Бог»). Согласно последнему положению философия приходит к заключению, что благо человека заключается не в том, что есть человек, а в том, чем он может быть, и действительная мудрость заключается не в изучении человеческой природы, а в развитии ее по идеалу человечности. Сам Платон по силе этого заключения определил процесс философии как уподобление Богу — *ομοιωσις τω θεο*. Пифагорейцы же указали конечную цель человеческого развития — полное посмертное обожествление.

Отсюда видно, что философия неразрывно связана с процессом познания, а вернее, самопознания того, кем должен быть (=стать) человек.

В послании к своему ученику Тимофею апостол Павел пишет: «Вникай в себя и в учение; занимайся этим постоянно: ибо, так поступая, спасешь и себя и слушающих тебя» (1 Тим. 4,16). Этими словами подчеркивается, что познание есть процесс, в котором активно участвует весь человек «всею душою своею и всем разумением своим» (Мф. 22, 37), и, конечно, под этим понималась не отвлеченная игра ума, а работа над собой, созидание личности, напряжение духа, собирающее и сопрягающее все силы и функции души. И этот девиз был актуален не только в младенческую пору человечества. Например, с особой силой звучит призыв к самоосознанию у Ф.М.Достоевского. «Не вне тебя правда, — говорит он, — а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою» [3; 526].

Несомненно, что познание существенно зависит от духовной жизни личности, а также глубоко обусловлено теми ценностными и мировоззренческими горизонтами, в которых оно разворачивается, которые служат выражением духовного самоопределения личности и эпохи.

По мнению профессора В.Д.Кудрявцева-Платонова, истина предмета, которую ищет познание, раскрывается через рассмотрение феноменальной стороны предмета на фоне его идеального образа, через соотношение того, чем он является, с тем, чем должен быть. В этом ключе углубление и расши-

рение познания теснейшим образом связаны с нравственным совершенством личности, где познание рассматривается не просто как функция гносеологического субъекта, а как целостный акт личности. По словам проф. В.Зеньковского, «онтологическая сторона познания и состоит в сближении с предметом познания, чтобы перейти в любовь к нему. Достаточно уяснить себе эту конечную задачу познания, чтобы понять, что так называемая «теоретичность» познания, понимая это в смысле греческого *Theoria*, вовсе не есть чисто созерцательное отношение к предмету, — это есть движение духа к предмету, имеющее в виду обнять его любовью и соединиться с ним через эту любовь» [4; 71].

Такое соединение происходит путем веры, которая есть особенный, таинственный способ познания, сверхрациональный тип знания, которое превышает человеческий разум, естественное свидетельство приобщения к реальности более высокой, чем телесный мир.

Идеал веры как истинного познания развивал русский философ В.И.Несмелов (нач. XX в.), который писал, что «вся сущность проблемы религиозной веры выражается вопросом об ее познавательном значении: что именно представляет собой религиозная вера с точки зрения теоретического мышления? Есть ли она действительное познание трансцендентной реальности, или же она представляет собою, хотя психологически и совершенно естественное, но в познавательном отношении все-таки совершенно фиктивное построение человеческого воображения?» [5; 29].

Роль веры в процессе познания подчеркивает и преп. Иустин Попович, который пишет, что вера означает принятие мира прежде всякой логики, прежде миропознания. Поверить — значит «смирить себя крайним умосмирением, признать, что своей глубиной и огромными размерами мир превосходит все наши устройства познания и возвышается над ними» [6; 89].

При этом в суждениях веры теоретический разум строит познание трансцендентной стороны бытия, которая неведома на пути эмпирического познания вещей, но которая реально дана познающему мышлению в непосредственных интуициях человеческого духа.

По мнению преп. Исаака Сирина, вера обладает безграничным творческим потенциалом и, не будучи скована необходимостью подчинения естественным законам, с дерзновением выходит за рамки естества [7]. Пользуясь классификацией знания, преп. Исаак различает между собой «естественное» и «духовное». Первое есть знание, предшествующее вере, тогда как второе — знание, порожаемое верой. Естественное знание является рациональным «знанием снизу», а духовное — сверхрациональным «знанием свыше». Если «знанием снизу» могут обладать даже подверженные страстям, то «знание духовных тайн свыше» получают святые через ум посредством благодати: «<...> кто удостоился этого, тот ночью и днем пребывает в таком состоянии, словно некто вышедший из тела и уже находящийся в том мире праведных <...> это вход в божественный покой, о котором говорили Отцы, и это переход из области страстей к просветленности и к движениям свободы» [8; 257].

Философская мысль призвана устремляться к установлению тех аспектов, без которых невозможна религия, гаснет религиозное сознание, которые его, следовательно, конституируют; к обнаружению основных категорий религиозного суждения. Уже в самом определении понятия «религия» дано основное ее существо. Данное понятие содержит суммарную мысль о ней: *religio* — *religare* — связь, связывать, соединять.

Таким образом, в религии устанавливается и переживается связь человека с тем, что выше него. Отсюда в основе религиозного сознания лежит поэтому основной и неустранимый дуализм: в религии, какова бы она ни была в своей конкретной форме, есть всегда два начала, два полюса. По справедливому замечанию Л.Фейербаха, религия есть как бы «раздвоение человека» с самим собой, отношение его к себе как к другому, второму, не одному, не единственному, но связанному, соединенному, соотносящемуся. Поэтому в самой общей форме можно дать такое определение религии: религия есть «опознание Бога», переживание связи с Богом.

Если эту религиозную формулу перевести на философский язык, то она будет выражена как переживание трансцендентного, недоступного опытному познанию (от лат. *transcendo* «переступить»), становящегося имманентным (от лат. *immanens, immanentis* «пребывающий внутри»), однако при сохранении своей трансцендентности переживание трансцендентно-имманентно. В религии неизбежно приходится иметь дело с этой сопряженностью противоположных логических полюсов, их взаимоотношением и постоянным притяжением: в категориях религии *трансцендентно-имманентное* есть основное формальное понятие, в котором осознается связь с божеством [9; 12].

Религиозное сознание имеет особую логику, «око умного видения», проникающего к высшей действительности. Удостоверяя человека в реальности иного, божественного мира, религиозное переживание приводит его в живую, непосредственную связь с религиозной действительностью. Как

верно заметил С.Н.Булгаков: «На подлинно религиозный путь вступил лишь тот человек, кто реально на своей жизненной дороге встретился с божеством, кого настигло оно, на кого излилось преобладающей своей силой» [9; 12–13].

В религиозном мировоззрении осуществляется постижение глубинной сущности человека, имеющей духовную природу и сопряженную с Божественным бытием. В недрах религиозной веры и религиозного мировоззрения возникает религиозное самосознание и самопознание человека, в котором человек осознает себя причастным к духовному, абсолютному божественному миру, имеющим возможность устанавливать связь с этим миром, приобщаться к нему.

«То уже не эмпиризм, когда мы, везде и всегда видящие границы пространства, начинаем помышлять о безграничном» [10; 369], — писал в XIX в. Н.И.Пирогов. Обретая такую способность, человек становится на путь познания своей природы как имеющей отношение к духовному божественному миру. Он научается осознавать и опознавать онтологическое, т.е. божественное, или абсолютное, содержание своего внутреннего мира, видеть, что оно является выражением и свидетельством глубин сущностного бытия человека.

Наполнение самосознания человека онтологическим содержанием происходит в процессе сознательно-волевого, практического духовного делания — опытного богопознания и богоуподобления человека, направленного на раскрытие образа Божия в душе человека. «Познай себя самого, из чего и каким ты сотворен... И этим достигнешь красоты Первообраза», — писал в IV в. отец и учитель Церкви святитель Григорий Богослов [2; 360], исходя из евангельского свидетельства апостола Петра о том, что через Христа и во Христе человек становится «*причастником Божественного естества*» (2 Петр. 1,4).

Живой опыт религиозного самосознания приводит человека к вере в абсолютную, свободную, творческую божественную Личность, являющуюся источником и творцом жизни, Личность, обладающую могуществом собственной причины и достоинством своей собственной цели, ничем не детерминированную и не обусловленную извне. Данный опыт содержит в себе значимый для религиозного сознания момент мистического единения Бога и человека. Примером такого единения является мистический опыт в православном подвижничестве, где непреходящим условием любви является стремление к единению двух миров, когда, по словам Ф.М.Достоевского, «мимойдущий лик земной и вечная Истина» соприкасаются друг с другом.

Свят. Василий Великий пишет: «Весь мир, состоящий из разнородных частей, Бог связал каким-то неразрывным союзом любви в единое общение и единую гармонию...» [4; 178]. Свят. Григорий Богослов также говорит о неразрывных *узах любви*, «которыми все связало Творческое Слово... дотеле он есть мир (*κόσμος*) и красота несравненная» [4; 178].

Здесь мы подходим к вопросу об онтологическом восприятии, где кроме поверхности («оболочки») видимого, измеримой и чувственно воспринимаемой, существуют божественные энергии, пронизывающие весь мир, через которые мир держится Богом и управляется Им.

Эти лучи есть «*неприступный свет*», который «неприступен», «непознаваем», но в то же время может стать видимым и воспринимаемым через «свет лица Господня». В священнической молитве первого часа есть слова, обращенные к Господу Иисусу Христу: «Да знаменается на нас свет Лица Твоего и да в Нем узрим свет неприступный». В этих словах заключена «вся тайна молитвенного восхождения к Богу... но в них же указывается и на то, что мир живет не вне Бога, а с Богом и в Боге. Правда, «мир во зле лежит» — и эта темная оболочка зла закрывает от нас то, что происходит «позади» зла... Часто они и остаются «неявленными», т.е. непроницаемыми для нашего созерцания и познания, но они не только реальны, но ими и держится вся познаваемая реальность мира. Надо только беречься в установлении этого слияния тварного и нетварного в мире» [4; 188–189].

В качестве примера, очень верно передающего православное учение святых отцов об «узах любви», приведем цитату одного из стихотворений А.К.Толстого:

*Меня, во мраке и пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и слова.
И просветлел мой темный взор,
И стал мне видим мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо.*

*И слышу я, как разговор
 Везде немолчный раздаётся,
 Как сердце каменное гор
 С любовью в темных недрах бьётся,
 С любовью в тверди голубой
 Клубятся медленные тучи,
 И под древесною корою
 Весною свежей и пахучей
 С любовью в листья сок живой
 Струей подьёмлетя певучей.
 И вещим сердцем понял я,
 Что все, рожденное от Слова,
 Лучи любви кругом лия,
 К Нему вернуться жаждет снова.
 И жизни каждая струя,
 Любви покорная закону,
 Стремится силой бытия
 Неудержимо к Божью лону.
 И всюду звук, и всюду свет,
 И всем мирам одно начало,
 И ничего в природе нет,
 Что бы любовью не дышало [4; 188–189].*

Важным моментом здесь является видение «умной красоты», к которой душа ищет приближения, где лучшим выражением внутреннего состояния подвижника, стремящего к богообщению, являются слова: «*Лица твоего, Господи, взыщу*» (Пс. 26). Плод же всего — божественная любовь, которая есть не что иное, как благодать, приобретенная «внутренним человеком». Эта любовь есть не только движение души, но также и нетварный дар, «божественная сила, непрестанно воспламеняющая душу и соединяющая ее с Богом действием Святого Духа» [11; 160].

Именно через любовь дезинтегрированная личность воссоединяется, и человеку дается возможность все более и более познавать своего Творца. Любящая сила души является центральным гносеологическим орудием богопознания. Любовью достигается новая сущность личности, новая природа: человек исходит из своей природы, проникает в иную природу, исполняясь полнотой Божества. Молитвенно-мистическое соединение с Божеством преподобный Макарий Великий характеризует как собирание себя, собирание своей души в Боге через обращенный к Богу подвиг любви.

Ответом на подобное устремление души служит любовь Божия, которая способна обнять сердце подвижника и исцелить все его бытие, собирая «внутри» и раскрывая его духовные очи для некоего нового видения. В этом и состоит совершенная любовь, которая превращает человека в ипостась, способную вместить благу, угодную и совершенную волю Божию. Соединение личности подвижника с Богом (обожение) есть дар божественной благодати. При этом обожение понимается как реальное преобразование всецелого человека в его психосоматическом единстве, начинающееся уже в земной жизни и ведущее человека к богоуподоблению. Устремление человека к Богу является здесь реальной установкой, где на пути богопознания подвижник разрывает оковы индивидуума и раскрывается, чтобы принять новое онтологическое содержание. При этом верная глобальная ориентация обретается лишь с участием нравственно-онтологических начал, которые не просто добавляются к установке познания, но и внутренне трансформируют и изменяют ее природу.

Таким образом, изучая проблему религиозного сознания, необходимо развивать ту благодатно-подвижническую гносеологию, в которой перед человеческим познанием стоит вечная Истина во всей полноте своих бесконечных совершенств и преподается освященному, облагодатствованному человеку. Истина — это не дискурсивное, психическое или метафизическое понятие, а Вечная Личность Богочеловека. Возрастание сознания в познании Вечной Истины всегда совершается в данной категории. При этом в самой своей сущности познание — это не только гносеологический, но и этико-онтологический акт, в котором таинственно совершается соединение познающего с познаваемым, субъекта с объектом.

Э.Мунье, рассуждая о проявлении христианства, подчеркивает его историчность как «историю человечества во Христе». Личность Богочеловека воплощена и действует в мире. В этом ключе чело-

век заключает в себе историческое бытие, и цель человечества — «реализация себя в истории» (Е.В.Дворецкая). И христианство, по словам Мунье, указывает человеку на необходимость «активного присутствия» во всем временном.

Ступени богопознания можно было бы назвать не только творческими силами познания, но и принципом познания. При упражнении себя в добродетелях и претворении их в составные элементы своего существа изменяется сознание личности, и человек возводится от одного ведения к другому, от познания к познанию. Отсюда можно сделать вывод, что реализация человеческой личности совершается подвигом в многотрудном восхождении от просто бытия (обычное человеческое существование) через благобытие (бытие в добре) к вечному благобытию.

Список литературы

- 1 *Киреевский И.В.* Разум на пути к Истине. — М.: Правило веры, 2002. — 662 с.
- 2 *Милославский П.Н.* Основания философии как специальной науки. — Казань: Типография Императорского ун-та, 1883. — 443 с.
- 3 *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя: избранные страницы. — М.: Современник, 1989. — 555 с.
- 4 *Зеньковский В.* Основы христианской философии. — М.: Канон+, 1997. — 560 с.
- 5 *Несмелов В.И.* Вера и знание с точки зрения гносеологии. — Казань: Центральная типография, 1913. — 110 с.
- 6 *Иустин (Попович),* преподобный. На богочеловеческом пути. — СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 1999. — 297 с.
- 7 *Исаак Сирин,* преподобный. Слово 25 // Слова подвижнические. — М.: Правило веры, 2002. — 709 с.
- 8 *Исаак Сирин,* преподобный. О божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. — 336 с.
- 9 *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994. — 415 с.
- 10 *Зеньковский В.* История русской философии. — М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — 879 с.
- 11 *Лосский В.Н.* Очерки мистического богословия Восточной Церкви. — М.: Центр «СЭИ», 1991. — 288 с.

И.В.Рынквой

Діни сананың гносеологиялық аспектілері

Мақала діни сана мәселесіне арналған. Автор маңызды болып саналатын сенім мен білімнің өзара қатынасы мәселесін қозғайды. Мұнда сенім жолының адам зердесінен жоғары, заттар әлемінен гөрі жоғарғы әлемнің шынайлығының куәсі болып табылатын танымның ерекше тәсілі екендігі көрсетіледі. Басты назар ақылмен қол жеткізілмейтін трансцендентті бастаманың өмір сүретіндігін мойындау басты шарт болып табылатын діни, философиялық және ғылыми көзқарастардың байланысы мен үйлесімділігін қалпына келтіру мәселесіне аударылады. Бұндай мәселені тәжірибеде зерделеу және адам баласы одан бағдар алу арқылы болмыстың шын сырын ұғуға әкелетін басты мұратын тану екендігін зерттеу автор түсінігінде адамға қажетті міндет болып саналады.

I.V.Rynkovoy

Epistemological aspects of religious consciousness

The given article is devoted to the problem of the religious consciousness. The author considers the actual problem of the relationship between faith and knowledge. The article shows that the path of faith a special way of learning, which includes a super-rational type of knowledge that goes beyond the human mind and includes a higher reality than the material world. Attention is focused on the restoration of harmony and the relationship between the religious, philosophical and scientific view of the world, where the prerequisite is to recognize the existence of transcendent First, inaccessible to reason. The study of religious practice as the author understands what's needed, leading to creation of personality, which is the highest goal, focusing on which a person enters into the domain of being transfigured.

В.И.Разумов¹, В.П.Сизиков²¹Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского;²Омский государственный университет путей сообщения, Россия

Влияние исторического процесса на общество с позиций теории динамических информационных систем

В статье показано, что на базе ТДИС формируется системно полный аппарат исследования аспектов истории. Отмечено, что социальная теория разрабатывается как теория эволюции общества, учитывающая законы истории, выражающие гармонию ролей, качеств, механизмов. Понимание исторических законов развернуто в русле информационного подхода, универсализирующего номологию. Раскрыта проекция законов истории на уровне механизмов. В статье представлены результаты, которые позволяют согласовать усилия по формированию социальной теории с пониманием истории как глобального объективного процесса, что помогает адекватно оценить и применить в интересах будущего человечества потенциал общества на основе научных законов.

Ключевые слова: периодизации истории, концепции, системность, логико-методологический аппарат, обеспечивающий синтез, физическое время, исторический закон, социальный закон, философские проблемы, познание истории.

1. Введение. Вопрос о периодизации истории как процесса поднимался многократно в различных школах [см.: 1–3]. Однако все представленные концепции отличает отсутствие рассмотрения общества как информационной системы (СИ), проявляясь в недостатке их системности, поскольку отсутствует логико-методологический аппарат, обеспечивающий синтез математики (М), физики (Ф), философии (Фл). Общим, разве что, остаётся принятие всеми историками единой шкалы физического (Ф-) времени.

Любые, в том числе философские (Фл-), проблемы из области познания истории, так или иначе, затрагивают тему исторических и социальных законов. При этом из поля зрения уходят вопросы о полноте учёта аспектов истории. Известные опыты переноса естественнонаучных методологий, методик на области социально-исторического оказывались положительными лишь в достаточно ограниченных областях. В обсуждении данной темы можно подойти к социально-историческим законам в аспекте номогенеза, т.е. представляя, что одним из слоёв в эволюции Мироздания является развитие законов. Если Ф-реальность имеет своим началом Большой Взрыв, то Ф-законы эволюционируют более 10 млрд. лет. А общество, тем более культурная история, насчитывает менее 10 тыс. лет. Поэтому небезосновательно утверждать, что социальные и исторические законы ещё не развернулись до ранга устойчивых регулирующих механизмов, а их объект — общество — пребывает в состоянии, когда законы не получили завершённого выражения.

Другой момент, убеждающий в аномологичности истории, — принципиальная незамкнутость исторического процесса (необратимость, неповторимость). В то же время история не есть поток, в который нельзя войти даже единожды, в ней есть неизменное, заключённое в спецификах общества. Общество есть носитель закономерностей, а их выявление становится доступным по мере адекватного анализа исторического процесса.

История есть объективный процесс с фиксированной траекторией, доступный научному анализу с позиций трансперсонального наблюдателя. После Гегеля история может пониматься как координация двух встречных процессов: изменений общественного бытия, всегда устремлённых к неким идеалам; духовно-интеллектуальным движениям, ориентированным на эволюцию Ф-основ. Первый процесс соответствует привычному восприятию стрелы времени: прошлое, настоящее, будущее, и он выражает объективный компонент. Второй процесс необходим для выработки управляющих, корректирующих процедур, за которые ответствен субъект, определяющий вектор исторического развития. Проработка истории, её уроков позволяет устанавливать законы общественного развития, при этом сама история остаётся необратимым процессом.

Формулирование законов тесно связано с конструированием идеальной модели общества, и такая задача является первичной для формирования социальной теории [4–7]. В обществе заключён огромный потенциал, оно обладает субстанциальной природой. Это наиболее сложная среди всех доступных человеческому изучению СИ. XX в. можно удачно осмыслить как век идеологий (анар-

хизм, марксизм, маоизм, троцкизм, фашизм ...). Историческим уроком должно стать то, какие созидательные и катастрофические последствия влечёт освобождение социальной энергии. С конца XX в. установки на тоталитарные проекты заменяются точечными управлениями обществом с применением (Пр) СМИ, PR-технологий.

Аргумент в пользу того, что знания об обществе кардинально отстают от опытов эксплуатации его потенциала, — рассогласование культурологических и инженерно-технических подходов. Работы по темам инноваций, во всяком случае, ориентирующиеся на оценку и прогнозы развития, практически не используют характеристик, выражающих имманентную обществу природу [8]. Список критических технологий не включает в себя ничего касающегося Пр в инновационном развитии социального потенциала. Исторические науки обладают богатейшим набором разнообразных знаний, и традиционные подходы к прошлому, не затрагивая даже исторической виртуалистики, широко применяют разные версии имитации, но оба этих подхода плохо согласуются между собой в силу отсутствия адаптированного к истории аппарата синтеза СМ.

Цель статьи — придать статус объективного закона историческому процессу. Он позволит выявлять факторы влияния истории как процесса на развитие общества. Для этого описывается категориальный (КТ-) аппарат, инвариантный для объектов любой природы, включая социально-исторические, которые обеспечивают согласование критериев системной (СМ-) полноты за счёт взаимозаменяемости ведущих блоков СМ. Такая особенность позволяет обеспечивать циклическое функционирование СМ, стабильность которого выражается законом. А это служит основой для определения периодичности исторического процесса, понимаемого как круговороты обращения социальных ресурсов. Сочетание вовлечённых в анализ категорий (КТ) даёт КТ-схему (КС) — влияние факторов истории как процесса (на развитие общества).

2. ДИС-развёртки как инструментарий по обеспечению системной полноты. Проработка темы периодизации исторического развития включает: 1) выявление КТ, статус которых определяет социальную природу; 2) Пр методологии теории динамических информационных СМ (ДИС, ТДИС) для соединения в одном исследовании критериев полноты с выходами СМ на режимы циклического функционирования, позволяющие осмысливать с научных позиций онтологию всех законов [9–11].

В целях общности и объективации обратимся к представлениям о ДИС как моделях-прототипах реальных объектов, к материалам по информационным основам синтеза СМ и займёмся формированием трёх составных частей искомого инструментария, отвечающих соответственно за проработку имитации, синтеза и СМ знаний. Эти составные части выразим в группах базовых мутаций КС из 9 КТ (КС-9), именуемых соответственно ДИС-развёртками имитации, синтеза и СМ знаний (рис. 1–3).

ДИС-развёртки имеют серию важных свойств, благодаря которым обеспечивается автоматизированный учёт феномена полноты. Их мини-КТ выражают осмысленные характеристики ДИС и допускают такие согласованные дешифровки, что получающиеся в результате КС-27 оказываются лишь мутациями (правда, не базовыми) соответствующих им информационных основ. Но особо примечательным и важным для эволюционного осмысления оказывается то, что сами базовые мутации ДИС-развёрток представляют сразу тройки универсальных механизмов, качеств (КЧ) и ролей.

3. ДИС-развёртка имитации. В интересах понимания начнём построение ДИС-развёртки имитации с представления о триаде КЧ имитации с акцентом на процесс информационного функционирования (ПИФ) ДИС (рис. 1): КЧ связи (взаимодействующая контролирующая связь, взаимодействующая ведущая связь, стационарная связь); КЧ связности (ресурсная связность, ресурсная предсвязность, КЧ СМ); управляемое функционирование (трансформация, режим ПИФ, распределение уровней трансформации). Прделанная дешифровка позволяет тоньше понять, каким образом КЧ имитации проявляют себя в связях как проводниках для перемещения ресурсов, в связностях как потенциале для образования стационарных связей, в управлении как реализуемых на разных уровнях актах трансформации. В этих моментах явно прописываются ассоциации с реализацией Пр Ф, когда, используя КЧ связей и прибегая к КЧ связности, мы обеспечиваем управление ПИФ. Потому получившаяся КС-9 занимает на рисунке 1 место той базовой мутации, что ориентирована на Пр Ф. Если же держать ориентацию на 'С Ф, то наличие КЧ связей при оказании некоторого воздействия в духе управляемого функционирования приводит к выявлению определённых КЧ связности. Так, качественные (КЧ-) аспекты приводят к КС-9 ДИС-развёртки имитации.

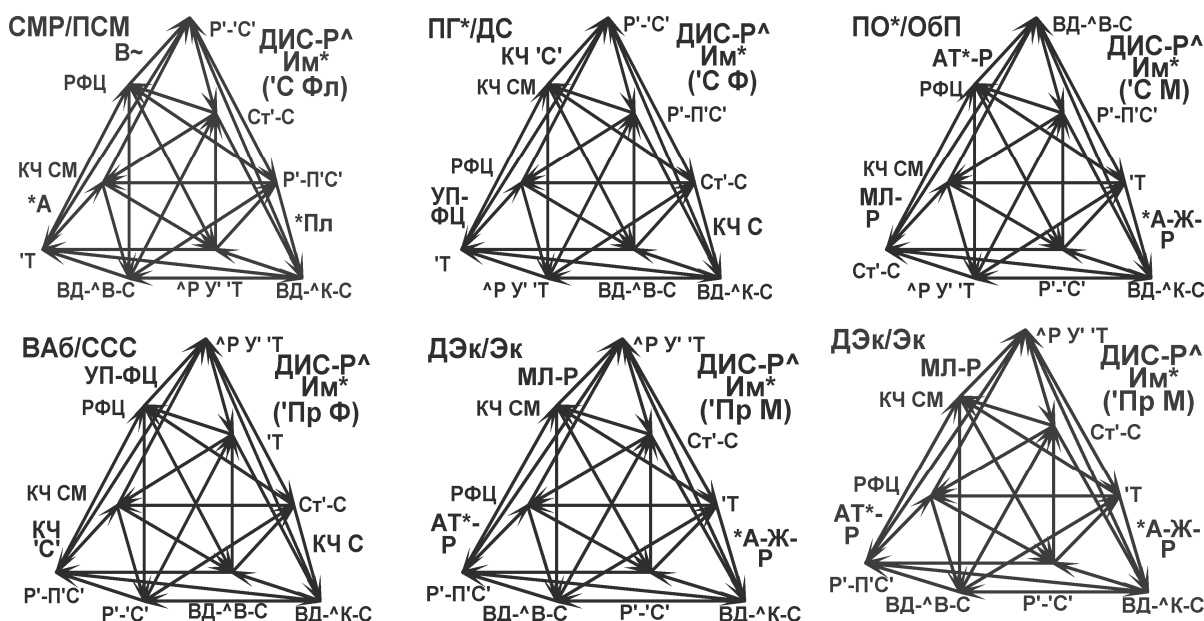

Рисунок 1. Базовые мутации КС-9 ДИС-развёртки имитации (ДИС-Р^А Им^{*}). Обозначения: базовые мутации триады: ВАБ — воплощение абстрактного, ДЭк — доступ к эксперименту, ПГ* — проверка гипотезы, П*З — понимание закономерностей, ПО* — понимание опыта, СМР — саморазвитие; базовые типы организации психики: ДС — давление страха, ОбП и ОбПО — обучение подражанием и практическим освоением, ПСМ* — подключение к СМР Мироздания, ССС — созидание средств страхования, Эк — эксперимент; базовые аспекты 'С исследования: 'Пр и 'С соответственно М, Ф, Фл; остальное: *А — актуализация, *А-Ж- — актуально живая, АТ*- — автоматизирующая, В~ — воплощение, ^В- — ведущая, ВД- — взаимодействующая, ^К- — контролирующая, МЛ- — моделирующая, *Пл — потенциал, П'С' — предсвязность, Р — роль, Р'- — ресурсная, ^Р — распределение, РФЦ — режим ПИФ, С — связь, 'С' — связность, Ст'- — стационарная, 'Т — трансформация, У' — уровень, УП- — управляемое, ФЦ — функционирование

Базовые мутации, ориентированные на Фл-содержание, выражают дешифровки универсальных механизмов имитации в Мироздании с акцентом на ПИФ ДИС. Имеем триады КТ (рис. 1): потенциал (взаимодействующая контролирующая связь, распределение уровней трансформации, ресурсная предсвязность); актуализация (взаимодействующая ведущая связь, трансформация, КЧ СМ); воплощение (стационарная связь, режим ПИФ, ресурсная связность). Здесь при ориентации на 'С Фл осуществляется, по сути, актуализация некоторой части потенциала с порождением определённого воплощения. А при ориентации на 'Пр Фл предусматривается использовать потенциал и подбирать для этого нужную актуализацию, исходя из опыта достижения воплощений.

Базовые мутации, ориентированные на М-содержание, выражают дешифровки ролей имитации с акцентом на ПИФ ДИС. Имеем триады КТ (рис. 1): актуально живая роль (взаимодействующая контролирующая связь, ресурсная связность, трансформация); моделирующая роль (распределение уровней трансформации, стационарная связь, КЧ СМ); автоматизирующая роль (ресурсная предсвязность, режим ПИФ, взаимодействующая ведущая связь). В поле 'С М осуществляется работа актуально живой роли по заранее предписанной ей моделирующей роли, обеспечивая автоматизирующую роль в Мироздании. А в поле 'Пр М предусматривается использовать актуально живую роль для осуществления ею желаемой моделирующей роли, опираясь на опыт достижения автоматизирующей роли. КТ ролей имитации позволяют синтезировать и придать функциональность выявленным в областях Фл и Ф механизмам и КЧ имитации.

4. ДИС-развёртка синтеза. Построение ДИС-развёртки синтеза также начнём с триады КЧ синтеза с акцентом на ПИФ ДИС (рис. 2): алгоритмическая разрешимость (прототип, уровень модели, КЧ модели); КЧ инфраструктуры (количественная, КЧ- и интеллектуальная производительности); управляемый синтез (организационный потенциал, функциональность структуры, поддержка дешифровки). Здесь также построенная КС-9 оказывается на месте той базовой мутации, что ориентирована на 'Пр Ф, когда, используя КЧ в лице алгоритмической разрешимости и прибегая к КЧ инфраструктуры, мы обеспечиваем управление синтезом, в частности, реализуем взаимодействия. А при ориентации на 'С Ф наличие КЧ в лице алгоритмической разрешимости при оказании некоторого органи-

зующего воздействия в духе управляемого синтеза приводит к выявлению определённых КЧ инфраструктуры.

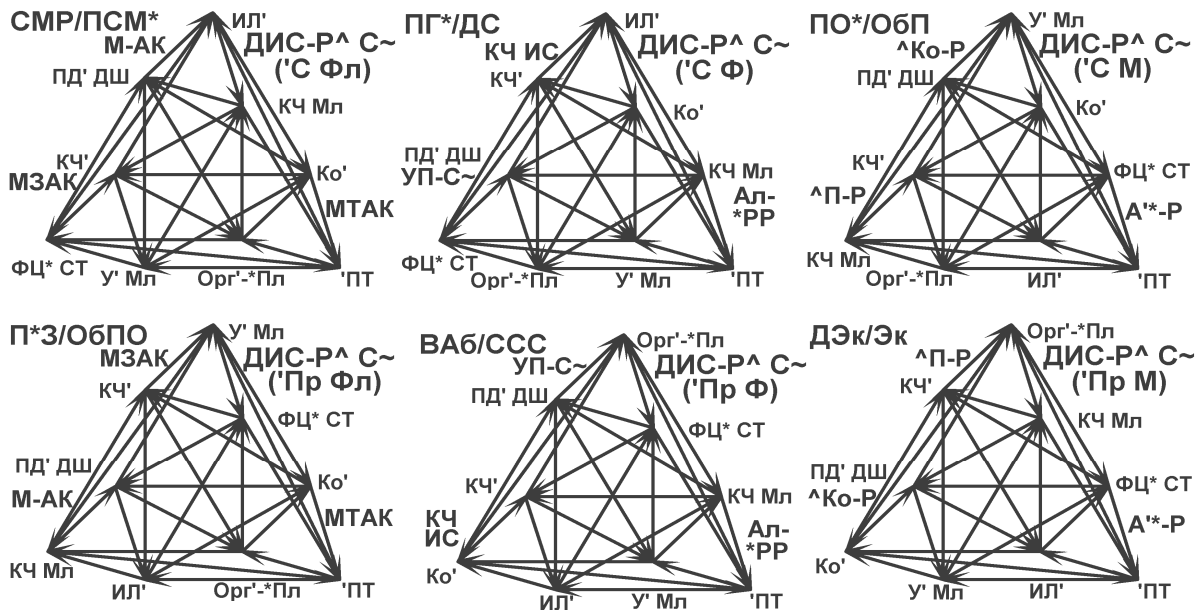

Рисунок 2. Базовые мутации КС-9 ДИС-развёртки синтеза (ДИС-Р^А С~). Обозначения, дополняющие данные с рисунка 1: А*~ — адаптирующая; АК — аксиоматика; Ал- — алгоритмическая; ДШ — дешифровка; ИЛ' — интеллектуальная производительность; ИС — инфраструктура; Ко' — количественная производительность; ^Ко- — координирующая; КЧ' — КЧ-производительность; МЗАК — мезо-аксиоматика; Мл — модель; МТАК — мета-аксиоматика; Орг'- — организационный; ^П- — проектная; ПД' — поддержка; ПТ — прототип; *РР — разрешимость; СТ — структура; ФЦ* — функциональность

Базовые мутации, ориентированные на Фл-содержание, выражают дешифровки универсальных механизмов синтеза с акцентом на ПИФ ДИС, а именно имеем триады КТ (рис. 2): мета-аксиоматика (прототип, организационный потенциал, количественная производительность); мезо-аксиоматика (уровень модели, функциональность структуры, КЧ-производительность); М-аксиоматика (КЧ модели, поддержка дешифровки, интеллектуальная производительность). В поле 'С Фл осуществляется информационное наполнение в рамках мезо-аксиоматики метафизических представлений, задаваемых мета-аксиоматикой, с выходом на базу в лице М-аксиоматики. А в поле 'Пр Фл используется мета-аксиоматика для обеспечения желаемого информационного наполнения в рамках мезо-аксиоматики, опираясь на опыт достижения М-аксиоматики.

Базовые мутации, ориентированные на М-содержание, выражают дешифровки ролей синтеза с акцентом на ПИФ ДИС. Имеем триады КТ (рис. 3): адаптирующая роль (потенциал, интеллектуальная производительность, функциональность структуры); проектная роль (организационный потенциал, КЧ модели, КЧ-производительность); координирующая роль (количественная производительность, поддержка дешифровки, уровень модели). Здесь при ориентации на 'С М осуществляется работа адаптирующей роли по определённой, заранее предписанной ей проектной роли, обеспечивая тем самым координирующую роль в Мироздании. А при ориентации на 'Пр М предусматривается использовать адаптирующую роль для обеспечения желаемой проектной роли исходя из опыта достижения координирующей роли. КТ ролей синтеза позволяют синтезировать и придать функциональность выявленным в областях Фл и Ф механизмам и КЧ синтеза.

5. ДИС-развёртка системы знания. Начнём с представления о триаде КЧ СМ знаний с акцентом на ПИФ ДИС (рис. 3): понимание (гносеологическая ёмкость знаний, операционный потенциал, контекст); усвоение (текст, предельность знаний, взаимная обусловленность); управляемое знание (баланс тождества и различия, СМ-знание, общность знаний). Здесь тоже прописываются ассоциации с реализацией 'Пр Ф, когда, используя КЧ в ранге понимания и опираясь на определённое усвоение (знания), мы обеспечиваем управление знанием. Если же держать ориентацию на 'С Ф, то наличие КЧ в лице понимания при оказании некоторого организующего воздействия в духе управляемого знания приводит к выявлению определённых КЧ усвоения.

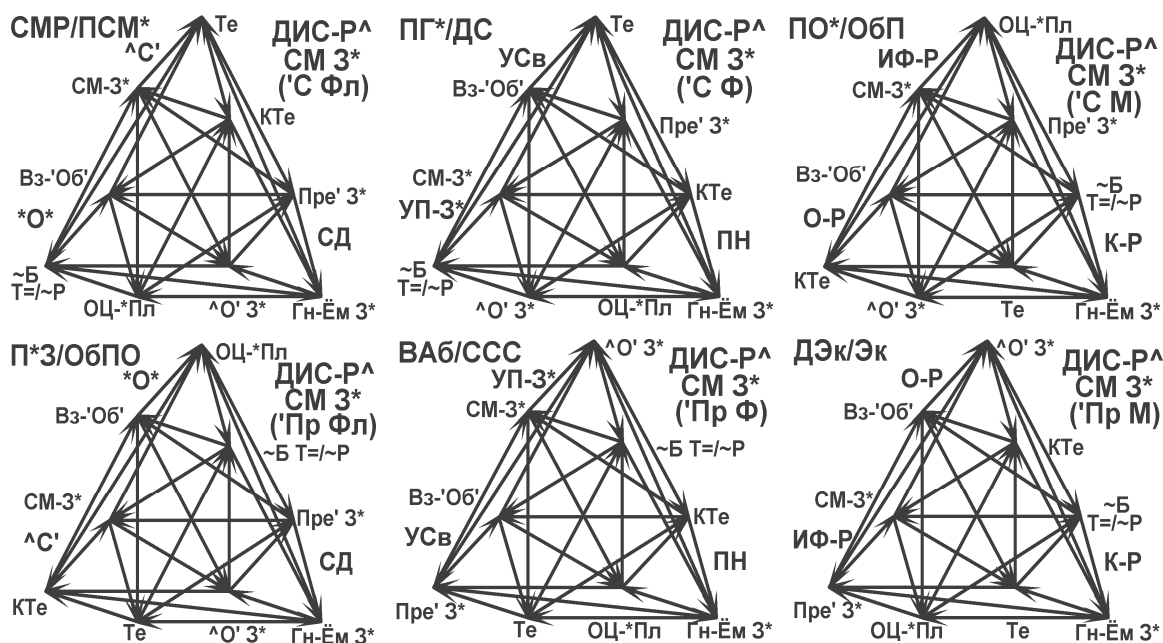

Рисунок 3. Базовые мутации КС-9 ДИС-развёртки системы знаний (ДИС-Р^ СМ 3*). Обозначения, дополняющие данные с рисунков 1, 2: ~Б — баланс; Вз- — взаимная; Гн-Ём — гносеологическая ёмкость; ИФ- — информационная; К- — когнитивная; КТе — контекст; О- — онтологическая; *О* — отношение; ^О' — общность; 'Об' — обусловленность; ОЦ- — операционный; ПН — понимание; Пре' — предельность; ^С' — смысл; СД — содержание; Те — текст; Т=/~Р — тождество/различие; УСв — усвоение

Базовые мутации, ориентированные на Фл-содержание, выражают дешифровки универсальных механизмов знаний с акцентом на ПИФ ДИС. Имеем триады КТ (рис. 3): содержание (гносеологическая ёмкость знаний, общность знаний, предельность знаний); отношение (операционный потенциал, баланс тождества и различия, взаимная обусловленность); смысл (контекст, СМ-знание, текст). Здесь при ориентации на 'С Фл осуществляется информационное наполнение в рамках содержания метафизических представлений, задаваемых отношениями, с выходом на базу в лице смыслов. А при ориентации на 'Пр Фл следует использовать содержание для осуществления желаемого информационного наполнения отношений исходя из опыта формирования смыслов.

Базовые мутации, ориентированные на М-содержание, выражают дешифровки ролей знаний с акцентом на ПИФ ДИС. Имеем триады КТ (рис. 3): когнитивная роль (гносеологическая ёмкость знаний, текст, баланс тождества и различия); онтологическая роль (общность знаний, контекст, взаимная обусловленность); информационная роль (предельность знаний, СМ-знание, операционный потенциал). Здесь при ориентации на 'С М осуществляется, по сути, работа когнитивной роли по определённой, заранее предписанной ей онтологической роли, обеспечивая тем самым информационную роль в Мироздании. А при ориентации на 'Пр М предусматривается использовать когнитивную роль для осуществления желаемой онтологической роли, используя опыт достижения информационной роли. КТ ролей знаний позволяют синтезировать и придать функциональность выявленным в областях Фл и Ф механизмам и КЧ СМ знаний.

6. К выявлению закономерностей исторического процесса. Цикличность в движении ресурса обретает устойчивость, когда складывается устойчивый круговорот, сочетающий в себе работу триад механизмов, КЧ, ролей, где каждый из компонентов компенсируется и доступен компенсации со стороны других компонентов. При этом триада КТ механизмов выражает Мироздание, триада КТ КЧ есть аналог субъекта на локальном уровне, а триада КТ ролей оказывается проявлением интеллекта. Если базовые мутации некой КС-9 получают интерпретации соответственно механизмов, КЧ, ролей, то эта КС-9 с её набором мутаций выражает закон единства природы и духа на информационном уровне. ДИС-развёртки имитации, синтеза и СМ знаний выражают три типа универсальных законов, сочетание которых обеспечивает СМ-полноту аппарату проработки объектов. С учётом этих моментов приступим к выявлению закономерностей исторического процесса.

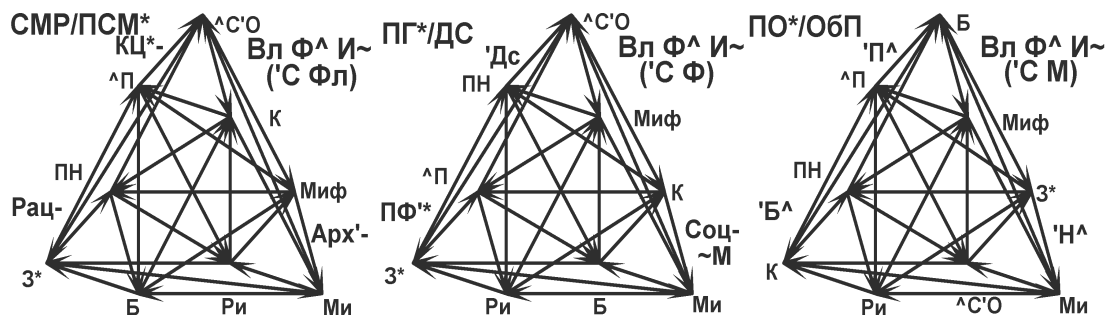
Поскольку речь идёт о процессе, то главным ориентиром должна выступить ДИС-развёртка имитации (рис. 1). Использование ДИС-развёрток синтеза и СМ знаний может, по аналогии, раскрыть другие стороны аппарата проработки истории.

Начнём с ориентира на мутацию КС-9 ДИС-развёртки имитации в лоне 'С Фл. В интересах выявления номологически адекватного содержания в общественном развитии выделим в историческом процессе три составляющие как прототипы механизмов: потенциала, актуализации, воплощения. Они будут факторами, играющими решающую роль в формировании СМ-горизонта для развития культуры и цивилизации. 1. *Архаическое как прототип потенциала*. Его ведущими установками выступают поиски первоосновы, а организующими началами оказываются: мимесис, ритуал, миф. В нём преобладает ресурс, заложенный в период от неолитической революции до осевого времени. 2. *Рациональное как прототип актуализации*. Оно ориентировано на установление верховенства Разума (божественного, природного, человеческого) в Мироздании. Мышление, деятельность, отношения человечества организуются относительно начал: бытия, знания, понимания. В нём преобладает опыт, заложенный в период от осевого времени до конца XX в. 3. *Концептуальное как прототип воплощения*. Связано со специализацией человека на символической деятельности, интегрируемой обществом. Выход на него является гарантом стратегических перспектив для роста человечества. Обеспечить это можно кардинальным усовершенствованием интеллекта [13–15]. Установками здесь являются начала: когнитивность, проективность, смыслообразование (рис. 4). Пока трудно говорить о наполнении данной составляющей ресурсом, так как явно преобладают последствия негативного, катастрофического характера, т.е. надёжного воплощения практически не прослеживается.

Итак, в КС-9 на рисунке 4 в поле 'С Фл наблюдатель выделяет составляющие типа механизмов в историческом процессе, согласуя это с идеями совершенствования общества и человека в последовательности: архаическое, рациональное, концептуальное. Серьёзной проблемой Фл является неумение связывать теоретические построения с практикой. Здесь в 'Пр Фл за счёт перестановки концептуального и рационального значение концептуального связывается с разработкой основ кардинально новой рациональности. Таким образом, Фл-ориентация выражает закон связи начал развития.

При ориентации на Ф-содержание влияние истории на общество прописывается в триадах: социальная материя (мимесис, бытие, когнитивность), перформативность (ритуал, знание, проект), действительность (миф, понимание, смыслообразование). И это вполне соответствует КЧ в ДИС-развёртке имитации на рисунке 1: КЧ связи, управляемому функционированию, КЧ связности. В поле 'С Ф перформативность как внешняя активность Мироздания есть средство преобразования социальной материи в действительность, и ставится задача — осмыслить такую действительность в ранге модели. В поле 'Пр Ф отыскиваются параметры перформативности, посредством которых в истории должна осуществляться желаемая модель действительности. Таким образом, Ф-ориентация выражает закон вложения социального в действительное.

При ориентации на М-содержание влияние истории на общество прописывается в триадах времени: настоящее (мимесиз, смыслообразование, знание), будущее (ритуал, когнитивность, понимание), прошлое (миф, проект, бытие), соответствующих ролям в ДИС-развёртке имитации на рисунке 1: актуально живой, моделирующей, автоматизирующей. В поле 'С М будущее как выход внешней активности Мироздания даёт базу для осмысления и моделирования автоматизмов прошлого. А в поле 'Пр М отыскиваются ориентиры на подходящие автоматизмы, которые возможно адекватно воплотить через модели в будущем. Таким образом, М-ориентация выражает закон связи времён.

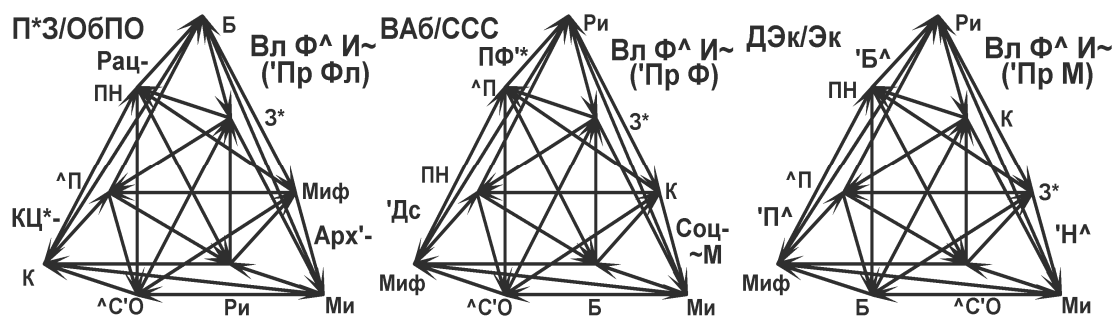

Рисунок 4. Базовые мутации КС-9 влияния факторов истории на развитие общества (Вл Ф^ И~). Обозначения, дополняющие данные рисунка 1: Арх'- — архаическое; Б — бытие; Б^ — будущее; 'Дс — действительность; К — когнитивность; КЦ*- — концептуальное; Ми — мимесис; 'Н^ — настоящее; ^П — проект; 'П^ — прошлое; ПФ'* — перформативность; Рац- — рациональное; Ри — ритуал; ^С'О — смыслообразование; Соц-~М — социальная материя

А в целом влияние факторов исторического процесса на развитие общества предстаёт как единый закон, имеющий тройку взаимозаменяемых интерпретаций: закон связи начал развития, закон вложения социального в действительное, закон связи времён.

7. Выводы. Предлагаемый подход отличается несколькими особенностями. 1. Использование ДИС-развёрток синтеза и СМ знаний может по аналогии раскрыть другие стороны аппарата проработки истории. Так что для обеспечения СМ-полноты такого аппарата актуальны продолжения исследований по истории. 2. В исследованиях социальных и исторических явлений методы естествознания и М применяются в КЧ вспомогательных, а отсюда общество, как предмет изучения, выделяется из природы в некую совершенно особую область, где большинство исследователей не усматривают за обществом субстанциальной природы; подход к истории на базе ТДИС предусматривает единую — информационную природу всех объектов Мироздания, включая общество, поэтому 'Пр аппарата ТДИС к осмыслению аспектов истории не менее основательно, чем в анализе любого Ф-процесса, взятого в информационном аспекте. 3. Достигнутый уровень теоретизации в области социальных и исторических процессов далёк от критериев номологичности, свойственных естествознанию и М. ТДИС позволила указать на классы законов, определяющих влияние истории на развитие общества.

Есть основания предполагать, что представленные в статье результаты позволяют согласовать усилия по формированию социальной теории с пониманием истории как глобального объективного процесса. Это делает возможным адекватно оценить и применить в интересах будущего человечества потенциал общества, влияние на него факторов истории как процесса в ранге научных законов.

Список литературы

- 1 Разработка и апробация метода теоретической истории / Под. ред. Н.С.Розова. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. — 503 с.
- 2 Розов Н.С. Философия и теория история. Кн.1. Прологомены. — М.: Логос, 2002. — 656 с.
- 3 Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы: Учеб. пособие. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. — 412 с.
- 4 Разумов В.И., Сизиков В.П. Специфика объекта и метода социальной теории // Личность. Культура. Общество. — 2008. — Т. X. — Вып. 3-4 (42-43). — С. 107-117.
- 5 Разумов В.И. Об условиях и возможностях развития социальной теории: системно-категориальный подход // Личность. Культура. Общество. — 2009. — Т. XI. — Вып. 4 (51-52). — С. 109-121.
- 6 Разумов В.И. Нужна ли нам действительно социальная теория или продолжим заниматься социально-философской эссеистикой? Ответ моим рецензентам // Личность. Культура. Общество. — 2010. — Т. XII. — Вып. 1 (53-54). — С. 104-107.
- 7 Разумов В.И. Социальная философия и социальная теория // Личность. Культура. Общество. — 2010. — Т. 12. — Вып. 2 (55-56). — С. 99-104.
- 8 Давыдов А.А. Инновационный потенциал России: настоящее и будущее [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: www.isras.ru/blog_modern_3.html (дата обращения 21.04.2011).
- 9 Разумов В.И., Сизиков В.П. Основы теории динамических информационных систем: монография / Вступ. ст. А.А.Романюха. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. — 212 с. [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: www.omsu.ru/file.php?id=4264 (дата обращения 21.04.2011).

10 *Разумов В.И., Сизиков В.П.* Информационные основы синтеза систем: В 3 ч. — Ч. I. Информационные основы системы знаний: Монография. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. — 266 с. [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: www.omsu.ru/file.php?id=2594 (дата обращения 21.04.2011).

11 *Разумов В.И., Сизиков В.П.* Информационные основы синтеза систем: В 3 ч. — Ч. II. Информационные основы синтеза: Монография. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. — 344 с. [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: www.omsu.ru/file.php?id=4265 (дата обращения 22.03.2011).

12 *Разумов В.И., Сизиков В.П.* Информационные основы синтеза систем: В 3 ч. — Ч. III. Информационные основы имитации: монография / В.И.Разумов, В.П.Сизиков. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. — 628 с. [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: www.omsu.ru/file.asp?id=6759 (дата обращения 22.03.2011).

13 *Переслегин С.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске / Сергей Переслегин. — М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2007. — 619 с.

14 *Разумов В.И.* Новая эпоха и участие философии в интеллектуальной культуре // Дискурсология: методология, теория, практика. Докл. III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию студ. революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы / Под общ. ред. О.Ф.Русаковой. 2 окт. — 19 дек. 2008 г. — Т. 1. — Екатеринбург: Издат. Дом «Дискурс-Пи», 2008. — С. 45–50.

15 *Переслегин С.* Новые карты будущего, или Анти-Рэнд / Сергей Переслегин. — М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2009. — 701 с.

В.И.Разумов, В.П.Сизиков

Динамикалық ақпараттық жүйелер теориясы тұрғысынан тарихи процестің қоғамға әсері

Динамикалық ақпараттық жүйелер теориясы (ДАЖТ) базасында тарихтың аспектілерін зерттеудің жүйелі толық аппараты қалыптасады. Әлеуметтік теория рольдер, сапа мен механизмдер үйлесімін білдіретін тарихтың заңын ескеретін қоғам эволюциясының теориясы ретінде өңделеді. Тарихи заңдардың түсінігі номологияны әмбебаптаудағы ақпараттық тәсілдің шеңберінде негізделеді. Механизмдер деңгейінде тарих заңының жобасы ашылады. Мақалада ұсынылған нәтижелер тарихты ғаламдық объективті процесс ретінде түсіндірумен әлеуметтік теорияны қалыптастыру бойынша күш салуға мүмкіндік береді. Бұл болашақ адамзаттың мүддесі үшін ғылыми заңдар негізінде қоғамның мүмкіндігін пайдалануға және әділетті түрде баға беруге жағдай туғызады.

V.I.Razumov, V.P.Sizikov

Influence of the historical process in the society from the standpoint of the theory of dynamic information systems (TDIS)

A system complete apparatus is formed to research some aspects of history on the basis of TDIS. The social theory is developed as a theory of the society evolution which considers the history laws. The laws express harmony of roles, qualities, mechanisms. The understanding of the historical laws is displayed in the channel of the information approach which makes the nomology versatile. The projection of the history laws is disclosed on the level of the mechanisms. The results presented in article, allow coordinating efforts on formation of the social theory with understanding of history as global objective process. It allows estimating and applying adequately in interests of the future mankind potential of a society on the basis of scientific laws.

Э.Г.Шуматов, Н.Ю.Феталиева

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова***Я-пространство и Я-время как формы деятельности интеллигенции в «Системе трансцендентального идеализма» Ф. В. Й. Шеллинга**

В статье в контексте деятельностного подхода проанализированы природа и сущность пространства и времени. Пространство и время раскрыты не только как необходимые предпосылки деятельности, но и как основные формы бытия субъектности человека. Авторами прослежена логика формирования предметной области, проблемно-смыслового поля, способов концептуализации, методологических средств истолкования сущности и функций категорий пространства и времени в философии Ф. В. Й. Шеллинга. На этом основании авторами разработан теоретико-методологический инструментальный анализ пространства и времени как форм социально-личностного бытия.

Ключевые слова: философия, философские исследования, философская система, учение о науке, самосознание, этапы самосознания, идеализм, система трансцендентального идеализма, трансцендентальный идеализм, гегелевская постановка проблемы, фихтевская постановка проблемы.

Кант, поставив в центр философских исследований деятельностную проблематику, излагает не новую философскую систему, а только принципы ее построения. Фихте решил довести дело учителя до конца, т.е. построить единую философскую систему, проводя последовательно принцип деятельности. Но Шеллинг заметил односторонность в системе Фихте. Сфера не-Я, т.е. сфера опредмеченной деятельности, выступала в учении о науке как хранилище творческой деятельности человека. Если Фихте исходил из самосознания, то Шеллинг поставил своей задачей вывести самосознание в процессе поступательного его становления. Тогда все предшествующие этапы самосознания выступали бы как ступени (эпохи), и были бы не пантеоном творческой мощи самосознания, а его внутренним, живым содержанием. Сама философия должна была стать не учением о науке, а «непрерывной историей самосознания, для которой все известное из опыта служит лишь памятником и документом» [1; 228].

В основу своей системы трансцендентального идеализма Шеллинг полагает не абсолютное Я, а духовное начало, которое представляет собой «...абсолютное тождество субъективного и объективного, именуемое нами, — пишет Шеллинг, — природой, а это тождество в своей высшей потенции есть также не что иное, как самосознание» [1; 246]. Но как возможно тождество субъекта и объекта или как возможно единство противоположностей? «Следовательно, в нашем знании в качестве единственной его основы должно быть нечто всеобщее опосредствующее» [1; 244]. Шеллинг посредством промежуточных звеньев хочет показать как самосознание, которое является единством субъективного и объективного, вновь восстанавливает нарушившуюся гармонию противоположностей.

Главной своей задачей Фихте считал построение единой философской системы, т.е. он попытался возвести философию в ранг науки. «Я думал и продолжаю еще думать, — пишет Фихте, — что открыл путь, по которому философия может достигнуть положения очевидной науки» [2; 278]. Это не гегелевская, а фихтевская постановка проблемы. Итак, Фихте попытался создать единую систему знания, т.е. в его понимании существует только одна наука, одна научная система.

Шеллинг в «Системе трансцендентального идеализма» продолжает дело, начатое Фихте. «Цель настоящего труда — расширить трансцендентальный идеализм до тех пределов, которые позволят ему стать тем, — пишет Шеллинг, — чем он действительно должен быть, а именно системой всего знания» [1; 228]. Если для Фихте главная проблема заключалась в том, чтобы философия стала наукой, и для этого он полагает самосознание как центральный, структурообразующий принцип системы, то Шеллинг, воспроизводя эту мысль, дает ей свое собственное решение.

Шеллинг попытался переосмыслить фихтевскую систему через призму проблемы трансцендентального. «Единственный непосредственный объект трансцендентального рассмотрения есть субъективное», — пишет Шеллинг [1; 241]. — Затруднение заключается в следующем. Дело в том, что «понятие Я есть только понятие самообъективации» [1; 255]. Следовательно, если всякое познание есть объективирование, то как способно самосознание познать само себя не только в форме объекта, но и в форме субъекта, т.е. как познать субъективное, не «убив» его в объективном? «Трансцендентальное знание есть знание о знании в той мере, в какой оно чисто субъективно» [1; 237].

В ходе решения этой проблемы автор «Системы трансцендентального идеализма» впервые в истории философии приходит к мысли о единстве исторического и логического. В своем логическом воспроизведении Я повторяет свою историю. «Для того чтобы точно и полно показать ход истории самосознания, необходимо прежде всего не только тщательно отделить друг от друга отдельные ее эпохи, а внутри них отдельные моменты, но и представить их в такой последовательности, при которой сам метод, позволивший ее установить, служил бы гарантией того, что не пропущено ни одно промежуточное звено... Главным, что побудило автора книги обратить особое внимание на изображение упомянутой связи, являющейся, собственно говоря, *последовательностью ступеней созерцаний*, посредством которой Я поднимается до сознания в его высшей потенции, был параллелизм природы и интеллигенции» [1; 228–229].

Свою философскую систему Шеллинг выводит из самосознания как интеллектуальной интуиции: «Я есть не что иное, как *самообъективирующееся продуцирование*, т.е. интеллектуальное созерцание» [1; 258–259]. Следовательно, самосознание творит себя, созерцая. Созерцая, т.е. выступая в качестве субъекта, самосознание одновременно есть и созерцаемое, т.е. является в то же время и объектом. Следовательно, трансцендентальный философ должен постоянно пребывать в двойственном состоянии. «*Во-первых*, находиться в состоянии непрестанной внутренней деятельности, в процессе постоянного продуцирования изначальных актов интеллигенции; во-вторых, пребывать в состоянии постоянного рефлексирования этой деятельности — одним словом, быть одновременно созерцаемым (производимым) и созерцающим» [1; 242].

Таким образом, самосознание, постоянно продуцируя себя, одновременно и объективирует себя, т.е. постоянно находится в процессе самообъективации субъективного. Но в этом процессе самообъективации самосознание должно достигнуть такого момента, когда уже невозможно больше рефлексировать. Согласно Шеллингу, «рефлексирование абсолютно бессознательного и необъективного возможно лишь посредством *эстетического* акта воображения» [1; 242]. Следовательно, чисто субъективное способно отразить только искусство. «Шеллинг — и в этом его существенное отличие от Фихте — заменяет логический способ решения проблемы эстетическим. Непосредственное тождество субъективного и объективного должно быть ухвачено эстетическим созерцанием. Тем самым проблема была, по сути, не решена: ибо, во-первых, указанное тождество непосредственно не дано, его надо вывести; во-вторых, созерцание есть, наоборот, не выведение, а непосредственное схватывание абсолюта» [3; 20].

Итак, все изложение «Системы трансцендентального идеализма» есть поступательное вовлечение субъективного, неререфлектированного в сферу сознания. Или, говоря другими словами, показано поступательное становление самосознания как деятельного и активного начала. Причину саморазвития самосознания Шеллинг усматривает в противоречии. Самосознание — это противоречивое в себе начало. Процесс этого противоречивого становления самосознания в рамках поставленной перед нами цели мы анализируем лишь на примере понятий пространства и времени.

Природа самосознания двойственна: «Дайте мне природу, состоящую из противоположных деятельностей, одна из которых уходит в бесконечность, другая стремится созерцать себя в этой бесконечности, и я, — заявляет трансцендентальный философ, — создам вам из этого интеллигенцию со всей системой ее представлений» [1; 308]. Первая деятельность, уходящая в бесконечность, есть чистое продуцирование, т.е. это и есть чисто субъективная, неререфлектированная деятельность самосознания. Следовательно, Я продуцирует, но не знает об этом, т.е. «Я бесконечно, не будучи таковым для самого себя» [1; 269]. Эта деятельность бесконечна, так как пределов творчества нет. Наглядно эту деятельность можно представить «в виде бесконечного пространства, которое есть бесконечность, не будучи Я, и является собой как бы растворившееся Я, Я без рефлексии» [1; 269, 270]. Итак, пространство — это неререфлектированная, бессознательная деятельность Я. Чистое же пространство — это потенциальная сфера творческой деятельности Я.

Пространство как потенциальная сфера творчества является предпосылкой самосознания. Но эта предпосылка должна стать объектом для самой себя, т.е. конечной и ограниченной. «Я есть изначально *чистое*, уходящее в бесконечность *продуцирование* (т.е. пространство. — Э.Ш., Н.Ф.), посредством одного этого продуцирования Я никогда не стало бы *продуктом*» [1; 267], т.е. самосознанием. Следовательно, необходимо ограничить пространство, т.е. «Я должно положить границы своему продуцированию» [1; 268].

Вторая деятельность, которая «стремится созерцать себя в этой бесконечности», полагает границу бесконечному продуцированию, т.е. пространству, так как, согласно Шеллингу, «созерцать и

ограничивать для Я — одно и то же» [1; 289–290]. Вторая деятельность тоже изначально бесконечна, но имеет противоположное направление. Если первая деятельность расширяется во все направления, то вторая, следовательно, стремится вернуться в исходную точку. Эта возвращающаяся к самой себе деятельность есть время.

Итак, первая деятельность самосознания есть пространство как чистое продуцирование. «Я при- сущее стремление производить бесконечное, и эту направленность следует мыслить идущей *вовне* (как центробежную); но в качестве таковой она не могла бы быть различена без деятельности, обращенной *внутрь*, к Я как к своему средоточию», — пишет Шеллинг [1; 276]. Таким образом, Я есть противоборство двух противоположных деятельностей — Я-пространства и Я-времени, посредством которых оно приходит к самосознанию и самопознанию.

Деятельность (Я-пространство), которой была положена граница, становится ограниченной деятельностью. Созерцающая деятельность (Я-время), т.е. которая положила границу, следовательно, тоже ограничивается. В результате две деятельности — Я-пространство и Я-время — ограничивают друг друга и возникает нечто третье. Этим синтезом Шеллинг выводит вещественность (материю). «Всякая вещественность есть лишь выражение равновесия между противоположными деятельностями, которые сводят друг друга к простому субстрату деятельности» [1; 284]. Поэтому, во-первых, количество материи мыслится сохраняющимся, т.е. не убывающим и не прибывающим. Во-вторых, материя всегда занимает место, т.е. полагается в определенное пространство. В-третьих, материя постоянно находится в движении, а не есть нечто застывшее.

В произведенном продукте (веществе) участвовали обе деятельности. Но вещественность не осознается как Я. Я не созерцало себя ни как ограниченного, ни как ограничивающего, так как «Я не может одновременно созерцать и созерцать себя созерцающим, а тем самым и ограничивающим» [1; 287]. Следовательно, идеальная деятельность (Я-время) не должна ограничиваться, ибо «если бы Я не пошло дальше этой первой конструкции или если бы это общее могло действительно длиться, то Я было бы безжизненной природой, лишенной ощущения и способности созерцания» [1; 285]. Следовательно, ограничена только реальная деятельность, идеальная же осталась неограниченной. В таком случае Я ограничено, но не является таковым для самого себя, ибо граница положена только в реальное Я. Поэтому, согласно Шеллингу, первая задача сводится к следующему: «объяснить, каким образом Я созерцает себя в качестве ограниченного» [1; 285].

Одна из деятельностей ограничена, поэтому она реальная деятельность, так как граница ее действительно ограничивает. Идеальная же деятельность так и осталась неограниченной. Следовательно, без границы они были бы неразличимы, ибо «обе они изначально совершенно необъективны, т.е. — поскольку никакие другие свойства идеальной деятельности нам еще не известны — что обе они одинаково идеальны» [1; 286]. Следовательно, идеальная деятельность может самосозерцать себя в реальной деятельности как ограниченную, так как она является общей опосредствующей деятельностью. В результате идеальная деятельность тоже ограничивается. Это есть первая самообъективация Я, т.е. Я осознает себя как ограниченного. Однако идеальная деятельность, созерцая саму себя в реальной деятельности, «не может созерцать реальную деятельность как тождественную себе, не обнаруживая в ней одновременно как нечто чуждое себе то *отрицательное в ней*, что делает ее неидеальной» [1; 286]. Вследствие чего это сознание ограничения дано Я не как самоограничение, а как ограничение извне, со стороны не-Я.

На достигнутом этапе «Я для самого себя — только *ощущаемое*» [1; 294], т.е. Я предстает здесь всего лишь как время. Время же обнаруживается как граница, разделяющая две противоположные деятельности, которая поэтому «выступает как нечто такое, от чего можно абстрагироваться, что может быть положено и не положено, как случайное... Именно поэтому граница может выступать только как обнаруженное, т.е. чуждое Я» [1; 286–287]. Или, говоря иначе, Я есть только пассивность, аффицированность, т.е. только ощущаемое, но не ощущающее. От чистого продуцирования не осталось и следа, т.е. Я-время полностью вытеснило Я-пространство, так как само созерцание не осознается, т.е. не становится объектом для Я. Это состояние самосознания охарактеризовано Шеллингом как «момент изначально ощущения», в котором «Я полностью фиксировано в ощущаемом и как бы потеряно в нем» [1; 295].

Таким образом, возникает следующая задача: «как Я, которое до сих пор было только ощущаемым, становится *ощущающим и ощущаемым одновременно?*» [1; 295]. Или, говоря другой терминологией: как Я, которое до сих пор было только временем, становится *пространством и временем одновременно?* Чтобы Я созерцало себя ощущающим, необходимо, чтобы пассивное состояние было

положено в созерцание, т.е. в пространство. Если в первом синтезе мы посредством времени ограничили пространство, то теперь мы должны время (границу) перенести в пространство, и тем самым Я достигнет второй ступени самообъективации — ступени ощущающего, на которой самосознание впервые познает себя как деятельное начало.

На данном этапе трудность заключается в том, что должна быть ограничена идеальная деятельность, т.е. Я должно созерцать самого себя как деятельность. Я не созерцает самого себя ограничивающим, так как ограничена только реальная деятельность. Следовательно, чтобы оно осознавало (созерцало) себя таковым, необходимо границу положить и в идеальное Я. Но как только положена граница в идеальное Я, оно уже не идеальная, а реальная деятельность, так как граница есть единственное их различие.

Итак, если положить границу идеальной деятельности, то она уже не будет таковой, но если не положить границу, то идеальная деятельность не будет созерцать себя деятельной (ограничивающей), а следовательно, Я никогда не придет к самосознанию. Далее, Я есть деятельность, а граница — это предел деятельности. «В сознании теперь от границы не осталось ничего, кроме следа абсолютной пассивности. Поскольку в ощущении *акта* Я себя не осознает, остается лишь результат» [1; 298]. Следовательно, возникает еще один вопрос: как объединить противоположности — активность и пассивность, идеальную и реальную деятельности? «Следовательно, поставленную нами проблему — объяснить, как Я созерцает себя в качестве ощущающего, — можно было бы определить и таким образом: как Я становится *в одной и той же деятельности* идеальным и реальным» [1; 302].

Чтобы разрешить данное затруднение, согласно Шеллингу, «идеальная деятельность должна *определить* границу» [1; 298]. Граница была бы определена, а точнее, то что от нее осталось — пассивность, «если бы Я дало ей определенную сферу — определенный круг деятельности...» [1; 298]. В результате возникают две противоположные деятельности, которые поэтому предполагают друг друга. Согласно применяемому Шеллингом синтетическому методу эти две деятельности *a* и *b* должны быть синтезированы третьей деятельностью *c*. Таким образом, выводится третья производящая деятельность, в которой активность и пассивность должны быть взаимообусловлены. Без этой взаимообусловленности Я не будет ощущающим, так как «объектом должно стать не только то, что до сих пор было *объективным* в Я, но и субъективное в нем» [1; 302].

Что такое ощущающее Я? Это Я, которое чувствует свою ограниченность. Я чувствует, следовательно, оно деятельно. Но ведь оно чувствует свою ограниченность, следовательно, оно страдательно. Ощущающее Я есть активность и пассивность одновременно, т.е. оно активно в своей страдательности, и страдательно в своей активности. «Теперь же, когда эта борьба становится объектом для самого Я, она для самого себя созерцающего Я превратилась в противоположность между Я (в качестве объективной деятельности) и вещью самой по себе» [1; 314]. Для трансцендентального философа же они моменты третьей, объединяющей их производящей деятельности, т.е. «оба они суть факторы созерцания, которое должно быть теперь выведено» [1; 305].

Производящая деятельность — это, согласно Шеллингу, вторая потенция созерцания. «Подобное созерцание самого себя в своей идеальной и реальной деятельности, в своей переходящей границе, ощущающей, и в своей заторможенной внутри границы, ощущаемой, деятельности возможно только посредством третьей деятельности, *одновременно* заторможенной внутри границы и переходящей ее, *одновременно* идеальной и реальной; именно *эта* деятельность и есть та, в которой Я становится для себя объектом в качестве ощущающего» [1; 302]. Идеальная деятельность есть созерцание (ощущающее), реальная деятельность есть материал этого созерцания (ощущаемое). Следовательно, производящая деятельность продуцирует чувственный (феноменальный) мир.

Итак, эта третья производящая деятельность (продуктивное созерцание) парит между противоположностями. Но так как она состоит из противоположных деятельностей, то необходимо рассмотреть промежуточные звенья, посредством которых происходит опосредствование противоположностей. «Таким образом, продуктивное созерцание приводит нас к тому же противоречию, к которому мы пришли, исследуя ощущение, и посредством этого противоречия продуктивное созерцание так же поднимется для нас на более высокую ступень, как это произошло с простым созерцанием в ощущении» [1; 312].

Указанные противоположности удерживаются вместе только действием Я. «Однако Я не созерцает самого себя в этом действовании, следовательно, действие как бы исчезает в сознании, остается лишь противоположность в качестве противоположности» [1; 313]. Следовательно, в сознании должен остаться только продукт этих противоположных деятельностей. «Поэтому данный про-

дукт будет выступать в созерцании не как вещь сама по себе или как деятельная вещь, а только как явление такой вещи» [1; 315]. Таким образом, мы вывели объект чувственного созерцания, который пока существует только для трансцендентального философа, а не для самого Я.

Продуктивное созерцание есть первая ступень Я к интеллигенции. Но здесь в продуцировании пространство и время слиты. Поэтому продуктивное созерцание есть то же продуцирование, но продуцирование не всей реальности — Я емь, а только реальности, ограниченной временем, т.е. чувственной. В результате этого ограничения Я совершило свой первый шаг к самосознанию (интеллигенции), т.е. посредством времени в самосознание положено его содержание не просто внешне, механически, а как внутреннее, его живое содержание. Но оно положено еще не целиком и полностью, а только частично. Это первая ступень распредмечивания. Пространство, т.е. творческая мощь самосознания, будучи Я не было таковым и для самого себя, теперь же посредством времени оно есть и для самого Я, т.е. посредством времени Я частично распредметило пространство. Или, говоря иначе, Я частично освоило свое содержание.

Таким образом, вся система теоретической философии в «Системе трансцендентального идеализма» есть поступательный процесс распредмечивания, т.е. перехода пространства во время. И когда пространство полностью перейдет во время, самосознание полностью освоит свое содержание. Следовательно, полностью будет зависимым только от самого себя, т.е. станет свободным. Итак, если Фихте в мистифицированной форме показал процесс опредмечивания, т.е. переход времени в пространство, то Шеллинг показал процесс распредмечивания, т.е. переход пространства во время, при этом проводя более последовательно принцип развития.

Теперь, согласно Шеллингу, то, что наблюдает трансцендентальный философ, должно созерцать и само Я. С аналогичной ситуацией мы сталкивались в первой эпохе, где вследствие того, что идеальная деятельность участвовала в синтезе, т.е. в образовании продукта (вещества), Я не могло созерцать себя. Здесь также «Я, будучи созерцающим, в продуцировании также полностью сковано и связано и не может быть одновременно созерцающим и созерцаемым» [1; 332]. Следовательно, согласно применяемому выше методу трансцендентальной философии необходимо найти третью опосредствующую деятельность. Однако непосредственно в сознании не осталось и следа от деятельностей, т.е. в сознании присутствует только продукт деятельностей, тогда «вопрос как Я осознает самого себя продуктивным, имеет то же значение, что и вопрос: как Я отрывается от своего продукта и выходит за его пределы?» [1; 333].

Продуктом здесь выступает явление, которое есть результат двух деятельностей — Я и вещи самой по себе. Обе они созерцающие деятельности. Одна из них созерцающая изначально, так как она есть идеальная деятельность. Другая есть производящая деятельность, которая также является созерцающей деятельностью. Следовательно, Я само по себе и вещь сама по себе друг друга ограничивают, ибо обе они созерцающие деятельности. Если бы они не имели ничего общего, то и не могли бы ограничивать друг друга.

Различие же заключается в том, что одна (идеальная, простая) созерцает только Я, а другая (производящая, сложная) — Я и вещь в себе одновременно. «Между тем Я только по эту сторону границы есть Я, ибо по ту сторону границы оно для самого себя превратилось в вещь саму по себе. Следовательно, созерцание, которое переходит границу, тем самым выходит и за пределы самого Я и предстает, таким образом, в качестве *внешнего* созерцания. Простая созерцающая деятельность остается внутри Я и может быть поэтому названа *внутренним* созерцанием» [1; 336]. Таким образом, Шеллинг дедуцирует внутреннее и внешнее чувства Я.

Теперь мы должны вновь найти третью деятельность, соотносящую эти две деятельности. Этой третьей, соотносящей деятельностью является внутреннее чувство, так как «внешнее чувство есть ограниченное внутреннее чувство» [1; 337]. Следовательно, в противоположность внешнему чувству, внутреннее чувство «мы, напротив, должны полагать в качестве изначально не допускающего ограничения» [1; 337]. То, что первоначально выступало идеальной деятельностью, т.е. деятельностью Я, бесконечно созерцающей саму себя, теперь предстало как внутреннее чувство. Поставленная нами задача, следовательно, получает следующую формулировку: «как Я становится для себя объектом в качестве сознающего себя ощущающим? Или, поскольку сознание себя ощущающим и внутреннее чувство — одно и то же, как Я становится для себя объектом и в качестве внутреннего чувства?» [1; 339]. Следовательно, внутреннее чувство должно предстать перед нами как самочувствие деятельности, как чувство Я.

Итак, Я должно познать себя как внутреннее чувство. Но здесь это невозможно, ибо само Я есть внутреннее чувство. Я как деятельность становится объектом, т.е. Я одновременно выступает субъектом (познающим) и объектом (познаваемым). Следовательно, Я достигает такого уровня, на котором непосредственно созерцает (познает) самого себя как деятельность.

Познать себя как деятельное начало Я может лишь в том случае, «если оно противопоставляет объект в качестве только созерцаемого, тем самым бессознательного, самому себе в качестве сознающего (сознающего себя ощущающим)» [1; 339]. Но как разделить субъект и объект, как положить между ними границу? Противоположностью внутреннего чувства является внешнее чувство. «Следовательно, объект должен быть так же противопоставлен внутреннему чувству, как внутреннему чувству было противопоставлено внешнее чувство» [1; 339]. Таким образом, хотя внешнее созерцание не может сохраниться в качестве созерцания, так как согласно принятой нами предпосылке объект есть нечто бессознательное, граница, однако, сохраняется. «Следовательно, объект лишь тогда есть объект, когда он ограничен той же границей, которой были разделены внутреннее и внешнее чувства и которая теперь уже служит не границей между внутренним и внешним чувствами, а границей между сознающим себя ощущающим Я и совершенно бессознательным объектом» [1; 340]. Если объект есть нечто бессознательное, а субъект сознательное, то «Я не может противопоставлять себе объект, не признавая границу в качестве границы» [1; 340]. Я есть внутреннее чувство, т.е. Я, сознающее себя ощущающим, только в том случае, если граница будет им осознаваться. В противном случае Я сольется с объектом.

Здесь диалектика пространства и времени представлена, согласно Шеллингу, как диалектика бессознательной и сознательной деятельности. Итак, если время есть деятельность, протекающая сознательно, то пространство есть деятельность, протекающая бессознательно. Однако следует учесть одно немаловажное различие. Если для Фихте свободной деятельностью является бессознательная, то для Шеллинга, наоборот, — сознательная. «Свободное действие всегда продуктивно, но продуктивно *сознательно*», — пишет Шеллинг [1; 240]. Следовательно, у Фихте человек является творцом самого себя, но не осознает себя таковым, у Шеллинга человек осознает себя свободным, но не является таковым.

Итак, граница предстает как граница между сознательным субъектом и бессознательным объектом. Так как граница положена в сознание, Я чувствует себя определенным образом ограниченным. Причину этого ограничения Я не может положить в самого себя. Следовательно, Я полагает ее в объект. Но объект не может полагаться в сознании, ибо, в таком случае, он превратился бы в определенный момент сознания, который опять, в свою очередь, потребовал бы объяснения своего определенного ограничения. «Следовательно, столь же несомненно, как Я должно признать границу в качестве таковой, оно должно перейти границу и искать ее основание в том, что теперь уже не находится в сознании» [1; 341]. Следовательно, Я хочет вернуться к тому исходному моменту (безусловному), который положил ограничение Я, или, как бы сказал Кант, познать вещь в себе (бессознательный объект). В результате Я впадает в цепь продуцирований, уходящих в бесконечность, так как граница все время отодвигается. Таким образом, от одного момента сознания Я переходит к другому, пытаясь схватить ограничение (объект, вещь в себе).

Так как Я не может выйти за пределы самого себя, т.е. за сферу сознания, «в Я будет происходить только идеальное продуцирование или репродуцирование. Но всякое репродуцирование свободно, поскольку оно является совершенно идеальной деятельностью» [1; 342]. Однако это идеальное продуцирование должно содержать в себе объяснение ограничения Я. «Итак, Я в одном и том же действии одновременно формально свободно и формально принужденно. Одно обусловлено другим» [1; 342]. Это идеальное продуцирование всегда будет не соответствовать объяснению ограничения, так как на данном этапе Я не способно постичь как объект (вещь в себе), который находится по ту сторону сознания, тем не менее вторгается в сознание. Если бессознательное положить в сознание, оно уже не будет бессознательным. Поэтому Я всегда будет чувствовать несоответствие между явлением и вещью в себе. Я стремится схватить безусловное, но вместо этого продуцирует нечто обусловленное. Само Я чувствует это обусловленное в себе, а следовательно, и себя таковым. Состояние Я в настоящий момент следующее: «Оно чувствует себя отбрасываемым к моменту, осознать который оно не может. Я *чувствует* себя отбрасываемым назад, так как действительно вернуться оно не может. Таким образом, в Я возникает состояние неспособности, состояние принуждения» [1; 341]. Шеллинг здесь схватывает сущность труда (деятельности) как принуждения и выражения свободы одновременно.

Итак, Я стало для себя деятельным (ощущающим, продуцирующим) вследствие того, что оно познало время, так как «чувство этой отбрасываемости назад к моменту, к которому реально вернуться невозможно, есть чувство *настоящего*» [1; 342]. Вследствие этого, как бы стягивания в одну точку, Я может противопоставлять себе объект, а так как объектом является само Я, то «объект — не что иное, как фиксированное, только настоящее время» [1; 345]. Следовательно, Я как субъект есть время, и Я как объект есть время, т.е. Я посредством времени приходит к самосознанию: как субъект, т.е. как деятельность, распространяющаяся только в одном направлении (или, как выразился бы господин Гуссерль, — направленность, интенция), как объект, т.е. как граница (точка), как чувство настоящего.

Само внутреннее чувство (Я) становится объектом для Я, т.е. для самого себя. Это возможно «единственно посредством того, что для него возникает *время* (не как внешне созерцаемое, но только как точка, как граница)», — пишет Шеллинг [1; 342]. Это есть вторая самообъективация Я, т.е. Я, продуцируя чувственный мир, сознает самого себя ощущающим (внутренним чувством).

Итак, Я здесь предстало как время, т.е. «в качестве деятельности, которая может распространяться лишь в одном измерении, но теперь стянута в одну точку; именно эта деятельность, способная распространиться только в одном измерении, и есть, если она становится для самой себя объектом, время» [1; 343]. Или другой вариант: «Время не есть нечто, протекающее независимо от Я, но *само* Я есть время, мыслимое в деятельности» [1; 343].

Как уже отмечалось, внутреннее чувство — это идеальная деятельность, которая стремится бесконечно созерцать Я, т.е. которая стремится вернуться к самой себе, как бы в отправную точку. «Следовательно, внутреннее чувство, мыслимое в своей неограниченности, выражается в виде *точки*, в виде абсолютной границы или в виде символа *времени* в его независимости от пространства. Ибо время, мыслимое само по себе, есть лишь абсолютная граница» [1; 344]. Но что есть точка, граница? Или, другими словами, что есть самочувствие, т.е. чувство настоящего, выраженное только через внутреннее чувство. Ведь время распадается на прошлое, настоящее и будущее только будучи объединенным с пространством.

Что такое время (точка) в его независимости от пространства, т.е. Я, выраженное только во внутреннем чувстве? Короче, что такое деятельность, которая выражена только во времени?

Эта точка (граница) есть то неизменное и сохраняющее ограничение, передающееся от одного ограничения к другому, т.е. им все ограничения опосредованы, следовательно, оно ограничение ограничения. Кант эту точку охарактеризовал как «Я мыслю», сопровождающее все наши представления, которая, следовательно, когда мы мысленно удалили пространство, остается в виде точки, которая не имеет места, протяжения, неделима, проста и т.д.

Так что же имеет в виду Шеллинг, когда полагает вне пространства точку как время? Не возрождает ли он в завуалированной форме понятие души в ее метафизическом смысле? После того, как Кант показал, что эта точка не душа, не субстрат наших внутренних изменений, Шеллинг, естественно, не мог отождествить точку с самим Я, понимаемым в традиционном метафизическом смысле.

Шеллинг попытался показать, что на данном этапе самосознание поднимается до такого уровня, когда Я как деятельность, которая имеет предметный характер, созерцает самого себя как нечто идеальное, т.е. «созерцает не продукт, а самого себя в продукте» [1; 333]. Следовательно, время — это предметность, выраженная идеально, т.е. время является идеальным (познавательным) выражением предметно-практической деятельности общественного человека.

Время — это «душа» деятельности. Это точка, или, как бы выразился Кант, «Я мыслю» есть идеальное выражение предметности. Предмет идеально фиксируется как цель, которая в процессе деятельности созерцается как нечто неизменное и сохраняющееся. Время как точка, т.е. деятельность, мыслимая только во времени, есть идеальное абстрагирование цели из процесса деятельности. Цель в ее независимости от пространства и мыслится как точка, в синтезе же с пространством — как нечто определяющее направление деятельности, потому Шеллинг и называет ее точкой самочувствия, ибо всякая деятельность целесообразна. Без цели деятельность немыслима.

Таким образом, когда самосознание познало время, оно открыло для себя и себя как сферу идеального. Ведь «Я вообще нет *вне* мышления, оно не *вещь*, не *предмет*» [1; 256], т.е. оно есть субъективное в своей независимости от пространства. Тем самым Я схватывается в своей непосредственной (идеальной) форме, а не в форме объекта, т.е. не в предметном облики. В сфере духа время имеет явное преимущество перед пространством. Например, в литературе это хорошо показал М.М.Бахтин [4; 122]. Когда самосознание смогло в абстракции разорвать пространство и время друг от друга, которые до этого в продуцировании (деятельности) были слиты, самосознание из бытия в себе стало

бытием и для себя, т.е. лишь во времени Я способно противопоставить себя предмету (пространству) и достичь уровня самосознания.

Итак, на данной ступени мы вывели сферу идеального. Это стало возможно посредством того, что для самого Я посредством пространства и времени объективировались его внешнее и внутреннее чувства. Поэтому «пространство — не что иное, как объективировавшееся внешнее чувство, время — не что иное, как объективировавшееся внутреннее чувство» [1; 344]. Тем самым Я стало различать в себе пространство и время. «Следовательно, Я не может противопоставлять себе объект так, чтобы для него, с одной стороны, посредством времени стало объектом внутреннее чувство, с другой — посредством пространства внешнее чувство» [1; 343].

Время как основа идеального, следовательно, также является основой мышления как идеальной деятельности. Поэтому можно сделать умозаключение, что дальше Шеллинг будет выводить категории мышления. То, что самосознание есть идеальная деятельность, созерцает пока только философ, следовательно, посредством категорий Я должно стать идеальной деятельностью (мышлением) и для самого себя. Поэтому категории для самого Я останутся вне сферы сознания.

Объектом для Я является оно само как деятельность (самосознание). «В самом объекте, т.е. в продуцировании, пространство и время могут, следовательно, возникать лишь одновременно и нераздельно друг от друга», — пишет Шеллинг [1; 344]. Пространство и время — это собственно и есть духовные действия интеллигенции, поэтому в самом объекте (деятельности) они не могут обнаружиться в качестве таковых. Я могло противопоставлять себя в качестве объекта, если трансцендентальный философ мог в Я различать пространство и время. Однако «то в объекте, что соответствует внутреннему чувству или что имеет величину только во времени, представляется в виде чего-то совершенно случайного, или акцидентального, напротив, то, что в объекте соответствует внешнему чувству, или имеет величину в пространстве, — в виде необходимого и субстанционального» [1; 345]. Таким образом, для трансцендентального философа «оказалось возможным различать в Я пространство и время, в объекте — субстанцию и акциденцию» [1; 345]. Таким образом, Шеллинг выводит первую пару категорий отношения. Теперь мы, согласно его методу, должны показать как и для самого Я полагаются пространство и время, а тем самым субстанция и акциденция.

Однако если пространство и время сами суть созерцания, то как они могут созерцаться в качестве таковых, или, говоря иначе, как возможно созерцание созерцания. Для Шеллинга созерцание — это потенцирование Я, т.е. продуцирование. Это второе созерцание, т.е. созерцание созерцания, согласно Шеллингу, не разрешает трудности, так как в созерцании (продуцировании) пространство и время слиты. «Таким образом, этим вторым продуцированием мы также ничего бы не выиграли и оказались на том же месте, на котором были при первом, *если бы это второе продуцирование не было противоположно первому* и тем самым непосредственно благодаря своему противоположению первому не стало объектом для Я» [1; 346].

Здесь Шеллинг выводит категорию причинности «как необходимое условие, при котором Я только и может признать наличный объект в качестве объекта» [1; 347]. Категории субстанции и акциденции, по Шеллингу, предполагают категорию причинности, так как без нее мы не смогли бы различить субстанцию и акциденцию. В качестве объектов у нас выступают два созерцания — В и С, которые должны быть противоположными, ибо в противном случае В не ограничивало бы С. Но В не является причиной возникновения С, а только причиной его определенного ограничения. «Одним словом, первым продуцированием может быть определено только акцидентальное во втором» [1; 347]. Тем самым, если один объект может определить только акцидентальное во втором объекте, то субстанциональное, следовательно, пребывает неизменным. «Итак, вследствие того, что В определяет акцидентальное в С, в объекте субстанция и акциденция разделяются: субстанция пребывает неизменно, тогда как акциденции меняются — пространство неподвижно, тогда как время течет, следовательно, они становятся объектом для Я раздельно» [1; 349]. Так как время есть объективированная идеальная деятельность, то Я теперь предстает как непрерывная последовательность представлений. Возникает следующий вопрос, как Я полагает эту последовательность в самого себя, или как Я способно зафиксировать последовательность (время)?

Посредством причинного отношения в сознании остается только акцидентальное, субстанциональное же вытесняется из сознания, так как «она (т.е. субстанция. — Э.Ш.) сама есть лишь фиксированное время» [1; 349]. Само время, так как Я слито или растворено в потоке представлений, не фиксировано. Чтобы восстановить субстанциональное, необходимо внести противоположное направле-

ние в последовательность, а это возможно в том случае, если субстанции полагаются одновременно и действуют друг на друга.

Таким образом, чтобы зафиксировать последовательность, Шеллинг дедуцирует третью категорию отношения — категорию взаимодействия. «Взаимодействием фиксируется последовательность, восстанавливается настоящее, а тем самым и одновременность субстанции и акциденции в объекте» [1; 351]. Если категория причинности разрывает объект на субстанцию и акциденцию, то «посредством взаимодействия субстанция и акциденция опять синтетически объединяются» [1; 351]. Тем самым посредством категории взаимодействия все субстанции полагаются сосуществующими. Взаимодействие же идеально фиксируется как «пространство в качестве простой формы сосуществования, или одновременности» [1; 352]. Тем самым последовательность (время) фиксируется сосуществованием (пространством), т.е. пространство и время синтезируются. «Сосуществование в пространстве превращается, если привходит определение времени, в одновременность» [1; 352].

Таким образом, если «категории, — пишет Шеллинг, — суть образы действия, посредством которых для нас только и возникают сами объекты» [1; 347, 348], то пространство и время суть сами действия интеллигенции. Следовательно, пространство и время суть разные способы самовыражения Я. Или, применяя другую терминологию, пространство и время — это две формы, посредством которых осуществляется деятельность. «В пространстве, рассматриваемом само по себе, всё — только друг подле друга, тогда как в объективированном времени всё следует друг за другом», — пишет Шеллинг [1; 352].

Итак, по Шеллингу, посредством категорий отношения, «поскольку изначально других не существует» [1; 353], пространство и время положены и в само Я, но «не в качестве созерцаний, которые Я осознать не может, а только в качестве созерцаемых» [1; 377]. Однако Шеллинг не останавливается на категориях отношения, дедуцированных Кантом, ибо «взаимодействие невозможно так, чтобы для Я сама последовательность не стала ограниченной» [1; 377]. Спрашивается, как это возможно?

Интеллигенция, которая благодаря категориям отношения превратилась в последовательность представлений, уходящих в бесконечность, должна созерцать себя таковой. Но как возможно созерцать последовательность, одновременно не ограничивая ее? Следовательно, умозаключает Шеллинг, должна существовать последовательность, возвращающаяся в саму себя, которая поэтому конечна и бесконечна одновременно. «Такая возвращающаяся к самой себе, представленная в покое последовательность и есть организация» [1; 365]. Всякая организация есть сама себя воспроизводящая система, т.е. источник движения находится в ней самой. «Таким образом, интеллигенция должна созерцать саму себя не только как организацию вообще, а как живую организацию» [1; 367].

Интеллигенция созерцает саму себя не просто как организацию, а организацию в высшей потенции, т.е. в качестве организма. «Организм, — пишет Шеллинг, — есть лишь род созерцания, присутствующий интеллигенции». Следовательно, посредством указанного созерцания интеллигенция созерцает саму себя. Однако вследствие того, что самосознание «растворяется в своем организме, который она созерцает как полностью тождественный себе, следовательно, опять не достигает созерцания самой себя» [1; 373].

На этом Шеллинг заканчивает ряд потенцированных созерцаний, не достигая своей цели. Тем самым посредством продуцированных мы оказались не способны объяснить, как «в интеллигенции полагается полное сознание» [1; 373]. Таким образом, Шеллинг оказывается вынужденным перейти к третьей эпохе, в которой «все, виденное нами до сих пор с точки зрения созерцания предстанет перед нами совсем иным с точки зрения рефлексии» [1; 374–375]. В третьей эпохе анализируется все то, что в предшествующих эпохах было положено синтетически. «Таким образом, с помощью анализа Я не может быть обнаружено какое-либо действие, которое не было бы уже положено в него синтетически» [1; 378]. Следовательно, в третьей эпохе интеллигенция посредством абстракции наконец-то достигает сознания.

Как известно, в основу «Критики чистого разума» положено не созерцание, как у Шеллинга, а рефлексия. Третья эпоха, собственно, есть вольный пересказ Шеллингом некоторых мест указанной работы Канта. Из приведенных выше соображений с точки зрения интересующей нас проблемы, чтобы не повторяться, мы укажем лишь те моменты, которые подверглись существенной переработке.

Как отмечалось, Шеллинг, в противоположность Фихте, отдал приоритет природному, объективному началу в системе человеческого знания. Поэтому он ни слова не упоминает о продуктивной способности воображения, когда анализирует схематизм. Ведь воображение — это субъективная способность, дело которой — произвол [5].

В отличие от Канта Шеллинг изначально полагает деятельность, которая одновременно рассудочна и чувственна (интеллектуальная интуиция). Поэтому для него, наоборот, трудность заключается в том, как ее разделить на субъект и объект, понятие и предмет. Этого он достигает посредством суждения (*Urteil*). Здесь Шеллинг играет словами. *Urteil* происходит от глагола «teilen», что в переводе означает «делить».

Шеллинг не мог положить произвольную, субъективную способность воображения как опосредующее звено, она просто не вписывается в его систему. В результате он возрождает учение о предустановленной гармонии: «не остается ничего другого, как предположить наличие гармонии между интеллигенцией, поскольку она действует свободно, и интеллигенцией, поскольку она бессознательно созерцает, и эта гармония необходимо должна быть предустановленной. Следовательно, и трансцендентальный идеализм нуждается в предустановленной гармонии, ... причем нуждается он не в предустановленной гармонии непосредственно между интеллигенцией и организмом, как ее обычно толкуют интерпретаторы Лейбница, а в такой, которая существует между свободной деятельностью и деятельностью, производящей бессознательно, ибо только такого рода гармония необходима для объяснения перехода от интеллигенции к внешнему миру» [1; 373]. Тем самым последующий немецкий идеализм не понял кантовской постановки проблемы чувственности и рассудка, так как они объявили предрассудком кантовскую вещь в себе. Чувственность понимается как не-Я, как снятая деятельность, т.е. опять же как нечто рациональное, как застывший рассудок. И в соответствие, следовательно, необходимо привести только мысль с мыслью. Вследствие этого проблема времени и пространства в кантовской ее постановке не получила должного разрешения.

Итак, если Кант и Фихте рассматривали значение пространства и времени в процессе творческой деятельности, то Шеллинг рассматривает их так же, как формы деятельности, но деятельности не продуктивной, а только репродуктивной, т.е. они формы осознания. В связи с этим Шеллинг говорит о парадоксе: «Всякое эмпирическое сознание начинается с наличного объекта, и вместе с возникновением сознания интеллигенция оказывается вовлеченной в определенную последовательность представлений... Противоречие, следовательно, заключается в том, что интеллигенция, осозная себя, может вступить только в определенную точку последовательного ряда, что, осозная себя, она уже должна предположить в качестве условий возможной последовательности независимо от себя целокупность субстанций и их всеобщее взаимодействие» [1; 356], т.е. интеллигенция оказывается зависимой от продуктов собственной деятельности. Следовательно, она осознает себя не как творца универсума.

Шеллинг разрешает данное противоречие посредством различения абсолютной и конечной интеллигенции. Конечная интеллигенция лишь воспроизводит то, что уже было положено абсолютным синтезом. «Все то, что происходит в этом ряду второго ограничения, уже положено первым, с той только разницей, что первым ограничением положено все одновременно и абсолютный синтез возникает для Я не посредством составления из частей, но в качестве целого и не во времени, так как время вообще полагается только этим синтезом, тогда как в эмпирическом сознании это целое может быть лишь постепенным синтезированием частей, следовательно, только последовательностью представлений» [1; 356, 357].

Конечная интеллигенция, которая протекает во времени, пытается снять, преодолеть время, так как «изначально Я — чистое и абсолютное тождество, вернуться к которому оно постоянно должно стремиться» [1; 354]. Но в результате этого она впадает в бесконечный ряд представлений. Время устремлено в бесконечность, ибо интеллигенция хочет посредством конечного (временного) охватить бесконечное (вечное). «Время — движущееся подобие вечности» (Платон) [6; 477].

Естественно, что Фихте с таким пониманием абсолютно первого синтеза согласиться не мог. Ведь им уже все положено, по сути дела, конечная интеллигенция просто-напросто ее воспроизводит. Следовательно, у человека никакой свободы нет. Свободна только сама бесконечная интеллигенция. Тем самым Шеллинг противоречие абсолютного Я Фихте «разрешает» посредством того, что выбирает понимание абсолютного Я как цели человеческого самосовершенствования. В этом отношении мысль Фихте, несмотря на ее противоречивость, более продуктивна.

Несогласие с фихтевской позицией в отношении проблемы времени и пространства Шеллинг четко выразил, при этом, правда, прямо не указывая на Фихте. Если Фихте выводил время (последовательность) из целесообразной предметной деятельности, то Шеллинг, акцентировавший внимание на объективном, природном начале в системе человеческого знания, возражает: «совершенно бессмысленно считать, что последовательность возникает вследствие действия интеллигенции»

[1; 348]. Разница существенна. Время у Фихте и Шеллинга течет в разных направлениях. Если у Фихте время устремлено в будущее к «Я есть Я» как цели человеческой истории, то у Шеллинга, как это ни парадоксально, оно обращено назад к изначальному тождеству, тем самым не к конкретному тождеству, впитавшему в себя весь процесс становления. Получается, что Шеллинг возрождает в философском одеянии мифологическое время. Поэтому развитие у Шеллинга представлено со знаком минус. Видимо не случайно, что Гегель в своем знаменитом предисловии к «Феноменологии духа» так резко критикует Шеллинга, в частности, его метод. И видимо не случайно, что в дальнейшем, после написания «Системы трансцендентального идеализма», Шеллинг увлекся мифологией.

Итак, где же Шеллинг впал в заблуждение? Если Я является деятельностью, то она должна быть устремлена в будущее, ведь она целесообразна? Шеллинг строит не систему бытия, а систему знания. Но система — это завершённое целое. Объектом исследования Шеллинга является самосознание как духовная деятельность. Следовательно, Шеллинг оставался все время в сфере знания. Но выйти за пределы знания посредством знания невозможно?! Или как можно объяснить ограничение знания посредством знания?

Шеллинг строит свою систему философии на мистической интеллектуальной интуиции, которая одновременно является знанием, творящим мир, и знанием, которое его созерцает. Таким образом, интеллектуальная интуиция бесконечна и конечна одновременно. Но в обоих случаях она есть знание. А откуда знание? Только из нее самой. Поэтому у Шеллинга, как и у Фихте, противоположности различаются лишь по степени, т.е. количественно, а не качественно. И бытие, и сознание, по Шеллингу, являются знанием. Различие только в степени осознанности или, наоборот, неосознанности.

Естественно, что исходя из изложенного выше, вся система знания должна полностью содержаться в абсолютно первом основоположении (абсолютном синтезе). Все действия интеллигенции, согласно Шеллингу, направлены на то, чтобы вернуться в это исходное гармоничное состояние, поэтому Я и устремлено назад в прошлое. Оно хочет восстановить нарушившуюся гармонию противоположностей, и всякое его действие направлено на это. «Прошлое всегда возникает только в силу действия интеллигенции и необходимо лишь постольку, поскольку необходимо это движение Я назад» [1; 360]. И как по аналогии с мифологическим временем, где все действия человека были направлены на преодоление мирского (профанного) времени, чтобы вернуться к тому исходному началу, с которого все начинается, так и действия конечной интеллигенции суть развертывание этого абсолютного синтеза (сакрального времени) с целью возвращения интеллигенции в саму себя.

Итак, деятельность, согласно Шеллингу, представляет собой процесс самовыражения субъекта — Я, интеллигенции. Человек, природа и мир вообще превращаются в форму проявления этого субъектного бытия, они всего лишь его инобытие, т.е. не самоценны, не имеют самостоятельного значения. «При этом гипертрофируется один аспект объективации: опредмечивание потребностей и целей субъекта, а объективная реальность понимается только как результат деятельности. Человеческая активность отрывается от материального мира и противопоставляется ему. Из объективного мира, по сути дела, исключается существующая независимо от человека и его деятельности природа, развивающаяся по своим объективным законам, благодаря познанию и использованию которых только и возможна человеческая деятельность», — отмечает Л.П.Буева [7; 84].

Таким образом, пространство и время — это формы самообъективации Я, его субъектного бытия, формы выражения и существования его деятельности. В таком случае Шеллинг, как выразился бы Г. С. Батищев, редуцирует деятельность до объектно-вещной активности, т.е. гипертрофируют одну сторону деятельности — опредмечивание. Но в таком случае откуда субъект деятельности — Я, интеллигенция — заимствует свое содержание, откуда в нем вся его творческая мощь?

Тем самым Шеллинг, как и Фихте, вынужден констатировать существование извечно данной субъектности «Я есмь», т.е. субъект не вырабатывается, а просто-напросто полагается, точнее, самополагается. Поэтому у Шеллинга субъект активен, но не деятелен, так как деятельность есть конкретное единство распределенности и опредмечивания.

Список литературы

- 1 Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Сочинения: В 2-т. — М.: Мысль, 1987. — Т. 1. — С. 227–489.
- 2 Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Сочинения. Работы 1792–1801 гг. — М.: НИЦ Ладомир, 1995. — С. 277–472.
- 3 Булатов М.А. Немецкая классическая философия. Гегель. Фейербах. — Киев: Стило, 2006. — Ч. 2. — 544 с.

4 *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи. — М.: Худ. лит.-ра, 1986. — С. 121–290.

5 *Бородай Ю.М.* Воображение и теория познания (Критический очерк кантовского учения о продуктивной способности воображения). — М.: Высш. шк., 1966. — 151 с.

6 *Платон.* Тимей // Сочинения: В 3 т. — М.: Мысль, 1971. — Т. 3. — Ч. 1. — С. 455–543.

7 *Буева Л.П.* Человек: деятельность и общение. — М.: Мысль, 1978. — 216 с.

Э.Г.Шуматов, Н.Ю.Феталиева

Ф.В.Й.Шеллингтің «Трансценденталды идеализм жүйесіндегі» интеллигенция әрекетінің формалары ретіндегі Мен-кеңістік және Мен-уақыт

Мақалада әрекет контекстіндегі кеңістік пен уақыт мәні мен табиғаты талданады. Кеңістік пен уақыт әрекеттің қажетті алғышарттары ғана емес, сонымен қатар адам субъектілігі болмысының негізгі формалары ретінде ашылады. Авторлар Ф.В.Й.Шеллингтің философиясындағы кеңістік пен уақыт категорияларының қызметтері мен мәнін талдаудың методологиялық тәсілдері, концептуалдандыру тәсілдері, мәселелі-мәндік өрістерді, пәндік облысын қалыптастыру логикасын қарастырады, нақ осы негізде олар әлеуметтік-тұлғалық болмыс формасы ретіндегі кеңістік пен уақытты талдаудың теориялық-методологиялық құралдарын өңдеген.

E.G.Shumatov, N.Y.Fetalieva

I-I-space and time as forms of activity intellectuals in the «system of transcendental idealism» F.V.Y. Schelling

In the article «I-space and I-time as forms of intelligence activity in «System of transcendental idealism» F.V.J.Schelling» in the context of the activity approach the nature and essence of space and time are analyzed. Space and time are revealed not only as necessary premises of activities but as basic being forms of human subjectivity. Authors traced the logic of the formation of a subjective area, problem and semantic field, ways of conceptualizing, methodological means of interpretation the nature and function categories of space and time in the philosophy of F. V.J.Schelling. On this basis the authors developed theoretical and methodological tools of analysis of space and time as forms of social and personal existence.

УДК 173.7 /178.8

Р.М.Сейид

Бакинский государственный университет, Азербайджан

**Наркомания молодежи как глобальная угроза:
социологический аспект анализа проблемы**

По материалам исследования ситуации в г. Решт Исламской Республики Иран

Автором показано, что в настоящее время в мире потребляется огромное количество наркотиков, а наркомания превратилась в глобальную проблему. Отмечено, что во многих странах, в том числе в Иране, наркомания становится основным фактором, отрицательно воздействующим на психологическую, социальную, экономическую и культурную безопасность, уничтожает самый значительный и ценный капитал – это жизнь подростков и молодежи и потому считается для общества очень опасным явлением. В настоящей статье сделана попытка оценки указанной ситуации и в целом отношения молодежи к наркомании в г. Реште Иранской Исламской Республики. К исследованию были привлечены 200 человек в возрасте 17–20 лет, применен метод наблюдения и анкетного опроса.

Ключевые слова: наркотик, потребление наркотических веществ, общепланетарный социум, молодежная среда, социальная история, наркотическое социопространство, социальная общность, нелегальное производство, распространение наркотиков, социальное поведение.

Потребление наркотиков как явление социальной истории имеет давние корни и может быть обнаружено в истории многих стран. Но именно в настоящее время парадоксальным образом, несмотря на достижения человечества в области образования и информационной грамотности, потребление наркотических веществ в масштабах общепланетарного социума приобретает угрожающий характер. Исследователи этой проблемы подчеркивают, что нелегальное производство и распространение наркотиков за последние десятилетия постепенно обеспечили функционирование наркотического социопространства. Сформировалась новая социальная общность, которой присуще все многообразие аспектов социального поведения, связанного с производством, распределением, обменом и потреблением наркотических средств [1]. Особую опасность для общества представляет стремительный рост потребления наркотиков в молодежной среде. Сегодня многие государства мира признают, что проблема распространения наркотиков среди молодежи требует незамедлительных действий, поскольку по своим последствиям она представляет прямую угрозу национальной безопасности. Однако не в каждом государстве должное понимание этой угрозы стало неотъемлемой частью общественного сознания. Между тем именно в подростковом и юношеском возрасте происходит формирование личности как полноправного члена социума, становление гражданской позиции. И от того, какие обстоятельства влияют на жизнь человека в этот период, во многом зависит его отношение к своей социальной ответственности. Поэтому общественное мнение, противодействие наркоторговле, борьба за здоровый образ жизни молодежи, нетерпимость по отношению к доступности наркотиков — одни из наиболее эффективных способов устранения угрозы наркомании. Но, к сожалению, мы вынуждены признать, что на сегодняшний день победу в «информационной войне» одерживают распространители наркотиков. Как показывает мониторинг, процесс приобщения молодежи к потреблению наркотических средств начинается с широкого информирования. Его механизм является скрытым и реализуется как наркоторговцами розничной сети, так и самими потребляющими. Этот механизм превратил-

ся за последние годы в устойчивый элемент молодежной коммуникации, а тема наркотиков — в элемент массовой молодежной субкультуры [2].

В рамках европейского проекта исследования школ по проблеме потребления алкоголя и наркотиков было проведено анкетирование в 35 странах Европы. В результате было выявлено, что из 100 тысяч школьников, чей средний возраст 15–16 лет, 82 % потребляли алкоголь хотя бы раз за последний год, были пьяными — 39 %, хотя бы раз за последний месяц курили сигареты — 29 %, все время, сколько помнят себя, употребляли каннабис — 19 %, употребляли, сколько помнят себя, различные наркотики — от 5 до 7 % опрошенных [3].

В отчете ООН по контролю за наркотическими веществами в 1990 г. в мире было 180 млн. наркоманов (среди населения старше 15 лет — 4,2 % населения Земли). В 2009 г. во всем мире наркотики принимали уже до 250 млн. человек. В странах с «переходной экономикой» (например, в Восточной Европе и Южной Америке) и странах, которые являются местом незаконного производства или зоной транзита наркотиков (например, страны Центральной Азии), уже отмечаются признаки устойчивого роста потребления наркотиков. В развитых странах Запада счет наркоманам идет на миллионы. Страны, где производятся различные естественные и синтетические наркотические вещества, общеизвестны. Предпринимаются попытки установления эффективной системы по контролю над наркотиками, однако они пока не дают должных результатов [4].

Для Ирана ситуация усугубляется непростым геополитическим положением государства, лежащего на пути международного транзита наркотиков из Азии в Европу. Принимаемые государством меры по стабилизации и оздоровлению наркотической ситуации в стране оказались неадекватными масштабам наркотизации подростков и молодежи. Продолжающееся потребление ими наркотических средств сопровождается чрезвычайно отрицательными последствиями — полной биологической, генетической и социальной деградацией личности. Речь идет о причинении вреда здоровью молодого поколения, о подрыве социальной основы будущего страны. Масштабы и темпы приобщения подростков и молодежи к потреблению наркотических средств сегодня все еще таковы, что это угрожает национальной безопасности страны. Распространение и потребление наркотических средств имеет явную и скрытую формы. Опасность ситуации, связанной с потреблением подростками и молодежью наркотических средств, вызвана тем, что их явная часть, т.е. лица, известные властям как наркоманы, составляют лишь четверть от общего числа употребляющих наркотики. Настоящее количество приобщившихся к употреблению наркотических средств или больных наркоманией известно лишь в самых общих чертах и с определенной степенью вероятности. Точных сведений о численности группы риска среди молодежи, с которой необходимо вести активную профилактическую работу, нет, поскольку отсутствует общественная заинтересованность в выявлении и устранении всех причин, влияющих на приобщение к потреблению наркотических средств, вовлеченность в распространение наркотических средств среди сверстников [5].

Главной целью проведенного исследования было выявление причин приобщения к наркотикам молодежи г. Решт Исламской Республики Иран. Известно, что потребление алкоголя, табака и других наркосодержащих веществ в исламских государствах запрещено Кораном. За торговлю алкоголем предусмотрены жесткие меры, вплоть до смертной казни. За торговлю героином, марихуаной, ЛСД, кокаином и другими нелегальными наркотиками — только смертная казнь. Тем не менее социальные обстоятельства жизни молодежи в современном обществе таковы, что потребление наркотиков, вопреки религиозным и культурным традициям, становится социальным злом и в странах исламского мира [6; 61–63]. Поэтому в нашем исследовании была поставлена задача выявления причин формирования у молодежи интереса к наркотикам в условиях современных социальных реалий. Выявление данных причин поможет обществу более эффективно противодействовать распространению наркотиков среди молодежи — угрозе будущему страны. Для решения поставленной задачи мы выдвинули следующие гипотезы:

1. Существует ли связь между низким уровнем жизни молодежи, отсутствием равных возможностей для продвижения по служебной и социальной лестнице и наркоманией?
2. Существует ли зависимость между уровнем образования молодежи и наркоманией?
3. Существует ли связь между безуспешным стремлением к получению жизненного опыта (при переходе от детского возраста к подростковому) и интересом к наркотикам?
4. Существует ли связь между отсутствием достаточного профессионального опыта у молодого человека, неудачно складывающейся профессиональной карьерой и потреблением наркотиков?

В исследовании была определена корреляция между независимой и зависимой переменными. Независимая переменная — это отношение молодежи г. Решт к наркотикам, зависимая — это такие показатели, как равнодушие к религиозной традиции, безработица, наличие друзей, употребляющих наркотики, низкое качество учебы, слабая эмоциональная связь между родителями и детьми, внутрисемейные конфликты, низкая самооценка, психологические трудности периода полового созревания. Объектом исследования стали молодые люди г. Решт в возрасте от 17 до 20 лет в количестве 200 человек. Группа респондентов была определена методом случайной выборки. Исследование было проведено в период с января 2009 г. по сентябрь 2010 г. Общий анализ полученных результатов показал, что наркомания не является элементом асоциального поведения какой-либо определенной группы или прослойки в молодежной среде, а является серьезной угрозой на всех уровнях социальной организации. При этом существует определенный комплекс причин, которые характеризуют социальную вариативность факторов, способствующих появлению у молодежи интереса к наркотикам. Мы остановимся на следующих комплексах причин.

Отношения в семье. Возникновению тяги к наркотикам способствуют неполный состав семьи, внутрисемейные конфликты, низкий уровень общения и слабость семейных связей, бедность, неграмотность родителей, их неосведомленность об общественных процессах, протекающих вне дома. Стало понятно, что слабое участие родителей в воспитании детей, неустойчивая эмоциональная связь между родителями и детьми, конфликтный способ общения во многом способствуют возникновению пристрастия к наркотикам как способу ухода от внутрисемейного отчуждения. Результаты исследования говорят о том, что в случае пристрастия одного из взрослых членов семьи к наркотикам, опасность приобщения к ним других членов семьи многократно возрастает. Если один из членов семьи принимает открыто наркотики, то у других членов семьи страх перед этим явлением исчезает и это превращается для них в обычную процедуру. Таким образом, семейная обстановка, в которой преобладают девиантные модели поведения, является значимым фактором, влияющим на формирование у молодежи интереса к наркотическим веществам.

Связи со сверстниками. При достижении подростками и молодыми людьми периода полового созревания в их организме происходят определенные физиологические изменения, которые, в свою очередь, вызывают новые поведенческие реакции и изменения в отношениях с окружающими. Молодой человек попадает в противоречивую ситуацию. С одной стороны, от него ждут отказа от стереотипов детского поведения, с другой же — не считают его вполне зрелым, взрослым человеком. Молодой человек еще не может рассчитывать на отношение к себе как к зрелой личности и в то же время уже не является вполне зависимым от других. Молодежь этого возраста не обладает четкими представлениями о своей идентичности и социальном статусе, предпочитает строить более тесные отношения именно со своими сверстниками. Критерий самооценки молодых в немалой степени основывается на приоритетах сверстников. Одним из условий приема в сложившуюся группу сверстников является принятие существующих внутригрупповых норм, подражание другим членам группы и повторение их действий. Обычно большинство этих поведенческих норм связано с нарушением общепринятых социальных норм. Прием наркотических средств может быть одним из вариантов подобных девиантных отклонений. Практика показывает, что подростки и молодежь получают первые сведения о наркотиках именно от своих сверстников.

Разумеется, в подобных условиях уже обозначенные внутрисемейные проблемы приведут к неизбежному проявлению девиантных отклонений в поведении подростка и к самоутверждению протестным образом, в том числе и через употребление наркотических средств. Поэтому в результате нашего исследования были подтверждены уже имеющиеся данные о том, что большинство молодых наркоманов вначале дружили с молодыми людьми, принимающими наркотики, часто с ними встречались. И основными причинами своего приобщения к наркотикам молодые люди в своем большинстве назвали вначале семью, а затем — друзей.

Информационное пространство. Возникающий в процессе социального отчуждения молодежи духовный вакуум, к сожалению, заполняется информацией современных СМИ, ориентированных на примитивный вкус, тягу к материалам шокирующего характера, разрушительно влияющих на неустойчивую психику подростков. Культ силы, роскоши, презрения к повседневному труду, преобладающий на современном телевидении и в киноиндустрии, также оказывает достаточное влияние на стремление молодежи использовать наркотики как элемент принадлежности к богемному образу жизни.

Свободное время. Одним из факторов, способствующих распространению наркомании, являются особые, тайные сборы (прием гостей). В Иране люди свое свободное время проводят в основном именно указанным образом. Однако подобного рода «камерные» встречи создают благоприятные условия для приема наркотиков, поскольку в настоящее время наркотические вещества доступны и часто являются необходимым условием проведения развлекательных мероприятий с целью создания атмосферы веселья. Дети, принимающие участие в подобных сборищах, являются непосредственными свидетелями приема взрослыми наркотических веществ и начинают им в этом подражать. Если подобного рода собрания попадают в сферу внимания тех, кто распространяет наркотики, то они создают необходимые условия для того, чтобы как можно больше людей получили возможность попробовать наркотики. Нами было определено, что 66 % наркоманов свою первую порцию наркотиков получили бесплатно. Иллюзия легкой возможности получить наркотики втягивает в наркоманию многих молодых людей. Таким образом, ограниченный выбор развлечений в свободное время, отсутствие доступных для молодежи способов интересного и полезного времяпровождения и, наоборот, возможность достаточно легко поучаствовать в запрещенных формах проведения досуга являются серьезными факторами увеличения числа наркозависимых.

Материальное положение. Низкая оплата труда, инфляция, рост цен, отсутствие постоянного жилья, безработица и другие причины отсутствия материального благополучия также могут быть признаны серьезными факторами, способствующим усилению тяги к наркотикам. Исследование показало, что большинство наркоманов являются выходцами из бедных семей. При этом среди бедных, проживающих в городе, число наркоманов значительно выше, чем в сельской местности, — 77,9 против 15,9 %. Соответственно, можно предположить, что людей толкает к наркотикам не столько отсутствие материальных благ, сколько осознание отсутствия перспектив улучшения жизни, которое в сельской местности отчасти компенсируется работой в домашнем хозяйстве. Однако опасность наркомании для общества состоит именно в отсутствии однозначности в выявлении ее причин. Результаты нашего исследования показали, что употребление наркотиков происходит и при наличии высокого уровня доходов. Так, 60 % опрошенных назвали причиной приема наркотиков низкий уровень жизни, а 20 % — высокий, 10 % — и тот и другой вместе. В состоятельных семьях дети, обладая определенной свободой поведения, не всегда в состоянии противостоять соблазну вызываемой наркотиками эйфории развлечений. А с другой стороны, не сталкиваясь с жизненными трудностями, они не готовы к первым проблемам и поэтому могут прибегать к наркотикам как средству преодоления депрессии. Поэтому отсутствие и у бедной и у обеспеченной молодежи позитивных жизненных ценностей, осознание бессмысленности стремления к лучшему в жизни, из-за отсутствия поддержки и понимания, толкают молодежь к наркотикам.

Уровень образования. До революции 1978 г. основная часть наркоманов в Иране была безграмотной. Тогда в обществе в целом уровень грамотности был низким. Однако теперь мы являемся свидетелями приема наркотиков и лицами с высшим образованием. Из заключенных, содержащихся в тюрьмах Ирана в 1998 г., 29 % были неграмотными, 36 % имели начальное образование, 25 — неполное среднее, 11 — полное среднее и 1 % — высшее образование. Констатируя, что общий уровень образования среди наркоманов остается крайне низким, мы с беспокойством отмечаем, что численность наркоманов среди лиц с высшим образованием возросла, и это можно обозначить как новый уровень процесса наркозависимости. Вместе с тем исследования последних лет показывают, что уровень наркозависимости и уровень образования обратно пропорциональны друг другу. Чем выше уровень образования, тем ниже степень пристрастия к наркотикам, и наоборот.

Демографическая ситуация. Демографические процессы, происходящие в стране, также образуют группу факторов, влияющих на появление у людей интереса к наркотикам. Отмечается рост числа наркозависимых лиц среди неженатых людей. Отсутствие возможности создать семью, что связано с обозначенными выше причинами, негативно влияет на поведение человека и подталкивает его к наркотикам. При этом те, кто начал употреблять наркотики в подростковом возрасте, практически не имеют шансов вступить в брак и получить помощь для избавления от пагубного пристрастия от близкого человека, поэтому среди не вступивших в брак наркоманов растет число лиц, употребляющих такой сильный наркотик, как героин.

Другая особенность современной демографической ситуации связана с тем, что Иран — государство, в котором преобладает молодое по возрасту население. Отсутствие продуманной государственной политики по созидательному использованию потенциала молодежи приводит к появлению целого комплекса проблем. В предыдущие периоды развития общества переход от детства к

отрочеству не был настолько напряженным. Однако теперь усложнение социальных отношений, возникновение новых социальных ролей, проблемы с социальной и личностной идентификацией молодежи способствуют возникновению новых социальных противоречий. Период между детством и юностью — достаточно важный и сложный период. На этом этапе при неудачах в таких ответственных процессах, как получение образования, создание семьи, профессиональная карьера, которые играют исключительную роль в становлении личности и достижении личной независимости, молодой человек, пытаясь забыть об этих неудачах, начинает стремиться к приему антидепрессантов и наркотиков.

Свое влияние на ситуацию приобщения молодежи к наркотикам оказывает и внутренняя миграция в стране, вызванная неравномерным развитием регионов. Люди в поисках более благоприятных условий для жизни вынуждены перебираться на новое место жительства, сталкиваясь с проблемами маргинального характера. Появляющиеся на этой почве внутриличностные и межличностные конфликты пытаются разрешать, прибегая к наркотикам.

Физическое и психическое здоровье. Физические заболевания при отсутствии квалифицированной медицинской помощи также способствуют употреблению наркотиков. Пытаясь избавиться больного от страданий, ему предлагают наркотики вместо лекарств, в результате чего постепенно возникает привыкание. Иногда невозможность устранить физическое заболевание приводит к началу психического расстройства. Среди таких заболеваний можно назвать наличие различных комплексов, депрессию, потерю надежды и веры, расстройство эмоциональной сферы, бессонницу, нарушения в сексуальной жизни, неустойчивые эмоции и чувства, проблемы в процессе становления личности, ощущение неполноценности. При этом выход из этой ситуации 74 % опрошенных видят в применении наркотических средств. Большая часть тех, кто имел пристрастие к наркотикам и был на этой основе арестован, отмечали, что среди главных причин, толкнувших их на это, было желание уйти от действительности, преодолеть свои психологические проблемы. Мы соглашаемся с утверждением, что между психологическими особенностями личности и пристрастием к наркотикам есть прямая связь. Имеется в виду, что личности с неустойчивой психикой, не получая должной социальной поддержки, более склонны к игнорированию своих проблем посредством использования наркотиков. В свою очередь наркотики приводят к потере психологической целостности и устойчивости, ухудшают способность человека к рефлексии и самоконтролю.

Поэтому мы считаем, что для проведения действенной борьбы с наркоманией и ее пагубными последствиями следует внимательно относиться к изучению психологии личности и стараться вовремя корректировать отклонения в поведении человека. Для этого общество в целом должно отличаться высоким уровнем социальной терпимости и на этой основе создавать необходимые структуры социальной взаимопомощи.

Религия. Религия — мощный фактор оздоровления духовного мира человека. Вера в свою сопричастность к Высшему началу способна помочь человеку в самых сложных ситуациях. Однако, как уже было отмечено, современная ситуация с употреблением наркотиков чрезвычайно опасна своим разрушительным влиянием и на религиозную традицию. В иранском обществе, как известно, религия имеет сильные позиции, а религиозные правила и нормы жестко выступают против использования наркотиков, поэтому влияние религии остается одним из наиболее действенных способов в борьбе с этим злом. Наше исследование показало, что между пристрастием молодежи к наркотикам и уровнем религиозности имеется непосредственная зависимость. Установлен тот факт, что среди религиозного населения процент наркоманов равен 6,36 %, а среди тех, кто равнодушен к религии, — 89,2 %. Но то, что увеличивается число молодых людей, равнодушных к запретам религии, указывает на необходимость и в этой сфере духовной жизни искать новые способы противодействия наркотикам.

Таким образом, систематизация выявленных в ходе исследования факторов, влияющих на рост наркомании среди молодежи, показывает, что проблема приобретает угрожающий характер. И ее решение, на наш взгляд, связано не с констатацией новых причин, а с устранением тех условий, которые порождают тягу к наркотикам. В международном масштабе, прежде всего, необходимы самые жесткие коллективные меры против торговли наркотиками. Но поскольку здесь затрагиваются огромные финансовые интересы преступных кланов и коррумпированных политических деятелей, мы не можем говорить о достижении приемлемых результатов в этой области. Остается полагаться на усилия конструктивных сил в самом обществе, для которых, с нашей точки зрения, важны следующие направления реальных действий по снижению масштабов наркомании:

1) проведение просветительской работы с родителями, взрослым населением с целью улучшения понимания ими проблем детей и подростков; расширение и укрепление связей между родителями и педагогическими коллективами школ на уровне совещаний и встреч, своевременное выявление учеников, употребляющих сигареты и наркотики;

2) создание необходимых условий для появления разнообразных и креативных форм использования свободного времени молодыми людьми; вовлечение молодежи в выполнение социально значимых проектов, позволяющих осознать свою необходимость в обществе; использование духовного опыта религиозных организаций;

3) проведение постоянных акций, разъясняющих последствия приема наркотических веществ, а также развенчивающих иллюзии о лечебных возможностях наркотиков;

4) разработка комплекса мероприятий, участие в которых будет способствовать формированию у молодежи веры в себя, умения справляться с любыми проблемами;

5) решение проблем с трудоустройством молодежи возможно путем организации общественных работ.

В заключение полагаем, что необходимо присоединиться к позиции тех ученых, которые считают, что распространение наркотиков, эпидемия наркомании — это вызов не только обществу, системе правопорядка, но и интеллектуальной элите, учёным, специалистам, в том числе и социологам, от которых «общественность вправе ожидать трезвой и, что самое главное, точной оценки ситуации, анализа тенденций, прогнозов, рекомендаций и предложений, связанных с профилактикой и системой предупреждения вовлечения населения в немедицинское употребление наркотических веществ» [7; 17]. Предлагаемое исследование можно рассматривать как первый шаг на пути реализации этой важнейшей задачи научного знания.

Список литературы

- 1 Молодежь и наркотики (социология наркотизма) / Под ред. В.А.Соболева, И.П.Рущенко. — Харьков: Торсинг, 2000. — 456 с.
- 2 Итоговый отчет ООН по Программе по контролю над наркотическими веществами [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL://www.lib.ohchr.org (дата обращения 21.04.2011).
- 3 Европейский проект исследования школ по проблеме потребления алкоголя и наркотиков [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: www.gian.ru (дата обращения 21.04.2011).
- 4 Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками о ситуации с наркопотреблением в мире [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: www.incb.org (дата обращения 21.04.2011).
- 5 *Ramin Mostaghim*. Iran Youth Drug Abuse «Getting Out Of Control» [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: www.albionmonitor.com (дата обращения 21.04.2011).
- 6 *Jafari S., Rahimi-Movaghar A., Craib K.J.P., Baharlou S., Mathias R.* A follow-up study of drug users in Southern Iran // *Addiction Research and Theory*. — 2010. — Vol. 18. — № 1. — P. 59–70.
- 7 *Рущенко И.П.* Количественное измерение динамики и структурных характеристик процесса распространения наркотиков (методология, методика и результаты исследований) // Молодежь и наркотики (социология наркотизма) / Под ред. В.А.Соболева, И.П.Рущенко. — Харьков: Торсинг, 2000. — С. 17–83.

Р.М.Сейид

Жастар нашакорлығы ғаламдық қауіп ретінде: мәселені талдаудың әлеуметтік аспектісі (Иран Ислам Республикасындағы Решт қ. жағдайларды зерттеу материалдары бойынша)

Қазіргі уақытта әлемде нашакорлық белең алып бара жатыр, яғни ғаламдық мәселеге айналып отыр. Көптеген елдерде, оның ішінде Иранда нашакорлық психологиялық, әлеуметтік, экономикалық және мәдени қауіпсіздікке кері әсерін тигізетін негізгі фактор болып табылады және сондықтан да бұл қоғам үшін қауіпті құбылыс болып табылады. Нашакорлық ең маңызды әрі құнды байлық болып саналатын — жастар мен жасөспірімдердің өмірін құртады. Мақалада осы жағдайға баға беруге ұмтылыс жасалады және Иран Ислам Республикасындағы Решт қаласындағы нашакорлыққа деген жастардың жалпы қатынасы да қарастырылады. Зерттеуге 17–20 жас аралығындағы 200 адам қатыстырылған болатын, бақылау әдісі мен сауалнама әдісі қолданылды.

Youth addiction as a global threat: the sociological aspect of the analysis problem (according to studies of the situation in the city of Rasht Islamic Republic of Iran)

Now in the world the large quantity of drugs is consumed, and the narcotism has turned to a global problem. In many countries, including in Iran, the narcotism becomes a major factor negatively influencing psychological, social, economic and cultural safety and consequently it is considered for a society very dangerous phenomenon. The narcotism destroys the most considerable and valuable capital is life of teenagers and youth. In the present article attempt of an estimation of the specified situation and as a whole the relation of youth to a narcotism in Resht the Iranian Islamic Republic becomes. 200 persons have been involved in research at the age of 17–20 years, the supervision and questionnaire method is applied.

УДК 159.9.01(167.7:316.6)

В.Ф.Медведовская

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского, Россия

Жизненный цикл семьи: системно-категориальный анализ

В статье показано, что понятие жизненного цикла семьи, позволяющее получить развернутую картину развития индивида и становления личности в рамках семейного социума. При этом развитие рассмотрено не линейно, но с учётом диалектических противоречий, в результате действия которых и происходит развитие. Проанализированы ключевые конфликты, обуславливающие качественное изменение человека. Для описания структуры и эволюции семьи как незамкнутой системы использованы схемы пентаграммы первоэлементов у-син и энеграммы Гурджиева. Категориальные схемы, представленные в статье, могут использоваться и в других областях социальных и гуманитарных исследований.

Ключевые слова: семья, эволюция семьи, семейная система, жизненный цикл, анализ, системно-категориальный анализ, стадия монады, стадия диады, стадия триады, кризис.

Эволюция семьи подобна эволюции человека. Как и он, каждая семейная система должна пройти свой жизненный цикл. Жизненный цикл семьи — это такая последовательность смены событий и стадий, которую проходит любая семья. В универсальном виде в жизненном цикле выделяют фазы образования, роста, стабилизации, угасания, смерти, и это можно представлять в категориальных схемах и качественных моделях [1; 138–189]. Непосредственной физиологической причиной, дающей семье возможность пройти этот жизненный цикл, являются некоторые обязательные для возникновения этой системы события, такие как брак, а также изменения физического возраста людей и соответствующие изменения стадий психического развития. Впервые жизненный цикл семьи был описан группой психотерапевтов, работавших под руководством Грегори Бейтсона, в частности Джоном Хейли [2].

Анна Варга предлагает рассмотреть жизненный цикл на примере американской семьи. Первая стадия жизненного цикла — это стадия *монады*: одинокий, финансово самостоятельный молодой человек, живущий отдельно. Это важная стадия как для индивидуального психического развития, так и для развития будущей семьи. Далее молодой человек начинает встречаться с девушкой и вступает с ней в брак (или девушка встречается с молодым человеком и вступает с ним в брак). Вторая стадия называется стадией *диады*. Люди начинают жить вместе и должны договориться о том, по каким правилам это будет происходить. Семья на стадии диады — это объединение двух семей. Это кризис, поскольку каждый приносит модель собственной семьи. В этот период семейная микросистема смыкается с микросистемой большого социума, в который включена семья. Далее наступает третья стадия — *триада*. Появление ребенка увеличивает дистанцию между родителями, но делает семейную структуру более устойчивой. Следующая стадия — это появление следующего ребенка. На пятой стадии жизненного цикла дети выходят во внешний мир. На шестой стадии ребенок должен решить

свой кризис идентичности. Если семья проходит кризис, происходит сепарация детей от родителей. Следующий этап симметричен второму: пожилые родители остаются вдвоем. После смерти одного из супругов жизненный цикл семьи завершается, наступает стадия монады, только на другом возрастном уровне — конец семьи [3; 15–25].

Можно проследить этапы развития семьи на модели пентаграммы у-син (рис.1). Следует отметить, что одна из интерпретаций взаимодействия элементов предусматривает семейные отношения: мать-ребенок, дед-внук.

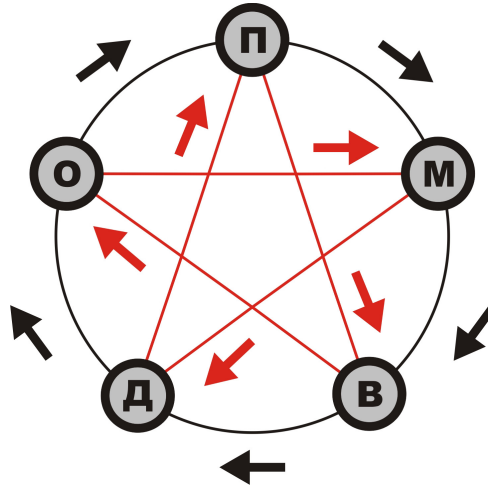

Рисунок 1. Этапы развития семьи на модели пентаграммы у-син

Комментарии к схеме на рисунке 1 выполняются на основе опытов применения метафизики у-син к интерпретации разнообразных познавательных задач.

Вода — жизнь и развитие человека внутри родительской семьи.

Дерево — стадии монады и диады. Происходит отделение молодого человека или девушки, начало самостоятельной жизни, появление партнера, начало совместной жизни

Огонь — рождение детей.

Почва — период, когда дети уходят из семьи, начиная свою самостоятельную жизнь. Металл — стадия сжатия, ограничения. Это семья на стадии диады или монады, когда родители снова возвращаются к отдельной жизни, когда умирает один из супругов.

Каждый из элементов содержит в себе собственную пентаграмму у-син. Так, период воды можно рассматривать как развитие человека. Вода — период внутриутробного развития, дерево — детство, огонь — молодость, почва — зрелость, металл — старость, вода — умирание.

Проследим цикл угнетения «дед-внук». Вода гасит огонь. Модель родительской семьи ограничивает супружескую пару на данном этапе жизненного цикла. Возможно, кто-то не сможет выработать собственную модель, тогда естественное развитие системы нарушается, семья становится дисфункциональной. Там, где в семьях растут единственные дети, количество браков снижается, а количество одиноких людей, живущих вне брака, растет.

Дерево разрушает почву. Стадия дерева — это период собственной сепарации. Стадия почвы — это сепарация ребенка. Если отделение ребенка прошло удачно, то у родителей и детей меняются взаимоотношения. Происходят изменения второго порядка*, эмоциональная зависимость исчезает.

Огонь плавит металл. Период металла — это регрессивная стадия, период, когда родители снова остаются вдвоем. На данном этапе необходимы изменения второго порядка, т.е. пересмотр отношений со взрослыми детьми. Если семья дисфункциональна, то она старается сохранить отношения маленького ребенка с родителями. (При этом неважно, кто на самом деле ребенок, а кто родитель, в плане психологических ролей часто происходит инверсия, способная затрагивать и гендерную ориентацию членов семьи.)

* Изменения первого порядка — это структурные изменения. Например, семья может разехаться, кто-то может умереть, может произойти развод. Но перестройки отношений не происходит. Изменения взаимоотношений — это изменения второго порядка.

Почва впитывает воду. Стадия почвы — это период самоидентификации ребенка, стадия сепарации. Если не произошла сепарация с родителями, значит, она будет происходить в собственных браках.

Металл рубит дерево. Это две симметричные стадии: пара в начале жизненного цикла семьи и в конце. Отношения, сложившиеся в первые годы совместной жизни, влияют на отношения людей в завершающей стадии брака.

Российская семья имеет собственную специфику. Обычно встречается двухпоколенная семья со взрослыми детьми. Молодые люди не имеют возможности посмотреть со стороны на правила, предложенные родительской семьей. Первая стадия часто отсутствует. В наших семьях очень актуальна проблема дифференциации. В западной литературе есть даже специальный термин для российской семьи — *enmeshed family* — слитная, спутанная, пророщенная друг в друга семья [3; 35].

Для пентаграммы у-син это означает отсутствие стадии дерева. Молодой человек из стадии воды сразу попадает в стадию огня. То есть молодой человек не приобрел опыта отдельной жизни, он переносит модель родительской семьи неизменной в собственную семью. Поскольку огонь не получает поддержки дерева, он ослаблен и начинает забирать ресурс у земли. Период самоидентификации ребенка осложняется. Вместо того чтобы передавать ресурс ребенку, родители удерживают ребенка в семье. Отсутствие ограничения дерево-почва также осложняет отделение ребенка от родителей.

Для того чтобы описать развитие семьи более подробно, можно воспользоваться шестеричной структурой и добавить в пентаграмму шестой элемент — зерно. Он будет находиться между водой и деревом*. Если при пятеричном их наборе вода «питает» и «рождает» дерево, то при шестеричном — вода будет «питать» зерно, а из зерна (семени) «родится» (вырастет) дерево [4; 77]. Теперь можно разделить стадию дерева на две: зерно — это стадия монады, дерево — стадия диады.

Стихии группируются в пары — «вода-огонь», «почва-металл», «зерно-дерево», которые можно классифицировать в соответствии с тремя условно выделенными состояниями вещества: с неустойчивой, устойчивой и сложноорганизованной неустойчиво-устойчивой структурой («живое» вещество) (рис. 2).

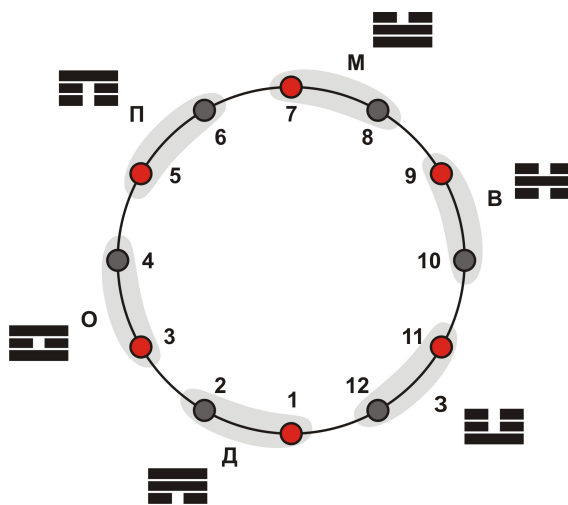

Рисунок 2. Эволюция семьи в шестиэлементной структуре у-син

Пара «вода-огонь» — это инь-ян, «холодное» и «горячее». Детство, модель собственной семьи, с одной стороны, и появление собственных детей, новое качество — родитель, с другой стороны. Огонь стремится вверх, вода стекает вниз. Неустойчивая структура.

Пара «почва-металл» — это «мягкое и твердое». Стадия почвы — изменения семейной системы второго порядка, выработка новых отношений с детьми, стадия металла — регресс семьи. Почва — это создание стабильности, металл — сжатие, ограничение, контроль. Почва рождает металл. Отношения мать-дитя. Устойчивая структура.

Пара «зерно-дерево» — «милосердие и справедливость». Стадия рождения новой семейной системы. Сложноорганизованная структура.

* Шестеричная структура широко используется в китайской медицине, здесь шестой элемент — это вторичный огонь.

Цикл угнетения для шестиричной структуры более сложный (см. рис. 2). В.Е. Еремеев предлагает использовать для описания отношений «дед-внук» гексанему, внутреннюю часть энеаграммы Г.И. Гурджиева [4; 96–106].

Г.И. Гурджиев предложил использовать энеаграмму как модель, как отражение универсальных закономерностей мира, различные структурные уровни которого построены по единому образцу. Энеаграмма представляет собой круг, на котором расположен ряд натуральных чисел от 1 до 9. Шесть из этих чисел — 1, 2, 4, 5, 7, 8 — связаны между собой в следующем порядке 1, 4, 2, 8, 5, 7 ... и образуют гексанему. Остальные три числа — 3, 6, 9 — образуют тригон (треугольник импульсов, толчков). Связь между числами — это отражение взаимоотношений между элементами описываемой системы [5; 384–394]. В русле работ по системной интерпретации символов древней философии и применения полученных схем в качественных моделях объектов были проведены опыты с освоением энеаграммы [6; 120–121, 7; 59–62].

Если рассматривать эволюцию семьи более подробно, с использованием энеаграммы (рис.3), то каждую стадию можно представить следующим образом: 1 — это монада; 2 — появление партнера; 3 — внешний толчок, рождение ребенка; 4 — период до 5 лет; 5 — выход ребенка во внешний мир; 6 — внешний толчок, кризис идентичности ребенка, обретение собственной идентичности и сепарация ребенка от семьи; 7 — диада; 8 — монада; 9 — это завершение цикла, смерть человека. Либо это начало нового цикла: рождение человека.

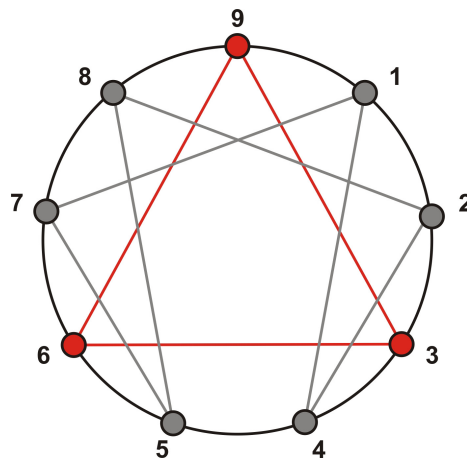

Рисунок 3. Эволюция семьи в символе энеаграммы

Анна Варга описывает четвертый период как рождение второго ребенка и далее — следующих детей. Но в этом случае возникает вопрос, что представляет собой этот период для семей с одним ребенком. Детство является самым важным периодом в развитии человека. Семья необходима для подготовки ребенка к жизни в обществе. Психологи выделяют первые пять лет, когда ребенку необходимо находиться внутри семьи, социального инкубатора. Можно интерпретировать эту стадию как своеобразную (семейную) беременность. В это время человек существует внутри семейной системы. Назовем четвертую стадию стадией социального эмбриона, когда семья образует среду, необходимую ребёнку не только в биологическом, но и в социальном отношении [3].

Внутренняя гексанема отражает взаимоотношения между элементами данной системы, причем не только статически, но и в динамике.

Поскольку данные отношения — это отношения угнетения, ограничения, то их характеристикой является наличие противоречия. Противоречие — это отношение по обмену ресурсами между двумя и более элементами системы, отличающееся цикличностью. Противоречие формируется, если наступает определенное согласование между максимумом и минимумом в каждом из компонентов [8; 154, 155]. Напряжение, возникающее в системе, — это носитель ресурса системы. Мюррей Боуэн, основатель системной семейной психотерапии, рассматривает противоречие между стремлением соединиться с другим человеком и стремлением к индивидуальности [9; 138–142]. Баланс сил совместности — индивидуализации является критическим показателем функционирования эмоциональной системы. Эти силы находятся в равновесии, увеличение одной из них приводит к эмоциональным потрясениям, сопровождающим процесс перехода к новому балансу сил. Появление эмоционального

напряжения показывает начало такого перехода. Кроме базового противоречия «совместность — индивидуальность» можно также выделить противоречия «мужчина-женщина», «родитель-ребенок», «семья-социум».

1–4 — монада (стремление к индивидуальности)/ инкубатор (стремление ребенка соединиться с родителями).

4–2 — инкубатор (соединение с родителями)/ диада (создание собственной семьи).

2–8 — диада (новая семья)/ монада (человек остается в одиночестве).

8–5 — монада (человек ограничивает связи, контакты)/ пионер (новые контакты, новые направления жизни).

5–7 — пионер (освоение внешнего мира)/ диада (семья уменьшается, перестройка отношений с детьми).

7–1 — диада (изменение отношений между супругами)/ монада (переоценка модели родительской семьи).

Каждая пара является специализацией базового противоречия.

Карл Витакер рассматривает рост семьи как диалектическую борьбу на нескольких уровнях. Основная диалектика — *индивидуализация и принадлежность*. Вторая диалектическая полярность — это полярность *интуиции и разума*. Диалектический подход предполагает, что усиление обоих полюсов лучше, чем стремление противопоставить их. Третья полярность — *роль и личность*. Личность, ядро человека, сложно разглядеть за бесконечной чередой ролей, но это не перечеркивает её реальности. Четвертая полярность — *импульс и контроль*. Пятая полярность — *сферы общественной и личной жизни*. Шестая пара противоположностей — *любовь и ненависть*. Седьмая полярность — *полярность безумия и хитрости*, полярность высокого уровня индивидуации и высокого уровня адаптации. Восьмая диалектическая полярность — *полярность изменения и стабильности*, полярность энтропии, постепенного распада целого и негэнтропии, аспекта роста, заключенного в самом распаде [9;98–100].

Таким образом, первую пару гексанемы 1–4 (монада/ инкубатор) можно рассматривать как основное противоречие индивидуализация/ принадлежность. Путь к зрелости, взрослению проходит через индивидуализацию. Взрослый человек, живущий со своими родителями, поработан принадлежностью и отказывается от индивидуализации.

Пара 8–5 (монада/ пионер) отражает противоречие контроль-импульс. Чем больше человек контролирует, тем больше может удовлетворять свои импульсы; чем сильнее импульсы, тем необходимей контроль. Данное взаимодействие можно также описать как полярность *роль-личность*.

Противоречие общественной и личной жизни можно проиллюстрировать на паре 5–7 (пионер/ диада). В идеальном браке два равных человека относятся друг к другу вне всяких ролей.

Пара 7–1 (диада/ монада) — это противоречие любви и ненависти. Симбиоз подчеркивает взаимный паразитизм отношений, он характерен и для любви, и для ненависти. К.Витакер называет это «сумасшествие вдвоем».

Пара 4–2. Это противоречие *стабильность/ изменение*.

Пара 2–8. Это противоречие между умением адаптации и самовыражения.

Таким образом, мы получаем развернутую картину развития индивида и становления личности в рамках семейного социума, начиная с рождения и заканчивая смертью человека. Явным преимуществом при этом по сравнению с различными возрастными психологиями является именно протяженность (длительность) исследования человека: от и до, тогда как многие исследователи разбирают лишь ограниченный период развития человека, зачастую ограничиваясь только детством или периодом до становления личности.

При этом развитие рассматривается не линейно, но с учётом диалектических противоречий, в результате действия которых, собственно, и происходит развитие. В статье рассматриваются ключевые конфликты, обуславливающие качественное изменение человека: так ребенок превращается во взрослого. То есть меняется не только способ мышления личности, но и межличностные связи: контакты, формы и способы общения, поскольку меняется главное — жизненная цель, а с ней основной вид деятельности (игра, учеба, поиск партнера и т.д.). Кроме того, развитие происходит в рамках незамкнутой системы, основной общественной единицы — семьи. При этом исследование не ограничивается только внутрисемейными отношениями, но и выделяет экспансивное развитие, т.е. развитие вовне, за пределы семьи.

Системный подход, предложенный Норбертом Винером и Людвигом фон Бергаланфи, сейчас широко используется в социальных науках. Однако для изучения такой социальной системы, как семья, используются чаще всего генограммы, показывающие элементы системы и в меньшей степени — взаимодействие этих элементов. Схемы и принципы у-син, энеаграммы в интерпретациях отношений, порождаемых семьёй, могут успешно использоваться в различных отраслях психологии: семейной психологии, конфликтологии, психологии развития и т.п., поскольку позволяют выявить причину проблемы (источник развития проблемы, конфликта, стрессовой ситуации) и работать непосредственно с причиной, а не со следствием.

Эволюционный подход к семье, а также категориальные схемы, представленные в данной работе, также могут использоваться и в других областях социальных и гуманитарных исследований, поскольку механизмы развития сходны для различных социальных групп: учебных, спортивных, рабочих и т.п.

Список литературы

- 1 *Разумов В.И.* Категориально-системная методология в подготовке учёных: Учеб. пособие — Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. — 277 с.
- 2 *Хейли Дж.* Жизненный цикл семьи. Период ухаживания. Брак и его последствия [Электронный ресурс] // Мемориал: [сайт]. URL: bookap.info/popular/virdiniya/g|11.shtm (дата обращения 21.04.2011).
- 3 *Варга А.Я.* Семейная системная психотерапия: Краткий лекционный курс — СПб.: Речь, 2001. — 144 с.
- 4 *Еремеев В.Е.* Чертеж антропокосмоса — 2-е изд., доп. — М.: АСМ, 1993. — 383 с.
- 5 *Успенский П.Д.* В поисках чудесного: Пер. с англ. Н.В.Фон Бока. — М.: Изд-во «ФАИР», 2010. — 528 с.
- 6 *Кувалдина Т.Б., Разумов В.И.* Раскрытие творческого потенциала в логике преподавания учебного курса «Теория бухгалтерского учета» // Развитие человеческого потенциала: Материалы регион. науч.-метод. конф. (14–15 мая 1998 г.). — Омск, 1998. — С. 120–121.
- 7 *Разумов В.И.* Категориально-системные методы в образовании молодежи // Молодежь и ценности современного российского общества: Сб. ст. и тезисов городской межвуз. науч.-практ. конф. — Омск: Изд. ОмГУ, 1998. — С. 59–62.
- 8 *Керр М.* Эмоциональная система / М.Керр, М.Боуэн // Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. — 2-е изд. стереотип: Пер. с англ.: Под общ. ред. В.И.Белопольского — М.: «Когито-Центр», 2008. — 496 с.
- 9 *Витакер К.* Полночные размышления семейного терапевта: Пер. с англ. М.И.Завалова. — М.: Независимая фирма «Класс», 1998. — 208 с.

В.Ф.Медведовская

Отбасының өмірлік циклі: жүйелік-категориалдық талдау

Мақалада отбасылық қоғамның шеңберіндегі тұлғаның қалыптасуы мен жеке адамның дамуының жалпы әрі жан-жақты бейнесіне ие болуға мүмкіндік беретін отбасының өмірлік кезеңі ұғымы қарастырылады. Мұнда даму сызықтық емес, бірақ диалектикалық қарама-қайшылықтардың даму мүмкін болатын есебімен зерттеледі. Адамның сапалық өзгеруіне себеп болатын негізгі қаттығыстар талданады. Тұйық емес ашық жүйе ретіндегі отбасының құрылысы мен дамуын сипаттау үшін Гурджиевтің энеаграммасы мен у-син алғашқы элементтер пентаграммасының схемасы пайдаланылады. Сондай-ақ көрсетілген категориалдық схемалар басқа да әлеуметтік және гуманитарлық зерттеу салаларында қолданылуы мүмкін.

V.F.Medvedovskaya

Family life cycle: system-category analysis

In article the concept of life cycle of the family is considered, allowing to have the developed picture of development of the individual and formation of the person within the limits of family society. Thus development is considered not linearly, but taking into account dialectic contradictions as a result of which action there is a development. The key conflicts causing qualitative change of the person are analyzed. For the description of structure and family evolution as not closed system pentagram schemes the first elements u-sin and eneagramm are used by Gurdzhiev. The categorial schemes presented in article, can be used and in other areas of social and humanitarian researches.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МƏЛІМЕТТЕР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Адыгезалов З.Н.** — соискатель Института истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана; Отдел «Истории международных связей Азербайджана», Баку.
- Баланецкий О.Ф.** — учитель высшей категории, Гимназия № 38, Караганда.
- Бондарцова Т.М.** — доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук к.и.н., Карагандинский государственный индустриальный университет, Темиртау.
- Джалилов К.Ш.** — доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин к.ф.с.н., Карагандинский государственный технический университет.
- Зуева Л.И.** — доцент кафедры археологии, этнологии и отечественной истории к.и.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова.
- Медведовская В.Ф.** — соискатель кафедры философии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия.
- Разумов В.И.** — зав.кафедрой философии д.ф.с.н., профессор, Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского, Россия.
- Рынковой И.В.** — к.ф.с.н., доцент, Православный Свято-Тихоновский государственный университет, Москва, Россия.
- Сактаганова З.Г.** — декан исторического факультета профессор, д.и.н., Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Сейид Р.М.** — аспирант кафедры социологии, Бакинский государственный университет, Азербайджан.
- Сизиков В.П.** — доцент кафедры высшей математики к.т.н., Омский государственный университет путей сообщения, Россия.
- Солощенко П.П.** — старший преподаватель кафедры философии и теории культуры, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Суинова А.С.** — преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Феталиева Н.Ю.** — старший преподаватель кафедры философии и теории культуры, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Шуматов Э.Г.** — старший преподаватель кафедры философии и теории культуры, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.